

КУБАНЫЧБЕК МАЛИКОВ

Встречи
на берегу
Иссык-Куля

*

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

*

Перевод с киргизского М. Ронкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»
ФРУНЗЕ — 1978

С(Кирг)
М 18

М 18

Маликов К.

Встречи на берегу Иссык-Куля.
Стихи разных лет. Пер. с кирг.
М. Ронкина. [Предисл. К. Артыкба-
ева.] Ф., «Кыргызстан», 1978 ©

284 с.

Имя и творчество киргизского народного
поэта известно многочисленным советским
читателям. В эту книгу вошли стихи о Ро-
дине, о красоте нашей жизни.

С(Кирг)

М $\frac{743-96}{451(17)-78}$ 177-78

МУЗА, ОЗАРЕННАЯ ОКТЯБРЕМ

Народный поэт Киргизии, заслуженный деятель искусств Киргизской ССР Кубанычбек Иманалиевич Маликов — один из виднейших представителей киргизской литературы и киргизского национального искусства — прошел большой и славный творческий путь. Он активно участвовал в становлении киргизской профессиональной литературы и по сей день продолжает успешно содействовать ее развитию.

В пятнадцатилетнем возрасте Кубанычбек Маликов становится сотрудником редакции республиканской партийной газеты «Эркин-Тоо» (ныне «Советник Кыргызстан»), которая оказала ему большое доверие, назначив корреспондентом по Фрунзенскому округу Киргизской автономной области. Позже газета помогла К. Маликову получить образование во Фрунзенском педтехникуме и тем самым способствовала раскрытию таланта будущего поэта. Было это в далеком 1926 году.

«Здесь, в техникуме, — вспоминает К. Маликов, — я впервые в жизни услышал слова: художественная литература, поэзия, драма... Здесь открылся передо мной необозримый океан русской поэзии, здесь ввели меня, киргизского аильного паренька, в мир поэтических образов Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского, здесь я впервые познал смысл и назначение поэзии, осознал великую силу и богатство устного народного творчества киргизского народа.»

С той незабываемой поры минуло более полувека. Это были годы напряженного творческого труда, годы раздумий и исканий. За это время К. Маликовым создано множество поэтических произведений, написано свыше двадцати пьес и либретто опер, переведено на

родной язык немало произведений русской, советской и зарубежной классики. Он автор большого числа статей на темы литературы и искусства, ярких публицистических выступлений, свидетельствующих о широте его творческих интересов и гражданственности устремлений.

Не все равноценно в творчестве К. Маликова, не сразу и не вдруг пришел к нему успех. Но безусловно одно — с самого начала литературной деятельности он неустанно и непрерывно совершенствует свое мастерство, оттачивает талант, ищет все новые и новые художественные средства.

Если мы обратимся к творчеству К. Маликова 30-х годов, то заметим, что даже на этом начальном, по сути дела ученическом этапе, он сумел создать такие произведения, которые указывали на незаурядный талант и большие, поистине неисчерпаемые возможности его как художника. В те годы в киргизской советской поэзии только зарождалось сатирическое направление, начало которому положили стихи Аалы Токомбаева. Молодой К. Маликов успешно выступает в этом трудном жанре, его острые сатирические стихи становятся популярными в народе, их заучивают наизусть, читают со сцены.

Поэтическое творчество К. Маликова, его поиски в области крупных поэтических форм обогатили художественный мир киргизской поэзии, подняли ее на более высокую ступень развития. Созданные им в те годы поэмы «Жапар и Шарипа», «Песни любви Сапара», стихотворения «Красные конники», «Мы — великаны труда» и некоторые другие поэтические произведения стояли в одном ряду с поэмами и стихами А. Токомбаева, Дж. Турусбекова, Дж. Боконбаева, М. Токобаева, М. Элебаева.

К. Маликов принадлежит к числу тех художников, которые остро чувствуют требования времени, веление эпохи и стремятся откликнуться на эти требования правдивыми, боевыми, партийными, глубоко реалистическими произведениями, отвечающими чаяниям и устремлениям родного народа. Эти качества в полной мере присущи и его прозаическим произведениям, созданным в те же годы.

Тогда же К. Маликов начинает пробовать себя в драматургии. В 1931 году отдельной книгой выходит его пьеса «Жертва раскрепощения», а чуть позже он

принимает участие в написании либретто ныне знаменитой оперы «Айчурек». Но активно работая в прозе и драматургии, он неизменно оставался поэтом, вдохновенным певцом новой социалистической действительности.

Начиная с 40-х годов и по сегодняшний день К. Маликовым создано немало поэм, воссоздающих широкую панораму народной жизни, снискавших глубокое признание читателей. В числе их есть и такие, которые по своим идейно-художественным достоинствам могут быть отнесены к лучшим образцам киргизской лирико-эпической поэзии. Это, прежде всего, поэмы «Дружба и любовь», «Выбор имени», «Ленинский перевал», «Киргизстан, край мой отчий», «Встреча на берегу Иссык-Куля», «Золотая нить», «Голос со скалы».

Иную грань поэтического дарования К. Маликова составляют произведения, положенные на музыку и вошедшие в народный обиход, такие как «Белая голубка», «Милая моя», «Портрет одной красавицы», «Родина моя — оплот мира», «Не вернулся», «Молодежь Киргизстана» и многие другие. В этих стихах, ставших популярными песнями, поэт проявляет себя как тонкий лирик, умеющий выразить самые глубокие и сокровенные чувства своих сограждан.

Особая роль принадлежит К. Маликову в становлении и развитии киргизского драматического искусства. Написанная им в годы войны пьеса «Жаныл» вот уже свыше тридцати лет не сходит с театральной сцены. В золотой фонд киргизской драматургии вошли также его пьесы «На высокой земле», «Осмонкул», а также написанное в соавторстве с Дж. Боконбаевым либретто оперы «Токтогул». Маликова — драматурга отличает умение мастерски построить сюжет, создать острый сценический конфликт, нарисовать яркие полнокровные образы. В пьесе «На высокой земле» он первым из киргизских драматургов обратился к созданию образов Владимира Ильича Ленина и Михаила Васильевича Фрунзе. Этот факт сам по себе красноречиво говорит о художественно-идейных устремлениях драматурга, о партийной и гражданской направленности его творчества.

Даже если не упоминать о многообразном поэтическом творчестве К. Маликова, а судить о нем лишь по его драматическим произведениям, то и этого вполне достаточно, чтобы его имя навсегда осталось в ис-

тории киргизской литературы и искусства. Но он занят не только собственным творчеством. К. Маликов бережно собирает и изучает народный фольклор, киргизские эпосы. Он подготовил к печати сокращенный двухтомный вариант «Манаса», написал либретто оперы «Сейтек» и в соавторстве с А. Токомбаевым создал либретто оперы «Манас».

К. Маликов внес большой вклад в развитие переводческого дела в республике. Он один из переводчиков «Интернационала»; в его переводах киргизский читатель познакомился с произведениями Пушкина, Шекспира, Шевченко, Маяковского, Абая, Махтымкули, Лахути, Сулеймана Стальского. Немало сил и времени отдает он пропаганде творчества Токтогула, Тоголока Молдо, Калыка, Осмонкула, Алымкула, Ш. Термечикова, М. Баетова и других выдающихся народных акынов и певцов.

Произведения К. Маликова переведены на многие языки народов СССР. Такие его книги, как «Весна Тянь-Шаня», «Ала-Тоо — моя родина», «Думы о завтрашнем», «Голос со скалы», «Стихотворения» вышли на русском языке в московских издательствах и стали достоянием всесоюзного читателя.

Творческая судьба Кубанычбека Иманалиевича Маликова прочно связана с жизнью родного народа, с животворными идеями Коммунистической партии. Именно в этом истоки его творческих успехов, нашедшие достойное признание в республике и за ее пределами. Партия и правительство высоко оценили вдохновенный труд поэта и драматурга, публициста и ученого, он награжден орденами Ленина, Трудового Красного знамени, тремя орденами «Знак почета», удостоен высоких званий народного поэта Киргизии и заслуженного деятеля искусств Киргизии.

Кубанычбек Маликов, несмотря на преклонный возраст, продолжает неустанно трудиться, он полон интересных замыслов и планов. Впереди у него новые высоты, новые горизонты творчества. Свидетельство тому — предлагаемый вниманию читателей новый однотомник стихотворений и поэм К. Маликова, переведенный на русский язык известным поэтом-переводчиком Михаилом Ронкиным.

Качкынбай Артыкбаев,
кандидат филологических наук

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДОРОГОЙ ЛЕНИНА

На отчую землю гляжу я опять,
Мне взором просторов ее не объять,
И мыслью богатств мне ее не измерить,
И даже тех мест, где я рос, не узнать.

Как звезд во Вселенной не счесть никогда, --
В горах не сочтешь табуны и стада.
И всюду я вижу размах новостроек
И слышу могучие ритмы труда.

Взращен и взлелеян Отчизной родной,
Никто не обижен здесь горькой судьбой,
Тяжелою долей никто не унижен,
Никто не придавлен неправдою злой.

Здесь каждый свободно и вольно живет,
И завтрашний день никого не гнетет,
И каждый в семье равноправной и дружной
Хозяином жизни себя сознает.

Одно у нас небо и солнце одно,
И в доме у каждого счастья полно,
И в сердце у каждого жар вдохновенья,
И каждому право на радость дано.

На отчую землю гляжу я опять,
Отца вспоминаю и старую мать.
Казалось, на свет рождены они были,
Чтоб мучиться вечно и вечно страдать.

Лишенные права на счастье и кров,
Не знали они испокон этих слов;
Нужда и бесправье, невзгоды и горе
Душили и гнули в дугу бедняков.

Прожорливый бай их кнутом понукал,
А бий кровожадный ногами пинал,
Манап-лихоимец, жестокий и жадный,
Как темной скотиной, людьми помыкал.

Но грянул Октябрь — и сгинула мгла,
И в край мой киргизский свобода пришла,
Советскую власть на века утвердила
И право на жизнь человеку дала.

Согбенные плечи расправил отец,
И выбилась мать из нужды наконец.
Великого Ленина слово и дело
Согрели теплом миллионы сердец.

Как воздух, как вешних небес синева,
Нам дороги наши святые права
На творческий труд, на единство и братство,
На все, чем душа человека жива.

У нас этих прав никому не отнять!
А тем, кто нас грязью привык обливать,
На светлой, цветущей земле Киргизстана
Не лишне бы было хоть раз побывать.

Пусть черные снимут очки, чтобы им
Глаза не туманил предвзятости дым.

Пусть сами увидят и сами оценят,
Какие дела мы сегодня вершим.

Пускай поглядят на свободный народ,
Что счастье своими руками кует,
Что в братском союзе республик свободных
Дорогою Ленина твердо идет.

У КАРТЫ ПЛАНЕТЫ

Вновь стою я в раздумье у карты планеты,
Розовеет рассвет за раскрытым окном.
О, как много победного красного цвета
Расплескалось сегодня на шаре земном!

Красный цвет — это свет,
Что горит год от года
В чистом небе Отчизны высоким огнем.
Красный цвет — это символ единства народов,
Что начертан на знамени Красном моем.

Это Ленина свет,
Ставший солнцем всесветным,
Обогревший теплом миллионы людей,
Это зарево жизни его беззаветной,
Факел мысли и пламя бессмертных идей.

Красный цвет—свет могучей Советской державы,
Озаряющей людям дорогу во мгле,
Свет страны,
Утверждающей гордое право
На всеобщее счастье и мир на земле.

Красный цвет — свет мечты,
Что живет в человеке,

Свет надежды, которому вечно гореть.
Черной краской его не замазать вовеки,
Злобной силой вовеки его не стереть.

Это цвет в землю пролитой праведной крови
Сотен тысяч отважных борцов и бойцов,
Свет, зажженный святою и светлой любовью
Наших дедов и павших в сраженьях отцов.

Он идет из глубин строек, шахт и заводов,
С необъятных просторов колхозных полей.
Это свет завоеванной в битвах свободы,
Свет овеванных славой Октябрьских дней.

Он, как солнце, всему человечеству виден
И, как солнцу, ему негасимо светить.
Этот свет можно в злобе слепой ненавидеть,
Но нельзя никогда этот свет погасить.

Мы его навязать никому не стремимся
И оружием мы никому не грозим,
Но своей правотою по праву гордимся
И гордимся спокойным величием своим.

И пускай на планете сегодня тревожно,
Мы сильны и, как прежде, уверены в том,
Что историю вспять повернуть невозможно
Ни мечом, ни зловещим нейтронным огнем.

Нынче людям глаза не закроешь обманом,
Клеветой не собьешь их с прямого пути.
И во тьме непроглядной,
И в хляби туманной
Люди сами решат, где им правду найти.

Я не лезу в жрецы, в мудрецы и в пророки,
В прорицатели тоже пока что не рвусь,

И всемирного счастья желанные сроки
Человечеству я предсказать не берусь.

Лишь в одном даже капли сомнения нету,
Лишь одно не устану всю жизнь утверждать:
Будет вечно алеть красным цветом планета,
Свету красному вечно над миром сиять.

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ

В историю войдет он вехой красной,
Закон великой ленинской страны,
Закон, в котором зримо, четко, ясно
Мечты простых людей воплощены.

Закон, в котором волею народа
На жизнь и вечность обрели права
Слова: единство, равенство, свобода —
Святые и бессмертные слова.

Закон, в котором светлый разум века
Вершит над злом и кривдой торжество.
Закон, в котором все для человека,
Для блага и величия его.

Закон, что дорог молодым и старым,
Где, словно песня, каждая строка.
Закон, несущий мир земному шару
На годы и на вечные века.

Закон, что в каждом сердце отзовется
Огнем, дающим и творящим жизнь.
Закон, в котором негасимо бьется
Всегда живая ленинская мысль.

ЛЕНИН УЛЫБАЕТСЯ

Весь мой край окидывая взором,
Видя, как взметнулись в небо горы,
Как седые скалы пробуравив,
Выбегают реки на просторы,
Улыбается Ленин.

Видя, как проносятся кометы,
Мглу ночную рассекая светом,
Как садятся на вершины звезды,
Как встают над кручами рассветы,
Улыбается Ленин.

И когда, зиме пришедшей внемя,
Белой шубой снег укроет землю,
А в полях бескрайних, белогруды,
Побредут сугробы, как верблюды,
Улыбается Ленин.

Спит земля под одеялом белым,
Влагу жадно впитывает телом,
Вольно дышит богатырской грудью —
Значит, поле урожайным будет...
Улыбается Ленин.

У весны серебрены ресницы,
Солнечным огнем она искрится.
Вот на взгорке полыхнул подснежник —
И ему, светло и безмятежно,
Улыбается Ленин.

Молоком, сметаною богата,
Ярким многоцветьем торовата,
Отшумит весна зеленым светом,
Отпыляет грозами... И лету
Улыбается Ленин.

Изобильем крепкого кумыса
Лето впрок порадовав киргиза,
Даст дорогу осени багряной...
Благодатной осени желанной
Улыбается Ленин.

Это он сквозь бури и метели
Указал нам путь к великой цели.
И, как мудрый проводник пытливый,
Вывел нас из мрака в мир счастливый.

Это он развеял в небе тучи
И такой энергией могучей
Шар земной наполнил, что вовеки
Не угаснет вера в человеке.

Взнес он нас к вершинам небывалым,
Одолеть помог нам перевалы,
Научил преодолевать невзгоды...
Родине,
Советскому народу
Улыбается Ленин.

Верю в светлый день,
Когда планета,
Ленинскою правдою согрета,
Дружбе щедро распахнув объятия,
Наши песни звонкие подхватит.
И тогда всем в мире людям-братьям
Улыбнется Ленин.

Я ПАРТИЮ МОЮ БЛАГОДАРЮ

В тот день,
Когда вручили мне награду,

Которой увенчал меня народ,
Мне вспомнился седой хозяин сада —
Не знающий покоя садовод.

Он трудится без отдыха все лето,
Чтоб зреть и крепнуть каждому плоду.
Мне кажется,
Что тяжкий труд поэта
Сродни его упорному труду.

А я поэт.
И мне не знать отрады,
И радости не ведать мне,
Пока
Деревья человеческого сада
Страдают от гнилья и сушняка.

Не брошу ножниц острых и жестоких,
Чтоб напрочь отсекались от стиха
Пустые, незначительные строки
И мыслей легковесных шелуха.

Пусть скромнен сад мой,
Пусть над отчим краем
Шумят и краше, и щедрей сады,
В нем, что ни год,
Обильно созревают
Тяжелые и сочные плоды.

И всей душой
За радость песней новой
Встречать над садом вешнюю зарю
Благодарю я Ленина родного
И партию мою благодарю!

ГОВОРIT МОСКВА

Когда я слышу: «Говорит Москва!»—
Светлей и звонче неба синева,
И радостней природы пробужденье,
И солнце дарит свет улыбки мне,
И, просыпаясь, вижу я в окне
Улыбки этой щедрой отраженье.

Москва! С тобой я в новый день вхожу,
Твои слова в душе своей ношу,
А вечером включаю телевизор —
И кажется, я наяву с тобой,
И вновь, Москва, я слышу голос твой,
Что бесконечно дорог мне и близок.

Я вижу зал, где нет свободных мест,
Где собрались на свой партийный съезд
Со всей страны Советской делегаты,
Гляжу на них, волнением объят,
Как будто сам я тоже делегат,
Хоть нет в кармане у меня мандата.

От имени Москвы моей родной,
От имени страны моей родной,
От имени земли моей безбрежной
По поручению партии моей,
Сплоченной правдой ленинских идей,
С планетой говорит товарищ Брежнев.

Звучат слова, весомы и сильны,
Высокой убежденности полны, —
И взоры всех простых людей планеты,
Как это было на земле не раз,
К Москве моей устремлены сейчас,
Устремлены к моей Стране Советов.

Летят слова во все концы земли,
Летят, как будто крылья обрели,
Над облаками, над метельной стынью.
Летят в эфир слова Москвы моей —
И озаряют верою людей,
И повергают недругов в унынье.

Друзья Москвы, друзья моей страны —
Своих народов верные сыны,
Ваш гордый дух,
Как пламень бурь неистов!
Гляжу на вас —
И счастлив, что сейчас
Я во Дворце Кремлевском вижу вас
На форуме советских коммунистов.

Я знаю вас. Я вас без слов пойму.
Я мысленно, друзья, вам руки жму,
По-братски заключаю вас в объятья.
И вижу добрый свет у вас в глазах,
И ощущаю на своих руках
Ответное тепло рукопожатий.

Мы Ленинскому знамени верны!
Нет нашей дружбе меры и цены,
Она в сраженьях классовых мужала.
В ней воедино слиты до конца
Отважные и честные сердца —
И потому она прочней металла.

Моя Москва! Спокоен голос твой,
Как голос справедливости самой —
Врагам не заглушить его вовеки.
Ты верой в дело Ленина права,
И нет страны, где бы твои слова
Не находили отзвук в человеке.

Когда я слышу: «Говорит Москва!»,
Я чувствую, как в рост идет трава
И вижу я, как неба ширь светлеет.
Спешу к делам своим — и мнится мне,
Что нет конца стремительной весне,
Что все вокруг цветет и молодеет.

И краше день. И ярче солнца свет.
И шар земной надеждой обогрет.
И свежий ветер прочь уносит тучи.
Звучит в эфире: «Говорит Москва!» —
И над землей плывут ее слова
Неистребимой музыкой могучей.

МОЯ РОДИНА

Это стихотворение написано в августе 1941 года, в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Моя родина — это Москва, что не раз
Обнимала киргиза, как сына,
Моя родина — это краса моих глаз,
Золотая моя Украина.
Моя родина — это Тянь-Шань и Кавказ,
Их взнесенные в небо вершины.

Моя родина — радости солнечный сад,
Высь Памира, Алая нагорья.
Моя родина — мой дорогой Ленинград,
Штормовое Балтийское море.

Моя родина — славная Волга-река,
Краше нету которой на свете,
И Сибирь, чья душа, как тайга, широка,
Чьи богатства не счесть за столетья.

Моя родина — даль неоглядной страны,
Неохватные взглядом равнины.
Моя родина — степи, где мчат скакуны,
Шахт, упрятанных в горы, глубины.

Моя родина — жизни и счастья весна,
Край, где труд, словно песнь, вдохновенен.
И такая сынам ее сила дана,
И такие дал крылья им Ленин,
Что вовек, — как гроза ни была бы страшна, —
Им пред ней не стоять на коленях.

Если даже всю землю затопит вода,
Если ядом по ней разольется беда,
И от боли она содрогнется,
И погаснет последняя в небе звезда,
И закатится солнце...
Но даже тогда
Нашей трусости враг не дождется.

Моя родина — это Советский Союз,
Та земля, где я вскормлен и вспоен,
Та, которой сыновнею клятвой клянусь
В том, что буду ее я достоин.

В смертной схватке врагу мы обломим клыки,
Будет небо над родиной чистым,
Ибо, как никогда, мы сегодня крепки
Верой в партию коммунистов!

ПИК ЛЕНИНА

Казалось, что будто б киргизские горы издревле
Судьбою от мира упрятаны были под землю.
Снега сединой серебрили макушки вершин,
Но горы дремали, годам и столетьям не внемля.

И даже отважным бывало порой не под силу
Подняться к вершинам по наледям вьюжным и стылым.
Суровые пики, пронзившие мглу облаков,
Как шпиль надгробий, венчают погибших могилы.

Но шли смельчаки в наши горы и зла не таили,
И мы для друзей досторханы радушно стелили —
Таков наш обычай: кто в дар жеребенка принес,
Того непременно верблюдом отдают в айле.

И словно добрели, всесилю дружбы внимая,
Хребты Ала-Тоо, скалистые кручи Алая.
И яркое солнце всходило над снежною мглой,
Свободой и счастьем мой край на века озаряя.

И Ленина слово в заоблачных высях звучало,
Катилось лавиной, гремело, росло и крепчало,
И вечная правда, которую людям он нес,
Негаснущий свет над зеленой землей излучала.

Летели, как птицы, крылатые, звонкие годы,
Крылатые люди взлетали в простор небосвода.
И самый высокий из пиков тянь-шаньской гряды
Был именем Ленина назван киргизским народом.

Могучий и гордый в своей красоте величавой,
Над всею землею парит этот пик седоглавый,
Взнеся в поднебесье бессмертное имя вождя,
Величье его и его незакатную славу.

И счастлив я тем, что, пройдя по крутым перевалам,
Достиг мой народ заревой высоты небывалой,
Что ленинской мыслью он мерит свой солнечный взлет,
И пройденный путь, и грядущей дороги начало.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

С тех пор, как я на белый свет гляжу,
С тех пор, как я перо в руке держу,
Земля родная служит мне опорой,
Земля отцов, которой дорожу.

Я видел много и земель и стран —
Прекрасней нет земли, чем Киргизстан.
Я вновь и вновь судьбу благославляю
За то, что Киргизстан мне ею дан.

Нет, я кривить душою не привык:
Любой народ велик и разнолик.
Но только вместе со своим народом
Поэт по-настоящему велик.

Скажу, другие земли не хуля,
Покуда есть киргизская земля —
Ни дни разлук, ни годы расставаний
Меня от гор ее не отдалят.

Здесь с колыбели все отродно мне
И любо все, и дорого вдвойне:
Простор долин, ущелий сумрак теплый,
Снега и льды в бездонной вышине.

Земля моя! В чем виноват — прости!
Готов себя я в жертву принести,
Чтоб жил народ мой в счастье и в согласье,
Чтоб по весне садам твоим цвести.

И предкам поклонюсь я тыщу раз,
Отцам и дедам, заронившим в нас
Святой огонь любви к родному краю,
Огонь, что и поныне не угас.

Для чести и для славы рождены,
Заветам их и помыслам верны,
Мы в землю, где они пустили корни,
Сыновнею любовью влюблены.

И чтим мы их за то, что в дни невзгод,
Кочуя по горам из года в год,
Они родную землю отстояли
И сохранили веру в свой народ.

Я горд за них, умевших дорожить
Землей своей, где нам любить и жить.
И счастлив тем, что получил в наследство
Я право краю отчему служить.

ЛЕНИНСКИЙ УГОЛОК ВО ФРУНЗЕ

Сквозь замаять снегопадов и метелей,
Сквозь времени звенящий листопад
Я вижу этот светлый день апреля
Таким, как сорок с лишним лет назад.

На пустыре, где, как река, начало
Берет бульвар Дзержинского,
Тогда
С рассвета и до сумерек звучала
Могучая симфония труда.

Взволнованные важностью момента,
Огонь отцов неся в своих сердцах,
Педтехникума первые студенты,
Сажали здесь мы в землю деревца.

Лопатами, кирками, кетменями,
Как говорят: за совесть — не за страх,

Вгрызались мы
И в галечник,
И в камень
И чернозем носили на руках.

Здесь будет сад — мы это твердо знали,
Цветущий сад — наступит только срок.
И в ту субботу Ленинским назвали
Мы города родного уголок.

Прошли года — и солнцем озаренный,
Напоминая нам о той поре,
Зеленый сад,
Раскинув в небе кроны,
Шумит листвой на бывшем пустыре.

Как радужно расцвеченная карта,
Из края в край он зримо виден мне —
От пьедестала с бюстом Джоомарта*
До памятника Фрунзе на коне.

Но новый день встает над Ала-Тоо,
Светлеет гор заоблачных гряда.
И слышу, как, вскипая,
Крепнет снова
Могучая симфония труда.

И вновь повсюду спорится работа,
Как в вихре тех неугасимых дней.
На жаркий труд рабочая суббота
Опять зовет отцов и сыновей.

И я, уже совсем седой и старый,
Проживший жизнь у века на виду,

* *Джоомарт Боконбаев* — выдающийся киргизский поэт.

Как долго ждал я этого мгновенья!
Вхожу — и сердце мне теснит волненье:
Так вот каков он, университет,
В котором начинал учиться Ленин!

Иду, робея, коридором длинным,
Как будто вброд перехожу стремнину,
Как будто меж высоких скал бреду,
Загородивших узкую долину.

Я чуда жду от встречи сокровенной...
А здесь все просто,
Все обыкновенно,
Как в той аудитории, где он
Беседовал с друзьями откровенно,

Где споры вел о чести и о долге,
Где сиживал над книгою подолгу,
Откуда — поглядеть на ледоход —
Весною ранней убегал на Волгу.

Он не искал знакомств в домах дворянских,
Ценил смысленных пареньков крестьянских.
Среди татар, башкир и чувашей —
Друзей он находил в низах казанских.

Любил людей он мужественных, гордых —
Тех, кто трудом тяжелым и упорным
Хлеб добывал свой,
Тех, кто не хотел
На богатеев спину гнуть покорно.

Был Ленин юн, безвестен был в те годы,
Но, с детства зная чаянья народа,
Уже тогда он видел путь борьбы
За счастье, братство, равенство, свободу.

Отсюда, справедлив и непокорен,
Ушел он в революцию, чтоб вскоре
Построить новый мир, где никогда
Не будет унижения и горя.

Желанной встречей с Лениным согретый,
Я выхожу из университета,
Благодаря которому Казань
Сегодня чтит и знает вся планета.

У ПАМЯТНИКА МУСЕ ДЖАЛИЛЮ

Вознесшийся на пьедестале,
Стоит он под небом седым.
Он оглит из огненной стали,
Но и его вижу живым.

Я вижу, как снова и снова,
Свободу всем сердцем любя,
Тяжелые цепи-оковы
Он силится сбросить с себя.

Напрягся — что, кажется, ребра
Не выдержат боли такой,
И рвется призывно и гордо
Победная песня из горла,
Зовущая узников в бой.

И гнев побеждает усталость,
Бессилен пред мужеством страх.
И бешеным пламенем ярость
Горит у Джалиля в глазах.

И кажется, будто он крылья
Расправил, чтоб к солнцу взлететь.

Пред пламенной жизнью Джалиля
Ничтожна жестокая смерть.

Я вижу, как рвутся оковы,
Поверженных вижу врагов.
Становится пулею слово
В обойме разящих стихов.

И строки, что нежили душу
Лиричностью тихой своей,
Сегодня гремят, как «катюши»,
Как шквальный огонь батарей.

Он пал, но не выбыл из строя,
И песня Джалиля жива.
Я кланяюсь матери в пояс,
Родившей бесстрашного льва,

И солнцу, дающему силу,
И песне, шагающей в бой.
Отныне навеки с Джалилем
Мы связаны жизнью одной.

Безмолвен гранит пьедестала,
Но знаю теперь до конца
Ту марку живого металла,
С которого жизнь отковала
Бессмертье певца и бойца.

И знаю, в чем корни той веры,
Той правды, что выше всего,
Той жизни, что служит примером
Наследникам славы его.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР

Это стихотворение написано 28 октября 1967 года, в день открытия в столице Киргизстана памятника М. В. Фрунзе.

В сиянье солнца,
В шелесте листвы,
Пронизанной сиянием багряным,
В безбрежности небесной синевы
Прекрасна ты — столица Киргизстана.

С утра бурля всеобщим торжеством,
Искрясь в веселом гомоне и гуде,
Приветствуешь ты сына своего,
Чьим именем тебя назвали люди.

Он родился в сени твоих чинар
В далекие, но памятные годы.
Прозрачную, как солнечный нектар,
Он пил твою живительную воду.

Ты — колыбель его и отчий дом,
И первое услышанное слово.
Здесь с теплым материнским молоком
Вдыхал он снежный ветер Ала-Тоо.

Здесь рос он и о будущем мечтал,
Здесь цену познавал труду и хлебу
И, как орленок, крылья распрямлял,
Чтоб взмыть без страха в грозное небо.

Он не искал побряжек у судьбы,
Наперекор преградам шел он смело,
Всего себя, вступив на путь борьбы,
Он отдал правде ленинского дела.

Он зреньем сердца выбрал этот путь,
Путь грозных битв за счастье и свободу.
И тюрьмы не смогли его согнуть,
И не смогли сломить его невзгоды.

В дни стачек,
В дни октябрьских боев,
На баррикадах,
Под свинцовым шквалом,
Отвагою наполнен до краев,
Искусство полководца постигал он.

Его кидало по фронтам войны,
Сжигало зноем и метелью снежной.
И были версты выюжные длинные,
И были ночи гулкие крошечны.

И в нем жила с начала до конца
В победу несгибаемая вера,
В смертельный час являвшая бойцам
Несокрушимой стойкости примеры.

Уже давно в ножнах лежат клинки,
И к звездам взмыла мирная держава.
Но верностью земле своей крепки,
Гордимся мы, батыра земляки,
Его высокой, негасимой славой.

И мы горды, что край киргизских гор,
Так беззаветно им любимый с детства,
Вдохнул огонь в его пылкий взор
И яростным огнем наполнил сердце,

Что смело взяв в грядущее разбег,
Шумя, цветя садами молодыми,
Когда-то пыльный и глухой Пишпек
Сегодня с честью носит Фрунзе имя.

Товарищ Фрунзе!
Мы всегда с тобой.
Мы с именем твоим в строю едином
На труд вставали,
Шли на правый бой
За светлый мир, как жизнь, неодолимый.

Ты и поныне не ушел в запас,
Идешь, как шел, размашисто по жизни
И мужество свое вселяешь в нас,
И учишь нас служить родной Отчизне.

И радостно глядеть сегодня мне,
Как над веселым, солнечным бульваром
Взмываешь ты на боевом коне
Народным легендарным комиссаром.

С ВЕРШИНЫ ВРЕМЕНИ

*«Бишпек (Пишпек) — веселый базар!
Побываешь здесь — развеешь тоску...»
Из народной песни.*

Вновь вспоминаю незабвенный год,
Хоть с той поры
Прошло почти полвека,
Когда, раскрыв от удивленья рот,
Я шел по пыльным улицам Пишпека.

Шел, неземною радостью лучась,
Обутый в допотопные чокои.
И город, не кичась, не заносясь,
Объятия раскрывал передо мною.

Был неказист он, пылен и убог,
Набит невесть откуда пришлым людом.

Но мне, мальцу, тогда он, видит бог,
Казался чуть ли не сверхдивным чудом.

И лишь теперь,
Сроднившись с ним навек,
Труду и вдохновенью цену зная,
Я вижу, как он вырос, мой Пишпек,
Как расцвела земля моя родная!

И годы никогда не отдалят
Тот тяжкий путь,
Что нами честно пройден...
Мы начинали строить жизнь с нуля,
С бровей и глаз — как говорят в народе.

Да и моя судьба шагнула в рост,
С нуждой, с бедою начисто рассталась.
От мазанки, где я мальчонком рос,
Сегодня камня даже не осталось.

И школа — низкий домик в три окна,
Где грамоту учил я ненасытно,
Давным-давно отсюда снесена
Со всем кварталом нашим глинобитным.

Здесь все другое — зданья и цветы,
Сады нарядней,
Звонче птичьи трели.
И горд я счастьем сбывшейся мечты
И новою той, что мы свершить сумели!

Смотрю вокруг и радуюсь весне
И городу в метели тополиной.
И все-таки немного грустно мне,
Хотя для грусти вроде б нет причины.

А грустно мне, должно быть, оттого,
Что время, к сожаленью, быстротечно,
И оттого, что жизни торжество,
Увы, не может продолжаться вечно,

И оттого, что мне не достает
Крылатого, как песнь, воображенья,
Чтоб взмыть ракетой в звездный небосвод,
Преодолев земное притяженье.

Нет, времени не остановишь бег.
Спешат года,
Летят года, как птицы.
В долине, где стоял глухой Пишпек,
Встал Фрунзе — края горного столица.

Встал, улицы и скверы расстелив,
Взметнув над ними флаги Киргизстана,
У снежных гор, где некогда брели
Унылые верблюжьи караваны.

О, если б Токтогул сумел дожить
До этих дней — певец судьбы народной, —
Какую песню мог бы он сложить
О нашей жизни светлой и свободной!

Как был бы рад восславить от души
Акын, что знал и байский кул, и голод,
Взметнувший в поднебесье этажи,
Трудом людей преображенный город!

Да, времени не остановишь бег,
Его приметы сказочней, чем небыль.
Верша земное счастье, человек
Взмывает в космос, рассекая небо.

И славный путь,
Что в небывалый срок
Прошел народ, могучий, словно горы,
Мне видится одною из дорог,
Ведущей нас в межзвездные просторы.

ЗОЛОТАЯ ДОЛИНА

*«Чуйская долина, золотая долина!
Велика ты и необъятна.
Здесь рождались и жили многие
поколения киргизов.
Здесь возник город Бишкек (Пиш-
пек).»*

*Из стихотворения Токтораалы
Толканбая уулу, опубликованно-
го в 1925 году в газете «Эркин-
Тоо».*

Мудрое слово, звучащее в лад —
Чистого золота сказочный клад.
Слово, что в срок не нашло применения —
Грузом ненужным лежащий заряд.
Чуйской долине заветное слово
В дар принести я несказанно рад,
Щедрой долине,
Цветущей долине,
Солнечной ширью чарующий взгляд.

Сладок мне воздух ее, словно мед,
Чист и безбрежен над ней небосвод.
Зноем томимый,
Найдет здесь прохладу.
Жаждающий радости —
Счастье найдет.
Даль ее травами стелится тучно,
Хлебом высоким навстречу встает.

Отчей, киргизской земли сердцевинной
Эту долину назвал мой народ.

Кровными узами связаны с ней
Судьбы свободных и гордых людей.
Нет в нашем крае земли благодатней,
Нету на свете гнездовья родней.
Да и отсюда земля Киргизстана
Сердцу дороже и взору видней.
Манит меня Золотая долина
Сенью садов, полыханьем огней.

Радостно, трепетно внемлет душа
Жизни, что здесь, как весна, хороша,
Внемлет горам,
Подпирающим небо,
Рекам,
Что к нивам колхозным спешат,
Красному солнцу и синему ветру,
Росной траве и густым камышам,
Думы упругими крыльями машут,
Люди угрюмые скалы крушат.

Дорог мне Чуйской долины простор,
Дорог мне город,
Что вырос у гор,
Город,
Что белыми юртами зданий
Белые крыши под небом простер,
Город,
Что мы возводили всем миром,
Словно огромный и светлый шатер,
Город,
Что встал с нашим временем вровень,
Горестям прошлого наперекор.

ГОСТИНИЦА «ПИШПЕК»

Привет тебе, гостиница «Пишпек»!
Омытая прохладой быстрых рек,
Ты встала у подножья Ала-Тоо...
Привет тебе, гостиница «Пишпек»!

Волнуя сердце, услаждая взор,
Ты встала на виду у снежных гор.
«Пишпек», «Пишпек»! — как редко это слово
В устах людей звучало до сих пор.

О, славный город наш — как вырос он,
Многоэтажьем к солнцу вознесен,
Как он расцвел и как преобразился,
Ветрами Сусамыра напоен!

А был он пылен, тесен и убог,
И караван-сарай вместить не мог
Всех, кто искал здесь крова и приюта,
Кто на ветру и под дождем продрог.

Чайханщик жирный — бедняков гроза —
Гнал их взащей, куда глядят глаза,
Из чайханы, едва лишь вечерело...
Что мог бедняк в ответ ему сказать?

Безропотно, собрав остатки сил,
Он в близлежащий уходил аил
И там искал желанного ночлега,
Покуда все еще с деньгами был.

О, наш Пишпек! Он щедрым садом стал!
Он силу горных рек в себя вобрал —
Аламедина, Аларчи... И Чуйский
Канал его водою напитал.

Лесами окаймлен со всех сторон,
Шагнул он вдаль, и вширь раздался он,
И стал похож на дивное джайлоо,
Где не сочтешь архаров испокон.

Пускай пройдет полвека, даже — век,
Забуть не сможет местный человек,
Что было на том месте, где сегодня
Взметнулась ввысь гостиница «Пишпек».

Я помню: здесь столовая была,
Был дом, где наша братия жила —
За знаниями, за светом новой жизни
Приехавшая в город из села.

В ту пору, друг, мы не считали лет,
С пером в руке встречали мы рассвет,
В сердцах у нас звучали струны счастья,
Мечтой о славе был наш труд согрет.

Тот старый дом давно уже снесен,
Землей его фундамент погребен,
Но он нас, как родных птенцов, взлелеял,
И в памяти навек остался он.

Сыны киргизской солнечной земли,
Мы с думою о родине росли,
И аксакалов мудрых наставленья,
В большую жизнь вступая, берегли.

И к Ала-Тоо гордая любовь
Нам силу придавала вновь и вновь,
И вера в то, что мы нужны народу,
Горячим током наполняла кровь.

И крылья обретая день за днем,
Мы шли по жизни ленинским путем,

С которого, чтоб с нами не случилось,
И не отступим мы, и не свернем.

Педтехникум! Ты нас за годом год
Готовил, словно птиц, в большой полет.
Мукай, Джума и Джоомарт* взлетели
Из стен твоих орлами в небосвод.

И мощью нас ты наделил такой,
Что на века хватило бы с лихвой
Горам, долинам, рекам и озерам,
Всему народу, всей земле родной.

И был, как отчий дом, нам мил и люб
Соседний дом, где жил поэт Джусуп.*
Тут и поныне дух его витает,
Последней песней соскользнувший с губ.

В расцвете сил в те годы был поэт:
Его слова лучили яркий свет,
Как золото, стихи его сверкали —
Таким стихам в веках забвенья нет.

И кто из нас надежды не таил,
Когда, робея, в этот дом входил,
Что одарит учитель похвалою
Плоды труда и вдохновенья пыл.

И никогда нам не забыть тот день,
Когда, потуже затянув ремень,
На фронт Джусуп наш уходил отсюда
В шинели и в пилотке набекрень.

* Мукай, Джума, Джоомарт — известные киргизские писатели: *Мукай Элебаев, Джума Джемгерчинов, Джоомарт Боконбаев.*

* *Джусуп* — известный поэт Джусуп Турусбеков.

Он говорил нам: «Чтоб разить врагов,
Сегодня мало нам одних стихов!..»
К борьбе с фашистской кровожадной сворой
Был наш учитель с детских лет готов.

«Пуля и песня» в силе этих слов
Весь путь его, что был, как бой суров,
Его душа, не знающая страха,
Его отвага, ненависть, любовь.

Джусуп, Мукай, Джума, я и сейчас,
Как в те года, живыми вижу вас.
Себя считал я вашим младшим братом —
Надеюсь, этим не обижу вас.

Я знаю: трудно приходилось вам:
Не дрогнув, вы прошли по всем фронтам,
Чтоб счастливы мы были и свободны,
Чтоб не угаснуть нашим очагам.

Как Токтогул, глашатаями гор
Зоветесь вы в народе до сих пор,
И в памяти сограждан благодарных
Живете, всем смертям наперекор.

Да, вы в бою себя не сберегли,
Но от фашистской нечисти спасли
Родную землю, на которой пышно
Сады весны и мира расцвели.

Был дом наш плоскокрыш и невысок,
Но неба не затмил нам потолок:
Уже тогда к Луне нас возносила
Мечта, опережающая срок.

И не чураясь тяжкого труда,
Душой мы не кривили никогда,

Стремились, чтоб была святая правда
Чиста, как родниковая вода.

Пусть были мы лишь таями* в тот год—
Кунами** летели мы вперед,
И к родникам добра, любви, надежды
Губами приникали в свой черед.

Прошли года и изменился мир:
В уют благоустроенных квартир,
В особняки, обсаженные лесом,
Приносит людям новости эфир.

Но прошлое не отделить уже...
И пусть хоть на двадцатом этаже
Живете вы, — поэзии дыханье
Былым огнем горит у вас в душе.

И пусть в иную даль уносит вас
На лайнере аэропорт «Манас»,
Стихи Джусупа, Айткулу***, Мукая
В дорогу вы берете про запас.

И рядом с вами по земле идут
И вечный свет поэзии несут
Касымалы**** и Джоомарт. Да будет
Благославлен их вдохновенный труд!

Без Токтогула вверх нам не взойти,
Без знания «Манаса» не взрасти.

* Тай — жеребенок по первому году жизни.

** Кунан — лошадь-трехлетка.

*** Айткулу — Айткулу Убукеев — известный киргизский писатель.

**** Касымалы — Касымалы Джантошев — известный киргизский писатель.

Кто пренебрег историей народа,
Не сможет уваженье обрести.

«Слушай, весь мир!» — Джусуп в стихах взывал.
И мир его слышал и узнал.
Пусть грамоты не знал народ киргизский —
Талант в нем никогда не иссякал.

Он водопадом низвергался в нем,
Вулканом мощным извергался в нем,
Потоком бурным и рекой могучей
Он век от века разливался в нем.

И будет вечно славен мой народ,
Как беркут, устремленный в небосвод.
И к новым далям, устали не зная,
За годом год идти ему вперед.

Гостиница «Пишпек»! Лаская взор,
Взнеслась ты на виду у снежных гор.
Тебе я посвящаю эти строки,
С тобой веду душевный разговор.

Кочевниками в давние года
Звезжие нас звали господа,
Носы от нас с презреньем воротили...
Те годы не вернутся никогда.

Пусть те, кто не считал народом нас,
На город наш взглянули бы сейчас:
От твоего, «Пишпек», великолепия
Они б не оторвали жадных глаз.

Ты высишься твореньем красоты.
Как сказочный дворец, прекрасна ты.
Звонят фонтана струи, словно струны,
Сверкаючи, прозрачны и чисты.

В фонтане этом разных рыб не счесть.
Тут, говорят, с Сон-Куля рыбы есть.
Есть, говорят, из Иссык-Куля рыбы...
Как плещут, как играют рыбы здесь!

И так огнями ты озарена,
Гостиница, как будто вдруг луна
Взошла сюда в период полнолуния,
Чтоб светом одарить тебя сполна.

Мы научились горы разрушать,
Любую реку можем обуздать
И можем горы новые воздвигнуть
И реки рукотворные создать.

Но мы не разрушаем, а творим
И на земле незыблемо стоим.
Талантом и энергией народа
Еще не раз весь мир мы удивим.

Ты в нашу землю накрепко вросла,
Гостиница. Через тебя прошла
Чертой незримой двух эпох граница,
Меж прошлым и грядущим грань легла.

И вдоль проспекта устремляя взгляд,
Я вижу, как встают за рядом ряд
Домов многоэтажных силуэты,
Шагая, как солдаты на парад.

Мой Фрунзе, подскажи, как мне суметь,
Найти слова, чтоб мог я в них воспеть
Твою Москву, твою сестру родную,
Что к солнцу помогла тебе взлететь!

РОЖДЕНИЕ МЕЛОДИИ

По новому руслу несется река,
Стремится в долину с предгорий,
И там, где курились дымки кыштака,
Раскинулось горное море.
Над новым поселком шумят деревца,
По-девичьи гибки и юны.
И зреет мелодия в сердце певца.
И ей отзываются струны.

Как город, просторен поселок и чист —
Здесь нет глинобитных домишек.
С поющим комузом в руках комузист
На главную улицу вышел,
Взглянул на лучащие свет фонари
И, струны тугие встревожив,
Мелодией щедрой своей одарил
Спешащих навстречу прохожих.

В ней слышался стройки ударный накал,
Гром взрывов, сметающих кручи,
Как будто певец это диво соткал
Из огненных тактов могучих,
Как будто живую душой наделил
Он каждую звонкую ноту,
Как будто в мелодию звонкую влил —
И яркие краски цветущей земли,
И строгие ритмы работы.

К заоблачным пикам,
Где вился туман,
Взмывала она, как на крыльях.
И люди называли ее «Киргизстан»,
И ветры ее подхватили,
И бурные реки ее понесли,
И горы ей чутко внимали,

И были раскрыты ей шири земли
И дымные звездные дали.

Над солнечным краем,
Как птица, плыла
Мелодия мощная эта
И властно людей за собою вела
Навстречу встающим рассветам,
И шла, осененная шелком знамен,
Крылата,
Призывна,
Лучиста,
В безбрежном потоке рабочих колонн,
В железных рядах коммунистов.

СААДАТ НОГОВОЙ

Прекрасна ясноликая луна.
Звезд во вселенной ярче солнца нету.
Но лишь трудом людей земля красна,
Дерзаньем их озарена, как светом.
Бессмертен труд.
Восславлен и воспет он
Людьми на все века и времена.

Вот ты идешь...
Спокоен ясный взгляд.
В движениях уверенность и сила.
Гляжу — и словно вижу, Саадат,
Новь твоего родимого аила.
И землю,
Что, как мать, тебя взрастила,
Хочу познать я глубже, Саадат.

Мне б стать твоею песней молодой,
Что льется в синий омут небосвода!

Мне стать бы той живительной водой,
Которую ты щедро поишь всходы!
Мне б прорасти сквозь сушь и непогоду
Хотя б одной травинкой золотой!

Я помню: ты кетменщицей была,
А слава о тебе уже гремела.
Но жизнь высокий смысл обрела,
Когда ты за штурвал комбайна села.
Нет дерзновенью твоему предела,
Рождающему славные дела.

Не потом ли твоим, о, Саадат,
И не души ль твоей извечным жаром
В родном краю
Пленительном, как сад,
На радость людям вспоены чинары.
И радостно мне думать, что недаром
Зовут твой труд геройским, Саадат.

И облик твой по-девичьи пригож,
И сердце полно юного раздолья.
Люблю глядеть,
Как гордо ты идешь
Хозяйкою по хлопковому полю.
Завидны, Саадат, такая доля
И счастье то, что людям ты несешь.

Дивлюсь тебе — и будто видит взгляд
Простор земли,
С которой сердце слито,
Вершины Арстанбапа, что дарят
Водою рек степную ширь досыта.
И белый снег в коробочках раскрытых
Лучист и чист, как лик твой, Саадат.

СЕМЕН-АГА

Раздумье у картины народного художника СССР и народного художника Киргизской ССР С. А. Чуйкова «Прикосновение к вечности».

Какая ширь!
Какой сквозной простор!
Как чист прохладный воздух на нагорьях!
Каким ковром по склонам сизых гор
Расплескано цветов сплошное море!

Еще земля лежит во власти сна,
Но из-за круч грядет победно утро.
И солнечным огнем озарена,
На косогоре высвечена юрта.

И полыхают заревом снега.
И все, как всплеск.
И все, как откровенье.
В который раз уже, Семен-ага,
Любуюсь я души твоей твореньем!

В который раз являешься ты мне,
Волненьем сердце наполняя снова, —
Певцом долин и взгорий Ала-Тоо,
С громадой горной вставшим наравне!

Семен-ага,
Волшебна кисть твоя,
Поют, искрятся краски, как живые.
Мне кажется, в твоих картинах я
Увидел землю отчую впервые,

Увидел край, где вырос и живу,
Где мать меня качала в колыбели,

И ласкового неба синеву,
И марево тумана над ущельем.

Да, чуток слух и пристален твой взор,
Тебе видны теней и света грани.
Ты чувствуешь биенье пульса гор
И слышишь солнца знойное дыханье.

И сквозь года несешь в своей судьбе
Звнящий мир,
Родившийся из сказки,
Как будто горы отдали тебе
Земли киргизской трепетные краски.

За край холста сбегает облака,
Отсвечивая пламенем багряным.
Вот девушка с братишкой на руках
Из теплой юрты вышла на поляну.

Вот женщина, склоняясь у очага,
Творит огонь сверкающий и скорый...
Скажи, когда пришел, Семен-ага,
Твой добрый русский прадед в наши горы?

Как смог постичь ты колдовство огня,
Где песнь его зазывную подслушал,
Что светом жизни мне тревожит душу
И властно к очагу зовет меня?

Велик твой мир и в то же время прост,
И знаю я, Семен-ага, что с детства
Всем сердцем ты к земле моей прирос,
Познал и полюбил ее всем сердцем.

И ветром гор заоблачных дыша
В краю, где бег свой начинают реки,

Ты с детства понял,
Что твоя душа
Земле киргизской отдана навеки,
Земле, что больше жизни дорога,
Земле, с которой слит ты воедино.
Ведь неспроста себя, Семен-ага,
Степей и гор ты называешь сыном.

И что бы ты, певец, не воспевал,
Синь Индии,
Высь Гималаев снежных,
Ты в радужные краски добавлял
Земли киргизской солнечную нежность.

Они звенят, сверкая и лучась,
И холст им тесен,
И подрамник узок.
Прислушаюсь — и слышу, как звучат
В них древние мелодии комуза,

Как, грохоча, летят потоки вниз,
Как бродит в травах ветер на джайлоо...
А может ты, мой брат, и впрямь киргиз,
Рожденный на кочевьях Ала-Тоо?

Ведь без любви к земле своей родной,
Не вскормленному щедрым, горным хлебом,
Тебе вовеки было б не дано
Заставить петь тугое полотно
Цветами гор и светлой ширью неба.

ИДУ ПО ЖИЗНИ КОМСОМОЛЬЦЕМ

Ровесник славных и суровых лет,
Наполненных трудом и вдохновеньем,

Недавно комсомольский свой билет
Я сдал в музей на вечное хранение.

Он под стеклом покоится в тиши,
Билет, что сердцу дорог, как святыня.
Я сдал его.

Но молодость души
И силу рук я сохранил поныне.

И в сердце я по-прежнему ношу
Все ту же верность ленинским заветам,
И как в тревожной юности дышу
Романтикой великих пятилеток,

И песни комсомольские пою,
И труд, и стих свой отдаю Отчизне,
И правду, обретенную в бою,
Ценю я, как и прежде, выше жизни.

Стал в двадцать пятом комсомольцем я,
И думая с волнением о вчерашнем,
Жалею, что по возрасту, друзья,
Я в комсомол не принят годом раньше.

Что мне билет, с которым я вошел
В большую жизнь певцом эпохи новой,
Не выдан в день, когда мой комсомол
Был Ленинским навек наименован.

И пусть простят за хвастовство меня,
Но только лишь за хвастовство—не боле,
С того незабываемого дня
Себя я все же числю в комсомоле.

В музей я комсомольский сдал билет,
Что был храним у сердца ежечасно.

Я сдал билет,
Но пламя юных лет
В душе моей с годами не угасло.

И вновь во мне, светла и горяча,
Сквозь времени клубящуюся замять,
Искрится, как горящая арча,
Тех дней неугасающая память.

И напроочь позабыв о седине,
Крутой дорогой, озаренной солнцем,
Шагаю по стране и по весне
Задорным и бесстрашным комсомольцем.

Уверенно звучат мои шаги.
Я слышу их — и потому я знаю,
Что будут вечно молоды стихи —
Те, что сложил, и те, что вновь слагаю.

И сколько бы на свете мне не жить,
Я буду счастлив выпавшей мне долей:
Отчизну славить,
Партии служить
И в полный голос петь о комсомоле!

УЧИТЕЛЬ

Скажут: «учитель», а слышится мне: «созидатель»,
И великана всесильного видит мой взор...
Вот он сейчас
В руки молот тяжелый подхватит
И раскрошит твердь могучих заоблачных гор.

Сколько живу на планете я,
Столько читаю,

Сколько учусь,
Все твержу я себе: не ленись!
Но подмастерьем пока лишь себя я считаю,
Учеником у науки по имени — жизнь.
О, как не просто все время идти, попевая,
За караваном годов,
Устремившихся ввысь.

Сколько живу,
Вспоминаю, как дивное чудо,
Первое слово,
Что в школе из букв я сложил,
И до конца своих дней я уже не забуду
Белый мелок,
Что учитель мне в руку вложил.

Жизнь подносила мне множество трудных открытий,
Я не стремился по ней прошагать налегке.
Помню, как вызвал к доске меня первый учитель,
Помню, как ниткой тянул я слова на доске.

Я не начетчик.
Но сколько сравнений невольно
В голову лезут —
И истина в каждом видна:
Ловчего сокола нестует мудрый сокольник,
Опытный тренер готовит к байге скакуна.

Коль хорошо подготовлен скакун к состязанию,
Будет на скачках жокею победа дана.
Если мальчишку поймет и поддержит учитель,
Будет сквозь годы дорога ему не страшна.

Слышу: «учитель», а видит мой взор садовода,
В знойной пустыне взрастившего сказочный сад.
Сил не жалея, трудился он многие годы,

Чтобы плодами обильными сад был богат.
Сажены те, что своими сажал он руками,
Корни пустили и кронами радуют взгляд.

Мог по годам он сойти мне за младшего сына,
Тот садовод.

Но не возраст я в людях ценю.

Пусть уж давно голова моя в белых седилах,
Перед учителем низко ее я склоню.

Он мой наставник.

И сколько не жить мне на свете,

Добрую память я в сердце о нем сохраняю.

Только тому, кто учителя помнит и ценит,
И почитает во всем, как отца или мать,
В долгом пути и его ученик не изменит,
В деле высоком сумеет наследником стать.

ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

Как тяжело лежать в полутемной больничной палате,
Где горькие мысли терзают и жгут, как беда...
Но вот он войдет, человек в белоснежном халате --
И горечь моя уплывет, улетит без следа.

Он чуть постоит, помолчав, у распахнутой двери,
Похожий на многих таких же, как он, докторов,
И вдруг улыбнется... И я уже искренне верю:
Он сделает все, чтобы был я, как прежде здоров.

Я верю в него и ничуть не боюсь ошибиться,
Как будто могущество вижу его наяву,
И силою воли себя заставляю крепиться,
Хоть знаю: наука — отнюдь не сродни волшебству.

А я ведь встречался на улицах с ним и в аллеях,
И он не однажды приветствовать был меня рад.
Но только теперь он увиделся мне чародеем,
Волшебником добрым, запахнутым в белый халат.

На щедрость людскую земля наших предков богата.
Так пусть же никто сгоряча не воспримет в укор,
Что чутких людей в белоснежных врачебных халатах
Особым почтеньем привык я дарить с давних пор.

Как опытный пекарь из теста рукою умелой
Сумеет легко волосинку любую извлечь,
Так опытный врач изгоняет хворобу из тела,
Чтож жизнь человечью огнем не смогла она сжечь.

И если я слышу, как кто-то врача оскорбляет,
В невежестве смрадном кошунствуя подло и зло,
От гнева и ярости кровь в моих жилах вскипает,
Боль старых недугов терзает меня тяжело.

Невежество требует горькой, мучительной платы...
Ушли наши предки, свое не сумевши дожить,
Не зная, не слыша о людях в стерильных халатах,
В чьих силах от хвори любого из нас исцелить.

И не потому ли был мал мой народ, что веками
Судьба кочевая киргиза болезнями жгла,
Что долгие годы проклятьем витала над нами
В горах наших древних невежества душная мгла.

Иду по земле я с огромной душевной любовью
Гляжу на людей, чьи халаты горят белизной.
И кажется мне, это шествует наше здоровье,
С предательской хворью вступившее в яростный бой.

И с трепетом я обращаюсь к возвышенной музе,
Моля у нее вдохновенья и творческих сил.

А если б умел я играть на певучем комузе,
То лучшую песню свою я б врачам посвятил.

ЮНОША, ЛЕЖАЩИЙ НА ТРАВЕ

По солнечным пригоркам и полянам,
По травам,
Что вставляли нам по грудь,
Мы шли вдоль речки,
Вьющейся арканом,
И в душный полдень сели отдохнуть.

Вблизи от нас,
На затененном склоне,
Там, где не жег лицо палящий жар,
Бродили нестреноженные кони,
А чуть повыше — несколько отар.

А наверху,
На самом солнцепеке,
Под щеку толстый посох подложив,
Укрывшись небом, знойным и высоким,
Лежал недвижно на траве джигит.

Вздымались к небу снежных скал громады,
Хребты сливались в дымный полукруг...
Казалось, парень спал,
Но зорким взглядом
Он, словно беркут, видел все вокруг.

И вот он встал
И зашагал упруго
По склону вниз извилистой тропой.
И овцы, напирая друг на друга,
За ним тотчас же двинулись гурьбой.

Он видно знал закон науки старой:
Отыщешь место,
Где трава сочна, —
И в тот же миг потянется отара
Без окрика по следу чабана.

Без суеты,
Привычно и спокойно
Нелегкий труд вершил незримо он,
Ведь ветер гор,
То ласковый, то знойный
В крови его струился испокон.

И думалось:
Вот так от века к веку —
И в этом жизни суть и естество —
Передается мудрость человеку,
Накопленная предками его.

КОЗУ-БАГЛАН

I

Козу-Баглан!..
Ты — словно сказка,
Отцом поведанная мне...
Стою, ветрами гор обласкан,
С самим собой наедине.

Стою на солнечной вершине,
Что, как былинный великан,
Остановила бег пустыни
К твоей воде, Козу-Баглан.

Вдыхаю жадно чистый воздух,
Густой и вязкий, точно ртуть.

А надо мной в просторах звездных
Навис недвижно Млечный Путь.

А подо мной теснятся кручи,
Где у застывших облаков
Стекает зной на снег колючий
И тает в толщах ледников.

И мнится, чудится мне снова,
Что будто в давние века
Полоской неба голубого
Была ревущая река.

Она от неба отделилась
И, закипев крутой волной,
По склону снежному скатилась
Ущелью темному на дно.

2

Не сказкой — рукотворной былью
Разбужен сон угрюмых скал...
Несет пустыне изобилье
В горах проложенный канал.

И край забытый и суровый,
Живую кровь воды впитав,
Расцвел, как вешнее джайлоо
Искристой радугою трав.

Исчез, как призрак, день вчерашний,
Не отыскать его следы.
Куда ни глянь —
Повсюду пашни,
Покосы, нивы и сады.

Пусть рая нет — я это знаю,
А был бы рай — наверняка,
Местечко выбрали б для рая
На этих дивных берегах.

Да, жаль, что я уже не молод,
Жаль, что уже не те года:
Я б навсегда оставил город
И перебрался бы сюда.

И хоть старик, а не ребенок,
Носился б я во весь опор,
Как несмышленый жеребенок,
По разогретым склонам гор

И с глыбы прыгал бы на глыбу,
Как пятилетний мальчуган,
И погружался, будто рыба,
В твою волну, Козу-Баглан.

3

Козу-Баглан!..
Ты — словно сказка,
Отцом поведанная мне...
Стою, ветрами гор обласкан,
С самим собой наедине.

И не легенде древней внимля,
А нови, что пришла сюда,
Благославляю эту землю —
Творенье воли и труда!

Благославляю край цветущий,
Траву лугов,

Цветы полян!
Благославляю день грядущий,
Твой светлый день,
Козу-Баглан!

ТАЙНА ИМЕНИ

В доме, где мы вечер коротаем,
Где заночевать нам предстоит,
Нас хозяйка пловом угощает
И кок-чаем крепким нас поит.

Платье в синей россыпи горошин
Плотно облегло упругий стан...
До того я ею заворожен,
Что в глазах стоит сплошной туман.

— Как зовут вас, милая, ответьте?
Но она смеется мне в ответ:
— У меня, хоть верьте, хоть не верьте,
Имени еще покуда нет!..

Как же называть ее мне все же?
Может, тайна имени ее
В той печали тихой, что тревожит
Сердце беспокойное мое?

Может, в песнях тех, что распевает
Соловьиным голосом она?
Может, в тех цветах, что полыхают
На лугах, когда грядет весна?

Иль в улыбке озорной, не робкой,
Иль в руках, что тянутся к труду,
Или в нежном, шелковистом хлопке,
Собранном в горячую страду?

Или в терпком виноградном соке,
Схожим с крепким солнечным вином?
Или в уважении глубоком
К гостю, что в ее приходит дом?

Как же называть ее мне все же?
Может, тайну имени хранит
Тот джигит, веселый и пригожий,
Что ночей из-за нее не спит?

Сколько он имен придумал разных
Для нее — единственной своей!
Сколько слов душевных и прекрасных
Приготовил он в подарок ей!

И хотел бы стать я тем джигитом,
Чтоб опять огонь горел в крови,
Чтобы вдруг, как в юности забытой,
Снова захлебнуться от любви!

Из таджикской тетради

ЦВЕТЫ ТАДЖИКИСТАНА

В 1947 году, то есть 30 лет тому назад, состоялся II съезд писателей Таджикистана. В числе гостей съезда, приглашенных из братских республик, посчастливилось быть и мне. До сих пор мои ладони хранят тепло рукопожатий таджикских собратьев по перу, а перед взором встает добрая улыбка аксакала таджикской поэзии Мирзо Турсун-заде. И еще сохранилась в памяти девушка-таджичка, подарившая мне цветы. Тогда, в 1947 году, и было написано это стихотворение.

Край, о встрече с которым
Мечтал с давних пор,

Мне сегодня объятья свои распростер,
Молодая таджичка цветы поднесла мне,
Одарив меня внешними красками гор.
И была, как цветок,
Та таджичка красива,
И лучился теплом ее ласковый взор.

Я сестренкой назвать был ту девушку рад,
Потому что народ мой таджикскому брат,
Потому что в горах,
Где пасем мы отары,
Наши села издревле бок о бок стоят,
Потому что вершины Памиро-Алая
Наше общее счастье надежно хранят.

О, сестренка, как эти цветы хороши!
Я за них благодарен тебе от души.
Слышишь,
В сердце поэта рождается песня...
Ты ее подарить мне в ответ разреши.
Ты нежна, как заря,
Как луна, ты прекрасна,
Что встает над горами в полночной тиши.

Счастлив, милая, я
И растроган до слез,
И окутан я облаком сладостных грез,
Ибо знаю: твоими руками, сестренка,
Край таджикский мне эти цветы преподнес,
Край цветущий,
К которому гость ваш киргизский
С первой встречи навеки всем сердцем прирос.

Звучит Кызыл-Су по-таджикски — Сурхов:
Различные корни у двух языков.
Но мы без труда понимаем друг друга —
Ведь дружба и братство не требует слов.

И нам, вашим братьям исконным, близки
Любимых таджикских поэтов стихи,
Стихи, что раздольны, как горы Алая,
Стихи, что, как древний Памир, велики.

Не встанут меж нами ни ложь, ни обман,
Глаза не затмит нам наветов туман.
Мы делим по-братски и радость, и горе,
По-дружески делим кумыс и айран.

И вместе в бою мы, и вместе в труде,
Стеною стоим друг за друга везде.
В несчастье киргиз не оставит таджика,
Таджик не покинет киргиза в беде.

В союз равноправных республик страны
Мы партией нашей родной сплочены.
Нас Ленина знамя в пути осеняет,
Мы этому знамени свято верны.

УЩЕЛЬЕ ВАРЗОВ

Когда вдоль реки Душанбе
Поднимаешься ввысь,
К снегам,
Над которыми синего неба простор,
Из многих вершин,
Что над горным Памиром взнеслись,
Одна, как магнит,
Прикует к себе путника взор.

Зимою и летом
Окутана дымкой седой,
Парит она выше
Белесых,
Кочующих туч.
На голову барса
Похож ее выступ крутой,
На барса —
Властителя диких,
Заоблачных круч.

Недаром, наверно,
Дошла к нам из глуби веков
Легенда о том,
Что бесстрашный и яростный барс,
Храня этот край
От кровавых набегов врагов,
Им путь преграждал
Через горные тропы не раз.

И только, когда
Отгремела навечно гроза
И солнце свободы
Сожгло и развеяло мглу,
Как воин усталый,
Смежил он впервые глаза
И лег среди гор,
И, застыв,
Превратился в скалу.

Я часто гостил
На высокой таджикской земле,
Бывал не однажды
В зеленом ущелье Варзоб,
И снова,
И снова

Влекло меня к этой скале,
Где в грохоте эха
Неведомый чудился зов.

Но в старой легенде
Иная мне слышится суть:
Я вижу батыров,
Что в грозном и правом бою,
К родным очагам
Преграждая захватчикам путь,
Как барсы, сражались
За землю родную свою.

Памир —
Крыша мира —
Частица Советской страны —
Он с другом сердечен,
Но с недругом крут и суров.
Завидую людям,
Что этой землей рождены,
Чьи лица обветрены
Знойным дыханьем ветров.

Над скалами небо,
Как солнечный полог шатра.
Но день отшумит,
И опустится ночь на Памир.
И выйдет луна.
И засветятся звезды в горах,
И будут отсюда
Глядеть удивленно на мир.

И путнику явно
Почудится вдруг в этот час,
Что вновь в вышине,
В неразгаданной звездной дали

Качнется скала,
И неслышно появится барс —
Хранитель и страж
Поднебесной таджикской земли.

КАРАТЕГИН

Встали горы с четырех сторон,
Голубая речка лентой вьется.
С давних, с незапамятных времен
Джергеталом этот край зовется.

А одна из снеговых вершин,
Чья макушка тонет в тучах низких,
Названа людьми — Каратегин:
Сплавом слов таджикских и киргизских.

Здесь веками прочный мир царил,
Даль не оглашалась злобным криком.
Здесь таджик кумыс с киргизом пил,
Свежий хлеб киргиз делил с таджиком.

И когда-то в этих вот горах
(В Джергетале знает это каждый)
Жил киргиз по имени Кара —
Юноша пытливый и отважный.

Скотоведа истинного сын,
Стужею и зноем опаленный,
Девушку таджикскую — Тегин
Полюбил Кара и выбрал в жены.

И была любовь их так крепка,
Так они судьбу свою связали,
Что об их любви, спустя века,
Складывают песни в Джергетале.

Время в их союз не вбило клин,
Не внесло обид или раздоров.
В память о любви Кара к Тегин
Именами их называли гору.

Средь других, таких же вольных гор,
Вознеслась она, ветрам открыта.
У ее подножья с давних пор
Выбирают девушек джигиты.

Здесь, в долине, где колхоз «Манас»
Расплескал цветущий сад над нами,
За беседой братской в поздний час
Мы сидим с таджикскими друзьями.

За селом шумит вода в реке,
В небе звезды весело сверкают.
Песню на киргизском языке
Юноша таджикский запекает.

Все в той песне с ладом сердца в лад,
Все понятно в ней
И все в ней близко.
Парень этот статный, говорят,
Тоже любит девушку-киргизку.

Чуть заря — и мы в пути опять,
Мчимся по отвесным серпантинам.
И уже за дымкой не видать
Снежную гряду Каратегина.

Унеслась, растаяла она
В царстве гор, которым нету края.
А внизу такая крутизна,
Что от страха сердце замирает.

Кажется, туда в недобрый час
Сбросит нас коварная дорога.
Но шофер-парнишка жмет на газ,
Прибавляет скорость понемногу.

И совсем без страха смотрит вниз —
Видно, ко всему нужна привычка.
И смеется: «Мой отец — киргиз,
Ну, а мать — исконная таджичка.

Я у них, конечно, не один,
Есть и сестры у меня, и братья,
Так что притчу про Каратегин
Тут как раз сейчас и вспомнить кстати».

Что же, в этой притче есть резон,
И искать в ней правду вряд ли нужно,
Если два народа испокон
Связаны нерасторжимой дружбой,

Если на земле своей родной
Люди братством спаяны великим,
Если солнце родины одной
Светит и киргизам, и таджикам.

В БИБЛИОТЕКЕ ФИРДОУСИ

Есть улица в центре таджикской столицы,
Что в память живую запала навеки.
Здесь древняя мудрость народа хранится
Под гулками сводами библиотеки.

Вхожу — и тревожно, и радостно взору,
Как будто к далеким истокам вернулся...
Иссякли озера,

Обрушились горы,
Но стен этих
Времени бег не коснулся.

Здесь гений негаснувшим высветлен светом,
Лучившимся некогда в тусклой лампаде.
Здесь собраны книги великих поэтов,
Творенья Джами, Рудаки и Саади.

Величие духа...
Взлет мысли высокой...
Минувших веков и эпох быстротечность...
И все это слито в певучие строки,
Как могут быть слиты мгновенья и вечность.

Случайное счастье!
Счастливая редкость!
Хожу — и названья читаю негромко.
Какое богатство оставили предки
В наследство своим благодарным потомкам!

Здесь каждая книга реликвией стала,
И каждая рукопись стала святыней.
Так чья же рука их когда-то листала?
Чье сердце пред ними смиряло гордыню?

Кто первым из первых сумел причаститься
К тому, что бессмертными создано было?
Под грузом веков пожелтели страницы,
Но время с бумаги не стерло чернила.

Безжалостны годы, летящие круто,
И все-таки мраку со светом не сладить.
Листаю страницы — и кажется, будто
Вчера лишь писал эти строки Саади.

И Фирдоуси, седовласый и мудрый,
Заветную бережно выносив тему,
Не в древности давней,
А нынешним утром
Закончил работу над новой поэмой.

Стою, зачарованный трепетным мигом,
И думаю: разве такое возможно?
Из глуби хранилища
Книгу за книгой
Смотритель-старик достает осторожно.

И щурит глаза,
И чуть слышно читает,
Значимостью этих мгновений согретый,
А может, по памяти шепчет — кто знает —
Любимые строки любимых поэтов.

А может, в его впечатляющем лике,
В пронзительном взгляде
И в жесте широко
Предстал предо мною один из великих,
Один из бессмертных провидцев Востока.

Листаю страницы, как дни и как годы,
И грустно, и больно Киргизии сыну,
Что жизнь моего кочевого народа
Развеела память о древних акынах,

Что мы не сумели сберечь, как таджики,
Живя с ними в добром, сердечном соседстве,
Творенья киргизских поэтов великих,
Их книги потомкам оставить в наследство,

Что юрты веками служили нам домом,
Что был наш удел беспросветен и страшен,

Что письменность даже была незнакома
Вчера еще дедам и прадедам нашим.

Да, годы бегут и бегут, словно реки, --
То плавно текут,
То проносятся с гулом...
И радостно видеть здесь,
В библиотеке,
Двухтомник «Манаса»,
Стихи Токтогула.

И разве не счастье — вот тут,
Рядом с ними,
В бесценном хранилище мудрости вечной
На книжной обложке прочесть свое имя
Средь славных имен в их ряду бесконечном.

Я славой отнюдь не намерен хвалиться,
Поскольку я знаю,
Что как ни стараться,
Талантом с великими мне не сравниться,
С батырами силою мне не тягаться.

Но вряд ли есть все же
Весомей награда
За труд, что весьма незаметен и скромн,
Чем счастье — с бессмертными книгами рядом
Увидеть однажды стихов своих томик!

ГОРЫ, ГДЕ ВСТАНЕТ НУРЕКСКАЯ ГЭС

Покой этих гор даже зверь не тревожит.
Песчаными бурями ветры их гложут.
И солнце палит их жарою такою,
Что плавятся камни от жгучего зноя.

От этого зноя, от этого пекла
Трава, чуть пробившись, становится неплом.
Прохлады здесь нету и влаги здесь нету,
И капли дождя не прольется за лето.

Как будто сожженные пламенем ада,
Суровые скалы не радуют взгляда.
И коль залететь сюда птице случится,
Сгорает и замертво падает птица.

Скалистые горы, Нурекские горы...
Здесь властвует Вахш седовласый и гордый;
Сорвавшись с вершины, угрюм и неистов,
Несется он вихрем меж круч каменных.

Гремуч и напорист, преграды не зная,
Летит он, тяжелые камни сметая.
Годами, веками без смысла и цели
Змеится по узкому ложу ущелья.

В нем столько воды, что с избытком хватило б
Дать жизнь этим вздыбленным скалам унылым,
Укутать лесами и кручи, и склоны,
Чтоб птицы гнездились в чащобах зеленых.

В нем столько воды, что хватило б навеки
Всему, что от засухи гибнет в Нуреке:
Покосам и нивам, деревьям и травам,
Садам благодатным, тенистым дубравам.

Но Вахш непреступен, Но Вахш непокорен.
В бессмысленной скупости зол и упорен,
Беснуется он, как верблюд в пору гона,
Ярится и пенится ревом и стоном.

И вот, чтоб у Вахша забрать его воду,
Чтоб стал он работать на благо народа,

Пришли сюда люди — и в скалах окрестных
Для нового города выбрали место.

И первые колышки вбили, и даже
Черту прочертили, где улица ляжет —
Центральная улица города-сада
С тенистой аллеей, дающей прохладу.

Пока что той солнечной улицы нету:
Она еще зреет на ватмане где-то.
Но я (кто за это поэта осудит)
Уже представляю, какой она будет...

Здесь встанет дворец, тут гостиница встанет.
И сквер меня звоном фонтанов поманит.
А в этом просторном кафе многолюдном
Смогу я отведать таджикские блюда.

А рядом — волной зашумит на просторе
Огромное море, Нурекское море.
И Вахш, вопреки всем законам природы,
По новому руслу помчит свои воды.

И встанет плотина с вершинами вровень,
И путь своенравной реке перекроет.
И в небе Нурека, безмолвном и грозном,
Зажгутся, засветятся яркие звезды.

ЛЕНИНАБАД

Опять я полдень солнечный встречаю
На берегу широкой Сыр-Дарьи.
За пиалой бухарского кок-чая
Сидят кружком товарищи мои.

У нас немало тем для разговора,
К тому ж, поэты на слово легки.
Но я молчу и неотрывным взором
Гляжу на гладь струящейся реки.

Там, за рекою, — в сизой дымке горы...
Взметнулись в небо их вершин зубцы.
Там в древности стоял богатый город,
Шумел базар и высились дворцы.

Шли в Бухару оттуда караваны
С изюмом, черносливом и хурмой.
И на чужом труде жирели ханы,
И беки помыкали голытьбой.

Тот город в землю погребли столетья,
И ныне здесь, красой лаская взгляд,
Встал новый город, праздничнен и светел,
Цветущий город-сад Ленинабад.

Течет река, шумит на перекатах,
Бурлит, вихрит волной у крутизны...
А я ведь тут уже бывал когда-то,
В сорок втором, в лихие дни войны.

На берегу, что выгнулся излучой
(тех мест уже сегодня не узнать.)
Я постигал солдатскую науку,
Тяжелую науку — побеждать.

Стрелял, колол, траншеи рыл лопатой,
Разил «врага» гранатой наповал
И прямо тут же, на траве примятой,
Укрывшись звездным небом, засыпал.

Не ведал я походным верстам счета,
Поскольку молод был и полон сил.

И уж не вспомнить, сколько ведер пота
Я в эту землю знойную пролил.

И мне сейчас уже узнать едва ли
Места, где были «наши рубежи».
Здесь, где в те годы мазанки стояли,
Взметнулись новых зданий этажи.

Да, я здесь не проезжий, не прохожий:
Киргиз таджику — верный друг и брат,
И все же вновь взволнован и встревожен
Я встречею с тобой, Ленинабад.

И радостно о том мне вспомнить снова,
Что нас с тобой сроднила на века,
Рожденная в киргизском Ала-Тоо,
Великая таджикская река.

Нет, ты радушьем славись не даром,
Ленинабад, и встретить рад гостей.
И, как всегда, шумят твои базары,
И, как всегда, полны они сластей.

И славен ты умением высоким
Чеканщиков и прочих мастеров,
И золотистым виноградным соком.
И радугою тканей и ковров.

И чайханой, где полдень я встречаю
На берегу широкой Сыр-Дарьи,
И теплотой, что щедро излучают
Товарищи таджикские мои.

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЯ

Звездная ночь опустилась над садом,
Дарит влюбленным покой и прохладу.

С гор освежающим ветром дохнуло,
От Сыр-Дарьи холодком потянуло.

Все изменилось в природе мгновенно,
Преобразиться, как в сказке, успело.
Смуглая женщина вышла на сцену,
Песню протяжно и звонко запела.

В жизни не слышал я песни чудесней,
Голоса краше не слышал ни разу.
Славила счастье любви эта песня
Каждою нотой и каждою фразой.

Так эта песня плыла и звенела
В трепетном мареве южного лета,
Что показалось: не женщина пела,
А соловей, затаившийся где-то.

Вдруг показалось, что рядом со мною
Та, что любила меня всей душою,
Та, что бесценное счастье дала мне,
Та, что опорой в жизни была мне.

Женщина пела раздольно и ясно.
Все в этой женщине было прекрасно,
Все в ней звало и влекло, и манило,
Всех она песней своею пленила.

Словно бы в ней, молодой, черноокой,
В это мгновенье слились воедино
Юная прелесть красавиц Востока
С чистою трелью рулад соловьиных.

Смуглая женщина пела со сцены,
Пела призывно, легко, вдохновенно,
Пела о вечной любви и не знала,
Как от любви мое сердце сгорало.

Пела и пела она — и над садом,
Над затихающим Ленинабадом,
Светлой и гордой наполнена силой,
Вольною птицею песня кружила.

Женщина пела — и в сумраке зыбком
Нежной и тихой светилась улыбкой.
В этой лучистой улыбке, казалось,
Песня, что женщина пела, рождалась,

И серебром по траве рассыпалась,
И полноводной рекой растекалась,
Ласковым ветром в листве шелестела,
В воздухе звоном хрустальным звенела.

Что это было — реальность иль небыль:
Женщина... сад... немудреная сцена...
С давней поры той,
С тех дней незабвенных
В Ленинабаде ни разу я не был.

Только нет-нет, а глядишь — и воскреснет,
Сердце наполнив огнем до предела,
Та соловьиная нежная песня,
Песня любви, что таджичка мне пела.

ВЫСОТА

Зовешь ты высокими
В небо взнесенные горы,
Чьи снежные кручи
Порою невидимы взору.
И солнце, и небо,
Что разум пыливый тревожат,

И лунные дали
Зовешь ты высокими тоже.

И птичий полет
Ты высоким полетом считаешь
И сам в поднебесье
На крыльях взметнуться мечтаешь.
Стремишься поспорить
С извечным земным притяженьем,
Чтоб завтра же стало
Стремление твое совершеньем.

Тут не о чем спорить.
Тут все, разумеется, ясно:
Влечет высота нас —
И это, конечно, прекрасно.
Но часто высокими
Вижу я дали иные —
Глубины морей
И бездонные глубы земные.

Высокой мне видится
Сила народа-героя,
Народа, что счастье
Своими руками построил,
Народа, что первым
Взметнул высоко над планетой
Победное знамя
Свободы и вечного света.

И сердце девчонки,
Спешащей на зорьке к штурвалу,
Наполнено юным,
Горячим, высоким накалом.
И свежие борозды

В поле безбрежном и чистом
Полны до предела
Высокого, ясного смысла.

Живи, осененный
Высокою, светлою правдой,
Чтоб труд твой упорный
Был целью высокой оправдан,
Чтоб в деле высоком
Не знать ни минуты покоя —
И люди тебя
Вознесут высоко над землею.

Но только не жди,
Что придет к тебе легкая слава —
Не небом дается
На крылья высокое право.
Чтоб мог ты достигнуть
Высоких межзвездных просторов,
Ищи на земле
Для высокого взлета опору.

О СЛАВЕ

В киргизской бедной юрте я рожден,
Но на судьбу доселе не в обиде,
Что сквозь тундюк* я видел небосклон,
Что сквозь тундюк луну и звезды видел.

Я вырос в горном песенном краю,
Где знают цену сказанному слову.
Ласкали юность трудную мою
Заоблачные ветры Ала-Тоо.

* Отверстие в крыше юрты.

Мне в Лондоне не довелось бывать,
Нью-Йорк я знаю только по рассказам,
И до сих пор, — по совести сказать, —
В заморских землях не был я ни разу.

И мне тягаться с теми смысла нет,
Кто удивить торопится сограждан
Тем, что сумели повидать весь свет,
Что за границей были не однажды.

Иной и впрямь всю жизнь провел в пути,
Нисколько не тоскуя об Отчизне,
Но как ни бился, не сумел найти
Себя в самом себе и места в жизни.

И славы он в дороге не нашел
И не нашел того, к чему стремился,
И не обрел друзей он, и душой,
Как ни хотел, ни с кем не породнился.

Как видно, дело все-таки не в том —
Был в дальних странах ты иль вовсе не был,
А дело в том, что утвердить трудом
Себя мы в силах и под отчим небом.

И пусть невелики твои дела,
Ты ими жизнь наполни до предела.
Ведь как бы ни мала была игла,
Она в конце концов сгодится в дело.

Старайся жить, как долг тебе велит
(А где живешь — речь не об этом право),
И ты увидишь, как за край земли
Взлетит твоя заслуженная слава.

ДУША ЧЕЛОВЕКА

В твердь земли проникаем мы пристальным взглядом,
Как она ни была б глубока и крепка,
Извлекаем из недр драгоценные клады,
Что под спудом земным пролежали века.
Но душа человека загадкой для нас остается.

Сколько помним себя, мы ведем неотступно
Со стихией досель неоконченный спор.
Мы не знаем преград. Нам сегодня доступны
Дно морское и выси заоблачных гор.
А душа человека загадкой для нас остается.

Мы постигли бессчетные тайны природы,
Что вчера лишь загадкою были для нас,
И взлетаем в безбрежную синь небосвода,
Обживаем Луну, торим тропы на Марс.
Лишь душа человека загадкой для нас остается.

А ведь это в ее глубине сокровенной
И таится та сила, та жаркая страсть,
Что внесла человека в просторы Вселенной
И над гордой природой дала ему власть.
В чем же все-таки тайна всесилья души человека?

В чем истоки ее вдохновенного пыла,
Что питают нас жаждой дерзать и творить?
Почему даже горному льду не под силу
Вечный жар человеческой души остудить?
Нет труднее загадки, чем тайна души человека.

Можно тело рассечь и проникнуть под кожу,
Вырвать сердце и в клочья его раскрошить.
Но и даже тогда мы постигнуть не сможем
До сих пор неразгаданных таинств души.
О, душа человека — великое чудо природы!

ПРЕДАННОСТЬ

«Я — твой друг!» — нет во мне к этой фразе доверья,
Хоть за долгую жизнь ее слышал не раз.
Словом «преданность» дружбу я издавна мерю,
Словом, стоящим сотен затасканных фраз.

О, как емко оно — это доброе слово простое,
Только в нем дружбы истинный смысл заключен:
Друг в беде — и не знаешь ты сна и покоя,
Друг в огне — и насквозь ты огнем опален.

Пусть обида чертою меж вами осталась,
Стал чужим тебе друга давнишнего дом,
Ранен друг — и спешишь ты,
забыв про усталость,
Чтоб потуже стянуть ему рану бинтом.

Кровь до капли отдашь ты ему, если нужно,
Хоть в постельном режиме нуждаешься сам...
В грош обида, коль сдобрена вечная дружба
Хлебом тем, что делили вы с ним пополам.

И одно озаряло вас солнце большое,
И мечтою одной уносило в зенит,
Потому вас и тянет друг к другу душою
Через горечь вчерашних разлук и обид.

Все проходит — привязанность, нежность, сердечность,
Все, что смолоду всем нам дается сполна.
Все проходит...
Но преданность — это навечно,
Ею мерится истинной дружбы цена.

ВЗЛЕТАЮТ ПТИЦЫ НА РАССВЕТЕ

Слепящий снег хрустит под сапогами,
Деревья в сизом инее стоят...
«Наверное, зима скрипит зубами...»—
В такую стужу люди говорят.

А тут еще — и хлесткий, стылый ветер...
И на беду мороз все злей и злей...
Но ввысь взлетают птицы на рассвете,
Как будто там надежней и теплей.

Гляжу на них в раздумье онемелом,
Себя судить безжалостно готов
За то, что я еще так мало сделал
(Хоть столько лет прошло и пролетело)
Хороших, вровень с временем, стихов.

Смогу ли я сложить такие строки,
Чтоб жить им на земле за годом год,
Чтоб в жгучий зной
И чтоб в мороз жестокий
Рвались они, как птицы, в небосвод?

ДОМ БЕЗ МАТЕРИ

Если знаю, что в доме твоём
Нежной матери нет у младенца,
Боль тисками сжимает мне сердце,
И не греет мне душу твой дом.

И теряю покой я и сон,
И такую томлюсь маятою,
Будто стал я и сам сиротою,
Будто сам я судьбой обделен.

Дом без матери — злая беда,
Нет дверей в нем
И окон в нем нету,
И весеннему яркому свету
Не согреть этот дом никогда.

И убог он,
И мрачен,
И слеп,
Звонкой радости в нем не бывает.
Даже воздух с трудом проникает
В этот дом, как в заброшенный склеп.

Дом без матери полон тоски,
Он гнетет безысходностью жгучей,
Словно русло песчаной реки,
Словно небо в клубящихся тучах.

Только здесь — до озноба в крови —
И поймешь, как нужны нам бывают
Теплота материнской любви,
Материнская нежность святая.

Все от матери,
Все, что в нас есть,
Что заложено в нас с колыбели:
Справедливость,
Достоинство,
Честь,
Верность долгу
И преданность цели.

И чем дольше живем, тем ясней
Сознаем мы, мужая в невзгодах,
Что нас всех сотворила природа
Плоть от плоти своих матерей.

Боль и радость познав на веку,
Мы пойдем непременно однажды:
Чтоб там ни было в жизни,
Но каждый
Перед матерью в вечном долгу.

И вовек нам прощенья не знать,
Уваженья людского не видеть,
Коль бездушьем и черствостью мать
Хоть однажды посмеет обидеть.

Ну, а тот, кто себя лишь любя,
Мать обидою ранить посмеет,
Уподобится подлому змею,
Что безжалостно жалит себя.

Лучше б солнца не видеть ему,
Лучше б вовсе ему не родиться,
Чем над матерью в пьяном дыму
Или в злобе звериной глумиться!

Дом без матери — дом без дверей,
Дом без окон,
Без внешнего света.
Люди, внимайте слову поэта:
Берегите своих матерей!

Пусть цветущей садами земле
Дарит солнце веселые краски.
Пусть растут ваши дети в тепле
Материнской заботы и ласки!

Из цикла «Поэзии неистребимый свет...»

МОЯ ОПОРА

В горах, где путь-дорога нелегка,
Я повстречал однажды старика —

Согбенного, седого...
К завершенью
Клонилась жизнь его наверняка.

Тропинкою, взбегавшею на склон,
Он шел, потомством тесно окружен:
Шагали рядом сыновья и дочки,
И внуки стайкой двигались вдогон.

И было сразу видно, что старик
Еще покуда духом не поник:
Он спину распрямлял и улыбался
Внучонку, что к руке его приник.

Хоть труден и извилист в гору путь,
Он не спешил присесть и отдохнуть.
В наследниках свою опору видя,
Он, видно, знал в чем долгой жизни суть.

И с ним сравнив себя невольно вдруг,
И оглядевшись мысленно вокруг,
Увидел я поэтов юных поросль
И услышал стихов певучих звук.

И, как отец любимым сыновьям,
Дороги доброй пожелал им я.
И пожелал, чтоб крепла и мужала
Поэтов многоликая семья;

Чтоб, как на скачках мчатся бегунцы,
Стихи летели — радости гонцы,
Чтоб побыстрее расправляли крылья
Для взлета дерзновенного птенца;

Чтоб был высок и светел их полет,
Чтоб от накала песен таял лед —

Ведь сила их задора молодого
И мне для взлета силу придает.

Гляжу я на собратьев молодых —
И хочется мне быть одним из них,
И заново, спустя десятилетия,
По-новому сложить свой первый стих.

Да, счастлив, видно, только тот поэт,
Кто на исходе быстротечных лет
Гордиться вправе тем,
Что смог зажечь он
Поэзии неистребимый свет.

НЕ ТОРОПИСЬ КРИЧАТЬ, ЧТО ТЫ ПОЭТ

Иной по свету ходит, выгнув грудь,
Хваля свои сомнительные вирши...
Но лишь коснись стихов его чуть-чуть —
И лопнут строки, словно чий подгнивший.

Другой плетет строку из мертвых слов,
Окольными всю жизнь идет путями,
Он на стезе к изданию готов
Своих собратьев растолкать локтями.

А третий, — не скроив и пары строк, —
Одно твердит налево и направо:
«Мои стихи, мол, дайте только срок,
Меня овеют вековой славой!»

Но истина извечна и права:
Бязь никогда не станет нежным шелком.
И сколько не вымучивай слова,
От них не будет никакого толку.

Скакун тогда лишь бегунцом слывет,
Когда он в состязаньях возвеличен.
И соколом зовется сокол тот,
Который, взмыв стрелою в небосвод,
На землю не вернется без добычи.

Не торопись кричать, что ты поэт!..
Чтоб право обрести поэтом зваться,
Хотя б одной строкой ответный свет
Зажги в душе у юноши и старца.

Пусть мысль твоя опережает век,
Но слово будет неподвластно мигу.
Пусть с трепетом раскроет человек
Твоих стихов зачитанную книгу.

Поэзии святое торжество
Не терпит суеты, хвалы и треска.
Ведь золото,
Как ни хули его,
Не потеряет ни цены, ни блеска.

ТРИ ПОЭТА

ШУТКА

*Байдылде Сорногоеву,
Сооронбаю Джусуеву,
Джалилю Садыкову.*

Я читаю их стихи на все лады,
Только — кто из них талантливей — не знаю.
Вкус смородины в стихах у Байдылды,
Винограда вкус в стихах Сооронбая.

Как кумыс, стихи Джаилия жадно пью
И никак я не могу найти ответа —

Ну, кому из них отдать любовь свою,
Ну, кого мне предпочесть из трех поэтов?

Не ища в пути исхоженных дорог,
Каждый тропку проторить свою стремится.
С их пера бесценный жемчуг звонких строк
Щедро сыплется на чистые страницы.

Двое рыжих, третий малость смугловат,
Меж собою дружбой связаны завидной,
Но друг друга, состязаясь, норовят
Подзадорить подковыркой необидной.

Три поэта — и любой из них хорош,
С блеском каждый мастерством своим владеет.
Я гляжу, как возмужала молодежь,
И невольно сам душою молодею.

Да, поэзия — прекрасная страна!
И в талант моих собратьев твердо веря,
И любовь, и уважение сполна
Отдаю я им по праву в равной мере.

НЕ ПИШИТЕ, ЖЕНЩИНЫ, СТИХОВ

ШУТКА

Вас реки наделили чистотою
Снегов и поднебесных ледников.
Всю жизнь готовы, на коленях стоя,
Мы восхищаться вашей красотой,
Но не пишите, женщины, стихов!

Вы те цветы, что могут, как подснежник,
Цвести в краю туманов и ветров.

Спасибо вам за чистоту и нежность,
За свет любви высокой и безбрежной!
Но не пишите, женщины, стихов!

Вы — соловьи, что не живут без песен,
А песню можно слушать и без слов.
И мир, в котором каждый миг чудесен,
Без ваших песен был бы сер и тесен.
Но не пишите, женщины, стихов!

Вы дарите нам молодость и счастье,
И отпущенье всяческих грехов.
Пусть неземной сжигаемые страстью,
Несем мы бремя вашей вечной власти,
Но не пишите, женщины, стихов!

Порою грубы мы, порой беспечны,
Мужской характер крепок и суров.
А вы великодушны и сердечны,
И ласковы вы с нами бесконечно,
Но не пишите, женщины, стихов!

Нам по плечу горячая работа,
И испокон девиз у нас таков:
Жить и трудиться до седьмого пота,
Чтоб вы не знали горя и заботы,
Но не пишите, женщины, стихов!

Мы вас готовы славить ежечасно,
Слагать о вас поэмы в сто томов.
О, как красивы вы, о, как прекрасны!
Вы можете поспорить с солнцем красным,
Но не пишите, женщины, стихов!

В талантах ваших нет у нас сомненья —
Я это трижды повторить готов.

Дарите нам любовь и вдохновенье,
Будите в нас высокие стремленья,
Но не пишите, женщины, стихов!

Из иссык-кульской тетради
ГОЛУБОЙ ИССЫК-КУЛЬ

Я на озеро дверь раскрываю, как в сад —
Цветники и газоны ласкают мой взгляд,
Лес шумит молодою листвою зеленой,
Свежесть утра медовый струит аромат,
И приходят на память картины былого,
Заставляя опять оглянуться назад.

Лет пятнадцать я в этих местах не бывал,
А взглянул я на них — и не сразу узнал:
То ли дивное чудо воочью увидел,
То ли в сказочный мир вдруг случайно попал.
Хоть и знал я, что жизнь не стояла на месте,
Но такого, признаться, и в мыслях не ждал.

Был уныл этот берег, пустынен он был,
И не радовал взор, и тоску наводил.
Разве мог я представить, какое богатство
С незапамятных пор от людей он таил!
Но года пролетели — и труд человека
Светом радостной жизни его озарил.

Плещет озеро, будто сегодня оно
Вновь из вечного мрака на свет рождено.
Золотые цветы тянут венчики к солнцу,
Лес к воде подступает живою стеной.
И не верится мне, что еще лишь недавно
Было здесь от верблюжьей колючки черно.

Наши дети и внуки, что выросли вдруг,
Что постигли премудрые тайны наук,
Засадили цветами пустырь каменистый,
На песчаных предгорьях взрастили урюк.
Величавая новь моего Иссык-Куля —
Взлет мечты их крылатой и дело их рук.

Иссык-Куль, ты красив и вблизи, и вдали,
Ты — большие ворота Киргизской земли,
Побережье твое — досторхон, что народ мой
В добрый час для желанных гостей расстелил.
Иссык-Куль, кто не видел тебя, тот не видел
Нашей, щедрой на крепкую дружбу земли.

Иссык-Куль, как милы мне твои берега!
Ты мне дорог, как родина мне дорога.
Все родное мне здесь — и безбрежное небо,
И заоблачных гор вековые снега.
Нет, наверно, в краю Ала-Тоо поэта,
Кто хоть раз бы стихов о тебе не слагал.

Что ни девушка здесь — тоньше лани степной,
Входит в чистую воду, играет с волной.
И ныряет джигит за красавицей следом,
Завороженный светлой морской глубиной.
Здесь дыхание моря слилось воедино
С вольным ветром вершин и с прохладой лесной.

День прошел — и другой занимается вслед.
Я опять, Иссык-Куль, просыпаюсь чуть свет
И опять поднимаюсь на холм, чтоб увидеть,
Как встает над тобою июльский рассвет.
Как веселое, яркое, летнее солнце
Щедро дарит тебе неба синего цвет.

Иссык-Куль — необъятный простор голубой,
Опоясанный снежною горной грядой,

Ты лежишь на зеленых ладонях долины,
Ты звенишь в моем сердце заветной струной.
И спешат к берегам твоим солнечным люди —
Поклониться тебе, породниться с тобой.

ВОПРЕКИ СТАРОСТИ

На лунную гору всхожу высоко,
В озерную воду ныряю легко
И соколом в небо взлетаю.
Две ярких звезды улыбаются мне:
Одна — в вышине,
А одна — в глубине,
Гляжу — и душой отдыхаю.

Мне снятся хорошие добрые сны,
И думы мечтой и надеждой полны,
И сердце тоской не томится.
И словно мальчишка, безоблачен я,
И брэнная спутница — старость моя
Не смеет ко мне подступиться.

Подобна шальной иссык-кульской волне,
Бурлит неизбывная сила во мне,
И голос мой весел и звонок.
И снова я дерзок,
И снова горяч,
И полон задора,
Как мчащийся вскачь
По склону холма жеребенок.

Усталости нет
И уныния нет,
Как будто десяток иль более лет
С себя я негаданно сбросил.

И снова я жаждой работы объят,
А старость моя,
Запахнувшись в халат,
Хандру и тревогу уносит.

И скалы скорей расступиться спешат,
Чтоб старость моя не вернулась назад,
А сгинула где-то навечно,
Чтоб смыла луна мне морщины с лица,
Чтоб не было жизни и счастьем конца,
Чтоб молод я был бесконечно.

МУДРОСТЬ

Ночь. Озеро. Далекая луна.
Опять брожу по берегу без сна.
У ног моих полна чуть слышно плещет.
Душа моя спокойствия полна.

Благоухают нежные цветы.
В ночную даль плывут мои мечты.
Я осязаю каждой клеткой тела
Пленительную мудрость красоты.

Есть мудрость в этой дивной тишине,
В полночном небе,
В призрачной луне,
В земле,
В горах,
В мерцанье льдов вершинных,
В неторопливо плещущей волне.

Благословенна мудрость и ясна,
Как эта ночь,
Как эта тишина.

Насколько бы спокойней было в мире,
Когда бы миром правила она!

Не знали б люди горя и невзгод,
Не застили бы тучи небосвод,
Не высыхали бы от зноя реки,
Не сковывал бы землю гололед.

В ней, в мудрости, — величье вечных гор
И тихая задумчивость озер,
Таинственность нетронутой природы —
Спокоен нрав ее, всевидящ взор.

Но если дым взметнется в облака,
И кровь невинных обагрят снега,
Враз ненавистью мудрость обернется,
Народный гнев обрушит на врага.

ВСПОМИНАЮ СТАРЫХ ТОВАРИЩЕЙ

Озеро, лунным обласкано светом,
Дремлет в спокойной ночной тишине.
Строки ушедших из жизни поэтов
В дивном безмолвии слышатся мне.

Мысли их, словно крылатые кони,
Устремлены далеко в облака,
В звездную высь,
Где у гор на ладонях
Белым огнем полыхают снега.

Нет этой ночи начала и края,
Все в ней, как в сладостном тихом бреду...
Долгим путем дорогого Мукая*
Утру навстречу неспешно иду.

* Мукай Элебаев — автор романа «Долгий путь».

Блики луны, будто искры лучисты,
Призрачен звездный негреющий свет.
Кончится ночь —
И, как в зеркале чистом,
В глади воды засверкает рассвет.

Спит Иссык-Куль,
В сонной неге томится,
Замер под сенью заоблачных гор.
Но набегут облака —
И взъярится
Грозной волною безбрежный простор.

«Слушай, весь мир!»* —
Загремит он сурово.
И отзовутся, как эхо, и ответ
Стены и горы,
Леса и джайлоо —
Край, где родился и вырос поэт.

Но приутихнет над озером ветер —
И безмятежности прежней полна,
Алою радугой
В солнечном свете
Ляжет на сизую рябь тишина.

И зазвучит соловьиная песня,
Звонко пронзая туманную мглу,
Словно бы в памяти сердца воскреснет
Сын Убуке — мой собрат Айткулу.**

Буду я снова, как встарь, наслаждаться
Неповторимым его мастерством.

* Известное стихотворение *Джусупа Турусбекова*.

** *Айткулу Убукеев* — известный киргизский поэт.

Буду я плакать
И буду смеяться
Вместе с героями книжек его.

Озеро, лунным обласкано светом,
Дремлет в спокойной ночной тишине.
Строки ушедших из жизни поэтов
В дивной тиши вспоминаются мне.

Мысли их, словно крылатые кони,
Устремлены далеко в облака,
В звездную высь,
Где у гор на ладонях
Белым огнем полыхают снега.

О ЛЮБВИ

Спустилась ночь незримо и безмолвно,
Мерцают звезды в темной вышине.
На низкий берег набегают волны
И о любви чуть слышно шепчут мне.

О той любви, великой и прекрасной,
Как жизнь,
Как свет безоблачного дня,
О той, что вместе с молодостью красной
Давным-давно покинула меня,

О той любви, что заплуталась где-то,
А где — о том не знает и сама...
Любовь, она сродни весне и лету,
Ей не по нраву осень и зима.

Но я несколько с этим не согласен,
Держусь всецело истины иной:

И злую зиму тоже солнце красит,
И осень озаряется луной.

Любовь бывает звонкою и тихой,
Бывает — юной, зрелой и седой.
Порой она летит легко и лихо,
Порой течет медлительной рекой.

И видно так уж повелось от века,
А значит так всегда тому и быть:
Покуда бьется сердце человека,
До той поры любовь в нем будет жить.

ДЕВУШКА В ЛУННОМ СВЕТЕ

Вот, вот и займется
Над озером жаркий восход,
И солнечный день
Заискрится веселым раздольем.
Смотрю на луну,
Что над темною гладью плывет,
И стройную девушку
Вижу в ее ореоле.

Легка, как косуля,
Взбегает проворно она
По каменным тропкам,
По лунным холмам и увалам,
Как будто далекая,
Полная таинств луна
Ей самой обычной
Спортивной площадкою стала.

То стелится лентой,
То выгнется тонкой дугой...

И все в ней красиво,
И все в ней полно обаянья.
И стан ее гибкий,
Обтянутый блузкой тугой,
Рисуется в небе
Чарующим взор изваяньем.

Но нет, это только,
Наверное, кажется мне,
Как кажется правдой
Порой нам волшебная небыль,
Что вижу ее я,
Несущейся вдаль по луне,
Поскольку в ночи
Слились озеро, берег и небо.

И вдруг я отчетливо
Вспомнил, что видел на днях
И эту осанку,
И звонкую эту походку.
Я вспомнил,
Как к ней
Из села приезжала родня,
Как, глядя на девушку,
Радостно ойкала тетка.

«О, боже! Да разве
Себе я представить могла,
Что станет такою
Курносая наша чернушка!
И вправду видать,
Ей учеба на пользу пошла:
Ишь как повзрослела! —
С восторгом шептала старушка. —

А как ей к лицу
Этот, в моду вошедший наряд:

Рубашка и брюки!
И вся она — словно бы птица!
А мы-то считали,
Что девушке нужно до пят
В тяжелые платья
И в длинные юбки рядиться.

Стоял я в раздумье —
И виделась птицей ночной
Мне девушка эта
С осанкою горной косули,
Летающая ввысь,
В небосвод,
Где, сливаясь с луной,
В ночи догорала
Туманная гладь Иссык-Куля.

ОТКРОВЕНИЕ

Чтоб писать о луне, надо там побывать,
Надо лунною далью хоть раз прошагать.
Чтоб о тополе петь, надо хоть на мгновенье
Соком жизни, питающим ствол его, стать.

Иссык-Куль, пусть я в Чуйской долине рожден,
Но с рожденья в тебя я всем сердцем влюблен,
И с рожденья душа к твоей сини тянулась,
И взлетала мечта в твой сквозной небосклон.

Это чудо, когда над спокойной водой
Льется лунный сверкающий свет молодой,
И мерцают загадочно яркие звезды,
И у берега тихо рокошет прибой.

Плещет нежная песня из глуби твоей,
Будто там, затаившись, поет соловей.

Как волнует меня, как чарует мне сердце
Эта песня любви и печали твоей!

Здесь песок красным жемчугом кажется мне,
Янтарем представляются камни на дне,
А красавицы юные ликом подобны
Полуночной хозяйке вселенной — луне.

Друг-джигит, если кровь в твоих жилах бурлит,
Пусть с красавицей здешнею соединит
Жизнь тебя. И любовь ее даст тебе крылья
И огнем негасимым твой путь озарит.

Иссык-Куль, Иссык-Куль! Пусть я родом не твой,
Погружен я душой в твой простор голубой,
Как вот эта, сюда прилетевшая утка,
Что нашла здесь приют и желанный покой.

ПОДСНЕЖНИКИ

Озеро манит теплом и негой,
Ласков голубой его покой.
А в горах,
У самой кромки снега,
Разбрелись подснежники гурьбой,

Разбежались весело по склонам,
Первыми услышав зов весны,
И стоят на кручах прокаленных,
Синевой небес озарены.

А нагрянет лето в Ала-Тоо,
Солнечным теплом наполнив дни, —
И с вершин на тучные джайлоо
Стайкой озорной сбегут они.

Им и осень тоже не помеха,
Хоть она здесь на семи ветрах.
Люди откочуют с первым снегом,
А они останутся в горах.

Не с того ль,
Что броской и крикливой
В них вовек не сыщешь красоты,
Так живучи,
Так неприхотливы
Эти неприметные цветы.

С вечным льдом живя в соседстве близком,
Не боясь ни выюг и ни невзгод,
Как они похожи на киргизский,
На любимый мной родной народ!

Мы ведь тоже,
Гор орлиных дети,
Не страшимся снежной высоты,
И в невзгодах стойки мы,
Как эти
Первые весенние цветы.

Как они, тщеславию не внемля,
В щедрый мир всем сердцем влюблены,
Мы живем и украшаем землю,
На которой были рождены.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Лунный свет расплескался вокруг,
В небе звездная россыпь мерцает.
И какой-то неведомый звук
Иссык-Кульская ночь исторгает.

Так она, эта ночь, хороша,
Так наполнена звуком и светом,
Что блаженствует в дреме душа,
Тихой думой о счастье согрета.

В звездной выси витают мечты,
В сердце лед звездным светом расколот.
И не хочется думать, что ты,
К сожаленью, давно уж не молод.

Молодые, и те в эту ночь,
О минувшем еще не тревожась,
Тоже, видимо, были б непрочь
Стать хотя бы немного моложе.

Что ж, мечта нам недаром дана...
Пусть, с годами летящими споря,
Юным светом искрится луна,
Молодеют и звезды, и море.

И прибрежные камни, что спят,
Опушенные мхами седыми,
Пусть себя хоть на миг ощутят
В эту лунную ночь молодыми.

О, красавицы, те, с кем не раз
Я бродил здесь, любовью объятый,
Так ли молоды вы и сейчас,
Так прекрасны ль,
Как были когда-то?

Не обижусь на вас,
Коль в ответ
Не услышу желанного слова.
Лишь бы знать,
Что, спустя столько лет,
Вы по-прежнему живы-здоровы,

Лишь бы щедрая память и впредь
Волновала, покоя не зная.
Видно, можно душой молодеть,
О минувшем вот так вспоминая.

Дремлет озеро в неге ночной,
Распластавшись под небом безмолвным.
И беседуют тихо со мной,
Неторопкие, теплые волны.

Завороженный счастьем сполна,
Я иду, не томимый бедою.
И плывет над водою луна
Так, как будто плывет под водою.

И опять не дано мне узнать,
Кто, ученым догматикам вторя,
С легким сердцем решился назвать
Словом «озеро» горное море?

Есть у каждого место, где он
Исцеляет и душу, и тело,
Где, как птица, в полет окрылен
Он мечтою завидной и смелой,

Где источник его чистоты
И опора — в земной круговерти.
Для меня, Иссык-Куль, — это ты,
И покуда ты есть, я бессмертен.

ПОЭМЫ

ЛЕНИН У ИССЫК-КУЛЯ

*На берегу Киргизского моря, там, где
над золотистыми пляжами высятся
белоснежные корпуса санатория «Го-
лубой Иссык-Куль», стоит памятник
В. И. Ленину.*

1

Цепь древних гор под кошмами снегов
Взметнулась ввысь, долину карауля.
Искрится зыбью чаша Иссык-Куля
В серебряной оправе берегов.

Всю ночь штормило море, и устав,
К утру решило вдруг уgomониться.
И вот огромной синегрудой птицей
Застыло в дреме, крылья распластав.

И не понять, в какой сквозной дали
Сливается вода с рассветным небом
И тает в сизой дымке, будто небыль,
Рожденная фантазией земли.

Кто в полной мере знает, сколько лет
Красою Иссык-Куль с горами спорит?
И, видно, не рожден еще поэт,
Кто б мог воспеть величье гор и моря.

Да и не мне, наверное, решать
Их бесконечно долгий спор, который
Лишь тот рассудит честно, в ком душа
До старости живет в ладу со взором.

Я порознь их не видел до сих пор —
И потому, хоть мысленно, могу ли
Себе представить Иссык-Куль без гор
Иль горы воспринять без Иссык-Куля?

2

Здесь, где горы море стерегут,
Над заливом, от ветров укрытом,
Высечен из серого гранита —
Встал он на высоком берегу.

Встал таким, каким вошел навек
Он в живую память поколений —
Величайший в мире человек,
Друг простых людей — Владимир Ленин.

Еле слышно плещется волна,
Ветерок, шурша, крадется низом.
И светла воды голубизна —
В ней, как в чистом зеркале, видна
Ильичу вся ширь земли киргизов.

Он глядит, прищурясь, в синеву,
Вдаль, где кружат чайки на просторе,
И как будто слышит наяву
Затаенный в глуби голос моря...

ИССЫК-КУЛЬ

Видишь, город стоит
На моем берегу.
Им гордиться я ныне
По праву могу.
Где когда-то лишь

Рыскали волки во мгле,
Белокаменным чудом
Он встал на земле.
А на дне моем спит,
Молчалив и суров,
Древний город —
Свидетель минувших веков.
Спит, глухой тишиною
И мраком объят,
Мертвый город,
Что был
Величав и богат.
И уже не припомнить
То время, когда
Налетела на город
Внезапно беда,
Затопила водой,
Сокрушила огнем,
Чтобы память — и ту
Не оставить о нем.
Но на месте его,
Неуемный, как жизнь,
Новый город вознес
К облакам этажи,
Город счастья и дружбы,
Любви и труда —
И ему не страшна
Никакая беда!

3

И Ленин,
По Волге ходивший на лодке не раз,
Моря повидавший,
Где ветры студёные дули,

Внимательно слушает
Моря Киргизского сказ,
Идущий из самых глубин моего Иссык-Куля.

И видит он горы,
Взлетевшие в звездную высь,
Туман на вершинах,
Белесым клубящийся паром,
И осыпи склонов,
Где в солнечных бликах косых
По кручам ребристым
Непуганно бродят архары.

И тихой водой Иссык-Куля
Любуется он,
В которую стоит
Хотя бы на миг окунуться,
Как будешь тотчас же
От хвори любой исцелен,
Как дряблые мускулы
Юною силой нальются.

И чуть сожалеет о том он,
Что только сейчас
В безбрежности дни,
Что встает все сильнее разгораясь,
Впервые неожиданно
Открыл он для сердца и глаз
Певучие краски
Далекого горного края.

Шумит Иссык-Куль
Озорною веселой волной,
Расплескано солнце
В сверкающих брызгах багряных.
И радостно Ленину видеть,

Что счастье дано
В созвездьи республик
Земле моего Киргизстана.

Он счастлив, что видит
Большого труда торжество
И новую жизнь,
Что пришла на века в Ала-Тоо.
И внемля взволнованно
Думам крылатым его,
К родному народу
Свое обращаю я слово...

* * *

Крепок духом народ,
Что воротами в небо владест.
В дни суровых невзгод
За себя постоять он сумеет.
Мудрость предков храня,
Отметая хулу и наветы,
Он из тьмы и огня
Вышел к правде, свободе и свету.
Он душевен и прост,
Колыбель его — горы седые,
Что взметнули до звезд
В поднебесье хребты снеговые,
Чьи твердыни хранят
Неизбывную память о давнем
В вековых письменах,
Вбитых намертво временем в камни.
Солнца на небе нет,
Если тучами небо захмарит.
Ясен месяца свет,
Лишь когда полнолуние в разгаре.

Но над нашей землей —
И в пургу,
И в лихое ненастье
Льется щедрой рекой
Солнце равенства, братства и счастья.
И не гаснуть заре
Под снегами, дождями, ветрами,
Что взошла в Октябре
И сияет с тех пор над горами.
И народу идти
Под немеркнущим знаменем алым,
Одоляя в пути
Непреступную высь перевалов!

4

Разгорается день.
Вот и полдень совсем уже близок.
И высокие травы
Просохли от утренних рос.
Хмурит брови Ильич,
Вспоминая о прошлом киргизов,
О былых временах,
Полных горя, страданий и слез.

Ленин знает, что к прошлому
Нет и не будет возврата,
Но душа его все-таки
Тихой печалью полна.
И опять, и опять,
Набегая на берег покатый,
Безмятежна светла,
Иссык-Кульская плещет волна.
И уходит печаль,
Будто смытая напрочь волною,

И встает перед взором,
В полуденной дымке лучась,
Край мой отчий,
Киргизский,
Что жизнью своей и судьбою
Будет вечно обязан
Бессмертным делам Ильича.

Дорог сердцу вождя
Этот край,
Октябрем возрожденный,
С белой кипенью рек,
С гладью сонных, бездонных озер,
С дымной далью степною,
Живою водой напоенной,
С облаками над пиками
В небо взметнувшихся гор.

Разгорается день.
Белоснежные лебеди стаей
Проплывают, скрываясь
За легкой, певучей волной.
Ленин в море глядит.
И оно свой рассказ продолжает,
Неторопкий рассказ,
Не единожды слышанный мной...

ИССЫК-КУЛЬ

С тех пор, как средь гор
Расплескал я безбрежные воды,
Любуюсь, как солнце
Восходит в зенит небосвода.
Но радости суть
В полной мере сумел я познать

Под ленинским солнцем,
Под солнцем труда и свободы.

Когда светлоокое небо
Тонуло в ненастье,
Луч солнца увидеть
Считал я невиданным счастьем.
Но счастье впервые
Пришло на мои берега
Лишь с солнцем, рожденным
Родною Советскою властью.

Я верил, что только
Неистовый ветер колючий
Развеет туманы,
Разгонит холодные тучи.
Но мглу и туманы
Над страждущим краем моим
Навеки развеял
Октябрьский ветер могучий.

О, люди! Когда-то
Слышал я легенду такую,
Что храбрый Манас
Переплыть мою ширь ветровую
Хотел на коне,
Но осилить не смог, богатырь,
Летящую вихрем,
Крутую волну штормовую.

И пели акыны,
На тое гостей улаждая,
Былинного Тору-Айгыра
В веках прославляя,
О том будто плавал без страха
Гнедой жеребец

По водам моим,
Словно рыба,
От края до края.

Я щедро и цепко
Вбирал в себя многие годы
Сказанья, рожденные
Смелой мечтою народа.
А ныне я вижу,
Как в солнечной, светлой дали
Взмывают над волнами в небо
Дымы пароходов.

И счастлив я тем,
Что легенды, мечты и сказанья
В желанную явь
Воплотились в народных деяньях,
Что нету сегодня
На древней киргизской земле
Предела героизму,
Предела труду и дерзанию.

Дарю человеку я
Силу и молодость лета,
Моя красота
И в стихах и в поэмах воспета.
Едва наступает июнь,
Как на пляжи мои
Съезжаются люди
Со всей неоглядной планеты.

И лебеди водят
Извечную дружбу со мною,
И стаи гусей
Не обходят меня стороною,
И плещется рыба

В бесчисленных затоках моих,
Надежно укрытых
От холода, ветра и зноя.

И люди мне в радость,
И птицы залетные в радость,
Что в добром согласии
Здесь уживаются рядом,
Что после далеких
Земных и небесных дорог
Здесь отдых находят,
Находят покой и прохладу.

Опустится ночь —
И поблекнут воды переливы.
Луна недвижимо
Повиснет над спящим заливом.
Вглядись в темноту —
И увидишь,
Как к тихой воде
По кромке прибоя
Косуля крадется пугливо.

Всю ночь она будет
Лежать на песке затаенно
И слушать,
Как с берегом
Шепчутся волны бессонно.
И только когда на востоке
Забрезжит рассвет,
Уйдет она в горы
И скроется в чаще зеленой.

Бывает, что даже,
Живущий в извечной тревоге,
На берег ночной

Забредает архар быстроногий,
И чуть постояв
У мерцающей, теплой воды,
Умчится к вершинам,
Минуя жилье и дороги.

И помнится мне,
Как с хребтов поднебесных, бывало,
По тропкам скалистым
Спускались в низину маралы
И нежились, лежа
В горячем прибрежном песке,
Покуда их ночь
От охотничьих глаз укрывала.

Лишь гордый олень,
Опасаясь предательской пули,
С вершины Хан-Тенгри
Еще не сходил к Иссык-Кулю.
Крутыми рогами
Высокое небо пронзив,
Стоит он, как воин,
Владенья свои карауля.

Люблю я спокойствие
Летней задумчивой ночи,
Люблю, когда волны
У берега тихо рокочут,
И полог высокого неба,
Как дивный ковер,
Орнаментом звездным
По черному полю прострочен.

Когда в вышине
Над моею застывшею гладью
Рождается месяц

И плавает,
В глубь мою глядя.
И стайки форели,
Играя,
Искрятся в воде,
Как брызги искрятся
В сбегаящем с гор водопаде.

Я многое помню
И многое, многое знаю.
Как горные ветры,
Года надо мной пролетают.
Все горе, что в прошлом
Изведала эта земля,
Впитала в себя
Моя строгая память седая.

Я помню, как вздрогнув
Под огненным, грозным напором,
Качнулись однажды
Веками стоящие горы,
И девять десятков
Клокочущих,
Бешеных рек
Ревущим потоком
Обрушились разом на город.

Мешая песчаник
С клубящейся пылью и глиной,
В мгновение ока
Вода затопила долину.
И город,
Не ждавший, не ведавший страшной беды,
Навеки веков
Погрузился в морскую пучину.

Никто не сумел
От жестокой судьбы уклониться —

Ни мирные люди,
Ни вольные звери,
Ни птицы.
Да кто из живущих
Подумать когда-либо мог,
Что в озеро может
Мгновенно земля превратиться?

Вот так и возник я —
В кипении,
В грохоте,
В гуле.
Горячие ветры
Насквозь меня солнцем продули.
И я уж не помню
То давнее время, когда
За теплую воду
Меня нарекли Иссык-Кулем.

А город доселе
На дне моем дремлет безмолвно.
Но лишь заштормлю я —
И выбросят на берег волны
То камень, что жерновом
Людам когда-то служил,
То жженный кирпич,
Неразгаданных надписей полный.

О городе мертвом
Я думаю долгие годы:
Судьба его схожа
С тяжелой судьбою народа,
Который бы вымер,
Когда бы над краем моим
Не взмыло победно
Великое знамя свободы.

Колышутся в озере
Гор преломленные тени,
Светла и спокойна
Его безмятежная гладь.
И кажется, будто
Умолкло оно на мгновение,
Чтоб, с духом собравшись,
Рассказ свой продолжить опять.

Он горечи полон
И полон тоски и тревоги,
Как доля кедея,
Что жил в темноте и в нужде...
Короткими были
И длинными были дороги,
Но ступишь — и сразу
По горло увязнешь в беде.

И некому было
За люд трудовой заступиться,
И не было сил у земли,
Чтобы всех прокормить.
То горе,
Те слезы
Поныне не могут забыться.
И вряд ли когда-нибудь
Люди их смогут забыть.

Поныне б киргизы
Томились в лишениях и в муках,
Поныне косила бы
Жадная смерть бедняков...
Ты подал нам,
Ленин,

Надежды и помощи руку
И сбросил с нас тяжесть
Веками гремящих оков.

Ты стал нам отцом,
Справедливым и преданным другом,
Дал каждому волю,
Дал землю и воду сполна,
Одел и обул,
Чтобы лютая зимняя выюга
В морозные ночи
В горах нам была не страшна.

Ты, словно отец,
Заслонил нас от бед и напастей
И каждому на ноги
Встать, словно сыну, помог,
И каждому выбрал дорогу,
Ведущую к счастью,
Из тысяч плутающих
В мраке путей и дорог,

Ты солнце зажег над горами.
И яркие звезды
Заставил пылать
Над безбрежьем воды и земли,
Засеял поля
И наполнил прохладою воздух,
Чтоб люди повсюду
Дышать им свободно могли.

И веру такую
Сумел ты взрастить в человеке,
С которой в дороге
Любой перевал одолим.
Недаром тебе,

Наш отец и учитель,
Навеки
Мы все до едины
Обязаны счастьем своим.

Когда бы не ты,
Стали б мертвой пустынею горы,
Леса оскудели
И нивы сгорели б в огне,
И рухнуло б небо
В бездонную бездну,
Как город,
По воле судьбы
Погребенный на илстом дне.

Когда бы не ты,
Стал бы кладбищем край наш цветущий,
Растаяли льды
И потоками хлынули вниз,
И вряд ли, чтоб кто-то,
Из ныне на свете живущих,
Когда-либо слышал
Само даже слово — киргиз.

Взгляни, наш отец,
На весеннюю новь Ала-Тоо,
Порадуйся с нами
Завидной народной судьбе!
Покуда живу,
Буду снова,
И снова,
И снова
Твердить, что рождением
Народ мой обязан тебе!

Смотри, как раздольно
Царят в поднебесье вершины,
Как бродят, тучнея,
На пастбищах горных стада,
Как с круч снеговых
Устремляются реки в долины,
Как ввысь поднимают
Свои этажи города,

Как бывший кочевник
Склонился над книгою мудрой,
Как в сердце поэта
Певучая крепнет строка!..
Покуда дышу,
Буду славить земли моей утро
И вольный народ,
Что на этих живет берегах!

Я знаю, учитель,
Был путь твой и горек и труден,
Мужал ты в невзгодах,
Креп духом в суровой борьбе.
Всю силу души
Отдавая трудящимся людям,
Радея о них,
Ты не думал, Ильич, о себе.

Прошел ты сквозь вьюги,
Сквозь царские тюрьмы, но веру
В грядущее счастье
Сберег ты в пути до конца.
Великая жизнь твоя
Стала бессмертным примером,
Зовущим примером
Провидца, борца и творца.

Ты — русский,
Ты — волжский.
Но как бесконечно ты близок,
Рожденный и живший
От гор Ала-Тоо вдали,
Не только тобою спасенным
От смерти киргизам —
Ты дорог и близок
Сегодня всем людям Земли,

Всем тем,
Кто считает себя сыновьями твоими,
Всем тем,
Кто в дела воплощает заветы твои,
Кто подняв, как знамя,
Твое незакатное имя,
Идет с ним бесстрашно
Сквозь грозы, метели, бои!

6

Ильич с постамента
На озеро смотрит спокойно,
Задумчив и тих
Устремленный в грядущее взор.
Он видит, как тучи
Рождаются в мареве знойном,
Туманами кутая
Пики заоблачных гор.

Уже над волнами
Скользят их мохнатые тени,
Гонимые шквалом,
Сорвавшимся с дымной гряды.
И радуется Ленина

Крепкого шторма рождение,
Предчувствие схватки
Взбешенных ветров и воды.

Он рад этой яростной,
Вздыбленной силе нещадной,
Готовой в мгновенье
Волной захлестнуть берега.
Пусть море бушует,
Чтоб было вовек неповадно
На землю киргизскую
Зариться нашим врагам!

Пусть видят они,
Как лютует над озером ветер,
Как в пламени бури
Вода превращается в пар.
Пусть знают они,
Что народ мой сумеет ответить
Всеправым ударом
На вражеский подлый удар!

Ревет Иссык-Куль.
Бьет тяжелой волною о берег,
Неистовым гневом
Наполнив себя до краев.
Сшибаются ветры над морем.
И Ленин уверен
В народе, умеющем
Драться за счастье свое.

Но вот стихает над волнами ветер,
И летний день опять широк и светел,

И радуга взмывает в небосвод,
Лучась веселым, ярким разноцветьем.

И в небе нет ни облачка, ни тени,
И снова голос моря слышит Ленин,
Внимая слову каждому его
С отеческим вниманьем и волненьем.

ИССЫК-КУЛЬ

Полвека, как под солнцем новой власти
Обрел народ киргизский мир и счастье.
Полвека, как невзгоды и беда
Над горным краем небосвод не застыт.

Здесь люди дружбой ленинской богаты,
Здесь каждый грудью встанет брат за брата,
Здесь в честном сердце каждый человек
Несет сквозь жизнь твои заветы свято.

Здесь каждый счастлив преклонить колени
Перед твоим величием, мудрый Ленин,
И поклониться матери твоей,
Тебя родившей в светлый день весенний.

Здесь каждый благодарен бесконечно
Твоей России, щедрой и сердечной,
Ее народу, ставшему в борьбе
Киргизам братом, преданным навечно.

И мой народ клянется жизнью, Ленин,
Что никогда России не изменит,
Что верность ей сквозь годы пронесет
И передаст грядущим поколениям!

И Ленин в ответ говорит Иссык-Кулю: — Я знаю:
 Покуда народы единством и дружбой сильны,
 Расти год от года советскому вольному краю,
 И солнцу не гаснуть в безоблачном небе страны.

Пусть будут великой Октябрьской эпохи достойны,
 Пусть счастливы будут твои, Иссык-Куль, сыновья!
 Пусть внуки и правнуки спят в колыбелях спокойно!
 Пусть радости люди в душе от друзей не таят!

Ильич говорил. И Киргизское море шумело,
 Искрящейся рябью вскипая в бескрайней дали.
 И не было шири его ни конца, ни предела,
 И не было в мире раздольней и краше земли.

И горы стояли, просторы долин карауля,
 И лед на вершинах, мерцая, блестел, как слеза.
 И солнце купалось в прозрачной воде Иссык-Куля.
 И Ленин в улыбке по-доброму щурил глаза.

ЗУУРАКАН

*Дважды Герою Социалистического
 Труда Зууракан Кайназаровой посвя-
 щается.*

1

Луной зовется потому луна,
 Что равных ей во всей вселенной нету,
 Что прочие небесные планеты
 Затмила красотой своей она.

И солнце во вселенной лишь одно.
И солнцем потому его назвали,
Что имя краше этого едва ли
Найти для солнца было суждено.

И яркую звезду, что испокон
Перед зарею всходит в поднебесье,
Назвали светлым именем Чолпон,
Певучим и пленительным, как песня.

И сколь, Зууракан, клянусь душой,
Я не искал тебе другое имя,
Но имени прекрасней не нашел,
Чем то, что так легко и хорошо
Родителями найдено твоими.

Тебе и посвящаю свой рассказ —
Трудолюбивой женщине-киргизке,
Которую я знаю очень близко,
С которою встречался много раз.

Я ел твой хлеб,
Пил сладкий твой каймак
И жизнь твою мечтал воспеть в поэме.
Но сколько ни пытался,
Все никак
Не мог вплотную подступиться к теме.

Все слов не находил, чтоб в них, эже,*
Восславить труд упорный и горячий.
И вот я на заветном рубеже...
К столу склоняюсь с трепетом в душе...
Пусть же мне судьба пошлет удачу!

* Эже — старшая сестра.

Преодолев нагорья и вершины,
 Умудрена годами и седа,
 Овеяна величием труда,
 Взнеслась она над Золотой долиной.

Взнеслась, взойдя на строгий пьедестал
 Из красного тянь-шаньского гранита,
 Светла душою, для людей открытой,
 Лучистою и чистой, как кристалл.

В тяжелом камне запечатлена
 Лицом, жарой и стужей опаленным,
 В столичном нашем городе она
 Прописана на улице зеленой,

На улице, что стала на века
 Живой и гордой памятью народа,
 Где, разметав по небу облака,
 Пронесся с Красным знаменем в руках
 Октябрьский ветер счастья и свободы.

Тот ветер и вознес мою эже
 на пьедестал бессмертия и славы.
 Средь тополей,
 Средь белых этажей
 Стоит она, взойдя сюда по праву.

Стоит, сомкнув тяжелые уста,
 Слегка прикрыв морщинистые веки.
 И никакая в мире высота
 Уже не встанет вровень с ней вовеки.

И кажется: не на земле она,
 А на скале, что над землей довлеет.

И меркнет по сравненью с ней луна,
И яркая Чолпон пред ней бледнеет.

И я, наполнив сердце до краев
Невыплеснутой песнею своею,
Как юноша, смущаюсь и робею
Пред славой незакатною ее.

Дела эже известны всей стране —
Так надо ль пересказывать их снова?
Но крепнет вдохновенье в тишине
И шепчет все настойчивее мне,
Чтобы свое сказал о ней я слово.

3

Да, строг и скромен камень пьедестала,
Безмолвен, неподвижен, как скала.
А ведь эже давно легендой стала,
Живою былью в каждый дом вошла.

О ней поют и говорят в народе,
С которым жизнью связана она.
И к солнцу ясноликому восходит
Дорога, что была ей суждена.

И есть ли кто другой в Киргизском крае,
Чтоб не посмертно,
А при жизни он,
Пример труда и подвига являя,
Был в благородном камне воплощен?

Случалось, что в стремленье возгордиться
Иной манап или спесивый бай
Готов был подчистую разориться,

Чтоб только возвести себе гробницу —
Раскрашенный единоличный рай.

Мечтал глупец, надменный и беспечный,
Что сможет этот пышный мавзолей
Весь байский род его увековечить
Помпезностью и роскошью своей.

Но время разрушало постепенно
Кирпич и глину, известь и песок —
И оседали расписные стены,
Не выстояв назначенный им срок.

Да и могли ль создать манапам славу
Те памятники, что во мгле веков
Замешивались на слезах кровавых,
На муках и страданиях бедняков.

* * *

Читатель, я хочу тебе, как другу,
Пересказать историю одну...
Манап, держащий в страхе всю округу,
Задумал испытать свою жену.

Набив съестным бездонную утробу,
Хмельной бузы напившись допьяна,
Велел злодей, чтоб над его особой
Посмертный плач произнесла жена.

Она, как в том преданье говорится,
На комузе играла и была
По похоронным плачам мастерица,
Стихи и песни сочинять могла.

Но злой манап не ставил в грош молодку,
Как дикий зверь, он на нее рычал,
Бранил и проклинал,
И даже плеткой
Частенько в назиданье поучал.

Так вот взялась супруга плачем скорбным,
Страшась беды, оплакивать жена:
Непобедимым, всемогущим, гордым
На все лады звала его она.

И хоть ничем не упрекнула мужа
В том, что он зол, коварен и жесток,
Манап чутьем собачьим обнаружил
Запрятанный в ее словах намек.

Он кровью налился и что есть силы
Ударил плетью женщину — и та
От страшной боли в крик заголосила
И пала на ковер, сомкнув уста.

И лишь потом,
С трудом придя в сознание,
Вдруг поняла,
Бродя в туманной мгле,
Какую память, ближним в назиданье,
Злодеи оставляют на земле.

Нет чести у тиранов и сатрапов,
Как ни была б их сила велика.
Ни суждено ни баям, ни манапам
Войти в людскую память на века.

Они не заслужили честь и право
Встать в камне у народа на виду.
Тем величавей и бессмертней слава
Зууракан, о коей речь веду.

4

Доблесть трудовая с ратной вровень
Вписана историей в гранит.
Памятник, венчающий героев,
В честь простой кетменщицы отлит,

В честь простой колхозницы — и в этом
Нашей жизни, нашей правды суть,
Нашей нови зримые приметы...
Встань, читатель, рядом, чтоб с поэтом
В глубь минувших дней проделать путь.

Только уж суди не очень строго
Ты меня, обиду затая,
Коль, присев пред дальнею дорогой,
Кой о чем поразмышляю я...

Ведь на скальной пустоши суровой
Роднику вовеки не звенеть,
И не стать душевной песней слову,
Если слово сердцем не согреть.

И коль жернова зерно не мелют,
То о хлебе нечего мечтать.
Есть свои секреты в каждом деле,
И лишь тот в пути достигнет цели,
Кто сумеет в срок их разгадать.

Ночь по небу звезды расплескала,
Душной мглой на горы лег туман...
Вновь сегодня рук не покладала
До зари моя Зууракан.

Маялась заботою бессонной
За звено свое,
За весь колхоз:
С дальнего овечьего загона
Вывозила на поле навоз.

Не жалела времени и силы,
Отдыха не ведая и сна,
И поила землю, и кормила,
Словно мать свое дитя, она.

Лодыри шушукались ехидно:
— Если дело дальше так пойдет,
И помет куриный, очевидно,
В поле со двора она свезет...

— Больше всех ей денег нужно что ли?
— Да неужто, чтоб разбогатеть,
Надо непременно до мозолей
Кетменем ладони натереть?

— Может, кто прошиб ей камнем темя:
То и дело мелет всякий вздор...
— Демченко какую-то все время
Ставит всем и каждому в укор.

— И на вид-то баба без понятия.
— Без понятия? Почему же вдруг

За нее — горою председатель,
А ведь он не сват ей и не друг?

— А спешит-то, словно в шею гонят,
Словно дел других у бабы нет.

— Говорят, что будто и в районе
У нее большой авторитет.

— Это ж надо — рвет себя на части,
Прет, не уставая, напролом.

— Допусти такую только к власти,
Всех вокруг раздавит сапогом.

Слово к слову — и уже нередко
(Им ли знать, где правда, где обман),
Обходили стороной соседки
Славную мою Зууракан.

А она? Она не унывала,
Не страшилась сплетен и невзгод,
Ночевала в поле и дневала,
Кетменем без усталы махала,
Спекшиеся комья разбивала —
Понимала, что весна не ждет.

И шагала рядом с трактористом,
И во все глаза глядела, чтоб
Лемехом тяжелым, серебристым
По макушке землю он не скреб,

Чтобы пашню боронил ровнее,
Не боясь для пользы попотеть.
Знала: будут закрома полнее,
Коль любовью поле обогреть.

Тот бурчал, степную сушь ругая,
Но работал так, что лился пот,

Потому как видел: звеньевая,
Если что, в дугу его согнет.

И невольно восхищался ею,
И глазами озорно косил,
И пахал поглубже, и ровнее
Вспаханное поле боронил.

Подходили женщины — и тоже
Любовались делом рук эже.
И она, как мать за них тревожась,
В круг садилась с ними на меже

И внушала им с горячим пылом:
— Поимейте, бабоньки, в виду:
Не в кокетстве нынче наша сила,
А в руках, что тянутся к труду.

Коли хочешь дней не ведать горьких,
Позабудь, что есть на свете лень,
Приучи себя вставать на зорьке,
Крепче научись держать кетмень.

И джигит сегодня смотрит тоже,
Чтобы побойчей была жена.
А лентяйка, будь ты и пригожа,
Парню и задаром не нужна.

Труд, он девку красит и к тому же
Повышает роль ее в цене...
Будешь зарабатывать — и с мужем
Сразу встанешь в доме наравне.

И везде тебе найдется место
В меру дарования и сил.
Ну, а лежебоку, как известно,

В наши дни хорошею невестой
Ни за что не назовет аил.

И смеялась весело. И с нею
Женщины смеялись. И уже
День за днем дружней и веселее
Шли дела на поле у эже.

И дивясь уму ее и силе,
И рукам, что были так крепки,
Остряки, и те поприкусили
Злые на издевку языки.

5

Задумаюсь — и перед взором ярко
Из вереницы давних лет встает
Безводный год,
Засушливый и жаркий,
Грозящий недородом
Черный год.

Коростою,
Колючкою унылой
Стремилась свеклу задушить жара,
И от зари до ночи
Знойным пылом
Дышали озверевшие ветра.

И не хватало влаги.
И казалось,
Вовеки не утихнет сухостей.
И страшная,
Смертельная усталость
Валила с ног измученных людей.

Лишь по ночам немного легче было,
Когда всходил луны багровый круг...
Едва смеркалось,
В поле выводила
Зууракан-эже своих подруг.

Был смел и прост ее расчет, но точен:
Коль днем земля,
Как печь раскалена,
Попробовать вести поливы ночью,
Не оставляя времени для сна.

«Остывший грунт быстрее впитает влагу,
Ни капельки воды не пропадет...» —
Внушала всем эже — и шаг за шагом
Вела на бой за урожай народ.

И люди в сердце обретали веру,
Поскольку был в словах ее резон.
И, следуя во всем ее примеру,
Вел по ночам поливы весь район.

Да, эжеке отменно знала дело
И понимала толк в любом труде,
И, не щадя себя, всегда умела
Поднять и повести вперед людей.

И люди шли за нею без оглядки,
Куда она ни позвала бы их,
И отдавали делу без остатка
Весь жар души,
Всю силу рук своих.

И виделась она всему народу
Могучей великаншей с кетменем,
Дарующей живительную воду
Земле, сожженной ветром и огнем.

В тот год, когда войной всклубились грозы,
И небо гарью затянул туман,
В аиле председателем колхоза
Избрал народ мою Зууракан.

Мудреной не обучена науке,
Но сердцем понимая жизни суть,
Взяла она надежно повод в руки,
Не дав себе и дня передохнуть.

В труде, лишь в нем была ее опора
Да в людях,
Не бегущих от забот.
Да и сама она была укором
Любителям пожить за чей-то счет.

Она насквозь их видела,
И знала
Зменное нутро их наяву,
И не страшась,
Нещадно вырывала
Им зубы, словно сорную траву.

И так прижала их,
Что те боялись
Порою слово громкое сказать,
Забились в лисьи норы
И старались
Ей реже попадаться на глаза.

И вроде больше света и простора
В родном аиле стало с этих пор.
И шло хозяйство помаленьку в гору,
Невзгодам и войне наперекор.

Работали всем миром,
Всем народом,
Трудились от зари и до зари:
По трубам подвели к айлу воду,
Садами засадили пустыри.

И хоть достаток был пока что скуден,
И жизнь трудна,
И невелик доход,
Теперь уже не надо было людям
Растапливать в котлах зимою лед.

И радовали айльчанам души,
И придавали стойкости и сил
Молоденькие яблоньки и груши,
Дугою окаймившие аил.

Зууракан повсюду попевала,
Не ведала ни отдыха, ни сна.
В шальной буран
На Сусамыр бывало,
Наведывалась к чабанам она.

Не раз ее встречал пургою жгучей
Туя-Ашу — ледовый перевал.
И снежный ветер,
Хлесткий и колючий,
Ее морозной стужей продувал.

Не раз через заносы и сугробы
Тропу ей приходилось пробивать,
Видать и впрямь,
Наипервейшей пробы
Была ее недюжинная статья.

Детишки к ней навстречу выбегали
С веселым криком: — Наша энеке!

Джигиты крепко руку пожимали,
Справлялись:— Как здоровье, эжеке?

И стар, и млад тянулись к ней душою,
Дарили уважением сполна,
Поскольку знали:
Ношею двойною
Легла в тот год на плечи ей война.

Ведь понимали:
Трудно быть в ответе
За весь колхоз и в мирные года,
А тут еще такое лихолетье,
Такая всенародная беда!

Зууракан ничем не выделялась,
Хоть не было числа ее делам, —
Как все, неприхотливо одевалась
И ела хлеб с мякиной пополам,

И поровну с сельчанами делила
И тяжкий труд,
И горькое житье.
Лишь может только твердости и силы
Чуть больше было в сердце у нее.

Но были и такие, к сожаленью,
Кому отнюдь пришились не по душе
Настойчивость, упорство и горенье
Неистойвой Зууракан-эже.

Боясь схлестнуться с нею в честной схватке,
Сходилось тайно по ночам жулье
И за пятью запорами,
Украдкой
Строчило анонимки на нее

В чем только эжеке не обвиняли:
В бездушии, в приписках, в кумовстве
И в том, что будто б за руку поймали
Колхозники ее на воровстве;

Что ей добра артельного не жалко,
Что, дескать, для себя лишь и живет,
Что у нее в хозяйстве из-под палки,
Как каторжный, работает народ;

Что с нашим не в ладу она законом,
С моралью большевистской не в ладу...
И наезжали люди из района
С проверкою помногу раз в году,

Из области,
Из центра наезжали
То — группами,
А то — по одному,
И в глубь, и вширь аил перекопали,
Пытаясь разобраться, что к чему,

Расспрашивали каждого дотошно:
Доярок, свекловичниц, сторожей,
Издергав нервотрепкой суматошной
И весь колхоз,
И башкарму-эже.

Но с кем бы речь о ней не заходила,
Был на устах у всех один ответ:
Зууракан — пример всему аилу,
Честней в колхозе человека нет!

Кетменщицы, поливщицы без зова
С приезжими людьми искали встреч,
Чтоб за эже свое замолвить слово,
Чтоб защитить ее и уберечь.

И чувствуя, как неразрывны корни,
Что связывают с нею аильчан,
День ото дня
Настойчивей,
Упорней
Работала в тот год Зууракан.

7

Но анонимки, как и прежде, шли:
В райком текли,
И в область,
И в столицу,
И жалили,
И сердце болью жгли...
Казалось, что во все концы земли
Они уже успели просочиться.

Казалось,
Из какой-то черной мглы
Потоком нескончаемым и длинным
Ложилась на служебные столы
Наполненная ядом писанина,

Ложилась, растекаясь широко
Рекой, в которой можно захлебнуться.
И было людям, ох, как нелегко
От писанины этой отмахнуться.

Задумался партийный секретарь,
К окошку подошел неторопливо.
На гребнях гор,
Клубя ночную хмарь,
Рассвет дымился маревом дождливым.

И свежий ветер гнал издалека
Дорогою неведомой, не близкой
Курящиеся дымом облака
И над седой долиной стлал их низко.

И частый дождь стучал в стекло окна
И сердце изболевшее тревожил...
Была отсюда далеко война,
Но в ту годину тыл был фронтом тоже.

Здесь тоже было бед неупротив,
Таких, что горечь в горле стыла комом...

* * *

...Вставал рассвет.
Зеленый вездеход
Мчал по проселку к зданию райкома.

Мчал, как шальной расбрасывая грязь, —
Видать, была спешить ему причина...
В кабине, локтем к дверке прислонясь,
Сидел, насупясь, пожилой мужчина.

Его здесь ждали, судя по всему,
Да и к тому же был он рангом выше...
Недаром же, наверное, к нему
Сам первый секретарь навстречу вышел

И, дверцу резким распахнув рывком,
Сел, молча, рядом с прибывшим в кабину.
И вновь, взревев натруженным движком,
Сквозь дождь и ветер понеслась машина.

Ты, видно, догадался без труда,
Читатель мой, что вовсе не случайно

Приехал в непогожий день сюда
Из города такой большой начальник.

И все же, чтоб пролить на дело свет,
Скажу: он прибыл лично убедиться,
Насколько достоверен злой навет,
Отправленный на башкарму в столицу.

Был у него в запасе хитрый план,
До мелочей продуманный, казалось,
Как к стенке припереть Зууракан,
Чтоб попусту не наводя туман,
Во всех грехах ему она созналась.

И хоть устал в пути он и продрог,
Об отдыхе не помышляя скором,
Чтоб башкарму-эже застать врасплох,
Все торопил и торопил шофера.

А дождь крепчал.
Холодный,
Проливной,
Хлестал и бил он по стеклу кабины.
Затопленная ливневой водой,
Дорога к шинам липла вскисшей глиной.

Ползла машина на пределе сил,
Скользила и плыла, как по болоту.
Но вот он наконец-то и аил...
И дом эже — за первым поворотом.

Приезжий вскинул ногу на порог...
«Чего ж это хозяйка нас не встретит?..»
Нажал на дверь легонько...
Но замок
На ней он с удивлением заметил.

«Да тут, как видно, нету ни души, —
Подумал гость и приказал шоферу: —
Ты погоди, браток, мотор глушить —
Давай-ка съездим заодно в контору!»

Но и в конторе тишь и пустота...
— Вот черт! — ругнулся гость. — Как все некстати...
Как видно, пишут люди неспроста,
Что лежебока здешний председатель.

А коли так, то думать о земле
Ей времени, конечно, не хватает.
Небось, сидит сейчас себе в тепле
И водку жирным мясом заедает.

Махнуть бы в поле,
Но в такую хмарь
В какой-нибудь арык заскочишь сдуру...
— А ну, взгляните, — молвил секретарь, —
Там, вдалеке, какая-то фигура...

Сдается мне: то — башкарма-эже,
Ей все одно — что зной, что непогода...
Берите-ка ваш плащ — тут по меже
Всего-то полчаса и будет ходу.

И, взяв плащи,
Пошли они вдвоем,
Как два сына, насупив брови хмуро,
За край села,
Где в поле под дождем
Угадывалась женская фигура.

Как быстро за работой время мчится,
Еще чуток — и разгорится день.

Уже усталость ломит поясницу,
Уже в руках потяжелел кетмень.

Нет, башкарму-эже не мучит совесть,
Ей незачем таиться от людей.
Она стоит, раздетая по пояс,
По щиколотки утонув в воде.

Вода... Вода...
Все пропиталось ею.
Будь славен день, пролившийся дождем!
Вода струится по открытой шее,
На грудь сбегает мутным серебром

И в борозды направлена умело,
Течет и растекается вдали,
Вдыхая жизнь в истерзанное тело
Измученной и страждущей земли.

Вода... Вода...
Какое это счастье!
Течет вода — и всходы зеленей.
Пусть плотнее тучи небо застыт!
Пусть хлещет ливень гуще и сильнее!

И ливень не кончается,
Крепчает.
И ветер с каждым мигом все свежей.
Течет вода — и на сердце легчает
У неумной башкармы-эже.

И кажется, была ее бы воля,
Она бы даже и на склоне лет
Не променяла ширь родного поля
На душный и унылый кабинет.

И эту землю,
Пахнущую хлебом,
Вовеки б не оставила она,
И эти горы снежные,
И небо,
С которыми всей жизнью сроднена.

И вспомнилось ей русское селенье
В долине Чуйской у подножья гор,
Где выросла и обрела уменье
Вести с землей душевный разговор,

Где у людей, открытых и пытливых,
С мечтой о счастье прибывших сюда,
Немало лет училась терпеливо
Премудростям крестьянского труда.

Тех дней далеких нет уже в помине,
И не вернуть тех незабвенных лет,
Но не зарос в душе ее поныне
Оставленный навечно ими след.

Нет, неспроста говаривали деды,
Что мать-земля трудом людей красна.
Того, кто ей душой и сердцем предан,
Не поскупясь, вознаградит она.

Да счастлив пахарь, что с работой дружен,
Чья преданность родной земле крепка.
Задумалась эже...
Но голос мужа
Услышала она издалека.

— Надень-ка плащ и поспешай к аилу!—
Кричал ей Семетей. — Быстрей, жена!
Какое-то начальство прикатило...
Не иначе, как ты ему нужна.

«Ну вот, сейчас бы ни к чему такое...» —
Зууракан вздохнула.

А вдали
Из пелены дождя возникли двое
И по полю навстречу ей пошли.

«Видать, и впрямь начальство...
Это ж надо!
Какие нынче тут у них дела?
Того гляди, посыплет с неба градом...»
Но отогнав невольную досаду,
К приезжим, не спеша, она пошла.

А дождь хлестал все яростней и пуще,
Сек по лицу,
Упругий,
Молодой.
И ноги утопали в жидкой гуще,
В осклизлой глине,
Смешанной с водой.

Шла башкарма, и сердце гулко билось,
И все нутро горело, как в огне.
И думалось ей: «В чем я провинилась,
Что даже в поле нет покоя мне?

Неужто тем, что за людей мне больно,
Что за родной колхоз болит душа?
Да, своенравна я и своевольна,
Но ведь чужого не возьму гроша.

А может, в том вина моя, что маюсь,
Что на пьянчуг не затихает злость?
Так ведь опять — не для себя стараюсь,
А для людей, чтоб легче им жилось.

А надо ли нести мне эту пошу --
Ведь башкарме трудней других вдвойне...
Но на кого же я хозяйство брошу,
Односельчан, что свято верят мне?»

Так думала она, не замечая,
Что плачет,
Что лицо ее в слезах...
Приезжий, удивленья не скрывая,
На башкарму глядел во все глаза

И клял себя, что вольно иль невольно
Затеял он всю эту кутерьму,
И сердцу было нестерпимо больно
За женщицу, что шла сейчас к нему.

Ведь если писанине злобной верить,
Должна б в такую непогоду она
В укромном месте,
За закрытой дверью
День коротать за рюмкою вина

Иль, сидя беззаботно в кабинете,
Глядеть в окно и равнодушно ждать,
Когда на небе солнышко засветит,
Чтоб сапоги в грязи не замарать.

Ну, кто б другой
Вот так по доброй воле
В такую стынь
Под проливным дождем,
За урожай радея,
Вышел в поле
С тяжелым, как мотыга, кетменем?

Кто б, как она,
Меся ногами глину,
Сил не жалел,
Упряма и терпелив,
Чтобы не дать воде уйти в низину,
А всю ее направить на полив?

Кто б попрекнул ее,
Когда бы дома
В кругу семьи сейчас она была?
— Что ж,— улыбнулся секретарь райкома, —
Придется, видно, свертывать дела...

И помрачнел:— Да разве это люди,
Что на поклепы расточают пыл?
Жаль, очень жаль, что их у нас не судят,
Была моя бы воля — я б судил!

Ведь надо же, ловчили, воровали,
Отсиживались в стороне хитро,
А как накрыли их да поприжали,
Так тотчас же схватились за перо.

И все у них в ходу — навет, угроза...
И сроду ведь ворюгам не понять,
Что жизни не жалеет для колхоза
Зууракана, как для ребенка мать,

Что ноет сердце у нее от боли
И кровью обливается порой
За это, в муках вспаханное поле,
Сожженное ветрами и жарой.

— Да, тут, конечно, можно ставить точку.—
Нахмурился приезжий.— Экий вздор...

Ведь в этой анонимке — что ни строчка —
Сплошь клевета и подлый оговор.

Весь этот бред вниманья не достоин,
Хоть от него и горько на душе.
Зато теперь могу я быть спокоен
За честь почтенной башкармы-эже.

Вон как она продрогла и промокла —
Тут впору бы в постель скорее лечь.
А у нее одна забота — свеклу
От засухи надежней уберечь.

И пусть мое сужденье слишком смело,
Но на таких трудягах, как она,
На их безмерной преданности делу,
На правде их и держится страна.

Пример таких людей подобен флагу,
Сердца их светят, словно маяки...
Приезжий улыбнулся: — А бумагу
Мы разорвем на мелкие клочки.

Какую б ложь не приняла личину,
А правда голос свой возвысит в срок...
И порванную в клочья писанину
Он бросил в мутный, бешеный поток.

И наблюдал, сдержатъ усмешку сисясь,
Как, смешиваясь с грязью и кружа,
Стремительной водою уносились
Ложь, клевета, напраслина и ржа.

И тотчас мир вокруг преобразился:
Утихнул дождь,
И из-за черных туч

Торжественно и радостно пробился
Сверкающего солнца первый луч.

И гром умолк за перевалом где-то,
И синью заблестали небеса...
Шла по полю Зууракан — и светом
Тепло лучились женские глаза.

8

Не золотом, намытым из песка,
Не из глубин добытым самоцветом, —
Трудом, любовью к родине согретом,
Был славен человек во все века.

В труде, лишь в нем, —
И слава, и успех,
В упорстве каждодневном
И в дерзанье.
За годом год эже всходила вверх
К вершине всенародного признанья.

Подобна нравом Сокулук-реке,
Как Джамалыш-гора, неодолима,
Прославилась трудом неутомимым,
Завоевала славу эжеке.

По тыще с лишним центнеров корней!..
Ее рекорд не превзойден и ныне.
Сам всесоюзный староста Калинин
Вручил за это первый орден ей.

Он сам повесил ей его на грудь,
Тот первый орден Ленина,
Которым,

Как солнцем, озарившим наши горы,
Был озарен ее победный путь.

С тех пор немало утекло воды,
Дела ее для всех примером стали,
Две трудовых,
Две золотых звезды
Огнем неугасимым заблистали.

И хоть и встарь
Трудом своих крестьян
Была известна Чуйская долина,
К неведомым досель еще вершинам
Взнесла ее моя Зууракан.

9

В граните выбит лик ее живой —
Не многим честь такая выпадала.
Давай, читатель, не спеша, с тобой
В раздумье постоим у пьедестала.

Эже — святая совесть наших дней,
И думается мне: не каждый вправе
Пожать, как другу, крепко руку ей,
К ее высокой причаститься славе.

Коль к ней идешь,
Задай себе вопрос:
Всегда ли до конца ты верен долгу,
Какую ношу на плечах ты нес,
Какой дорогой шел по жизни долгой?

Зууракан — всему народу мать —
И это, друг, поверь: не просто слово.

Коль хочешь ей земной поклон отдать,
Очисти душу от всего плохого.

И против правды сердцем не греши,
Иначе накопль лжи с себя не смоешь.
Зууракан-эже сама решит,
Кто ты таков и что ты в жизни стоишь.

10

Читатель мой, поэма — не роман,
В ней все объять, наверно, невозможно.
Вот почему всю жизнь Зууракан
Я не стремился описать дотошно.

Я выхватил отдельные куски
Из этой жизни... И доволен тем я,
Что, старости и хвори вопреки,
Я первым прикоснулся к этой теме.

Моя поэма — это лишь зачин
Той песни, что пока еще не спета.
Придет пора — и скромный мой почин
Подхватят возмужавшие поэты

И в новых звонких песнях воспоют
Прекрасной жизни каждое мгновенье.
Судьба, благослави их гордый труд
И одари их щедрым вдохновеньем!

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГУ ИССЫК-КУЛЯ

*Мы с тобой из одной долины,
Где бьют прозрачные родники,
Водою которых я мыл лицо...
Из песни.*

I

Повеял ветерок с отрогов гор,
На гладь воды дохнул прохладой леса —
И Иссык-Куля голубой простор
Очистился от облаков белесых.

И стала ширь озерная светлей,
И зримей даль. И издали казалось,
Что не вода, а небо по земле
В объятьях Ала-Тоо расплескалось.

Все негою дышало в этот час,
Тонуло в тишине густой и вязкой...
И странно было видеть здесь сейчас
Молоденькую женщину с коляской.

Какою-то бедой омрачена,
Снедаема тревогой и заботой,
Одетая в пальто из коверкота.
С холма спускалась к озеру она.

Шла торною, исхоженной тропой,
Что к берегу сбегала от аила,
И впереди себя одной рукой
Коляску дребезжащую катила.

В коляске спал ребенок — и во сне
Посапывал под теплым одеялом...

А небо в синем плавилось огне,
И синим светом озеро пылало.

И белые вершины снежных гор
Тянулись, как верблюжьи караваны...
Но был печален материнский взор,
И стыло сердце женщины от раны,

И слезы по лицу ее текли,
И бледность из-под кожи проступала.
Казалось, красота родной земли
Ее сейчас ничуть не волновала.

Лишь только то,
Что было до сих пор,
Нашептывала память ей упорно...
Она девчонкой здесь,
На склонах гор,
Смородиною лакомила черной.

А там, в ущелье темном и глухом,
Что начиналось за лесным увалом,
Еще вчера с подружкой вдвоем
Зеленые кислички собирала.

А здесь, где иссык-кульская волна
За годом год песчаный берег гложет,
Она бродила с парнем дотемна,
С тем парнем, что ей сердце растревожил.

Он перед взором до сих пор стоит —
Высокий, смуглый и широкоплечий.
Застенчив был, как девушка, джигит,
Краснел и опускал глаза при встрече.

Они друг друга знали с детских лет
И с юных лет друг друга полюбили.

Бывало, вместе в горы уходили,
Едва вставал над озером рассвет.

Он ягоды ей рвал и собирал
Кислички для нее, и шаловливо
Веселых птиц на тальнике пугал,
Чтобы услышать смех ее счастливый.

И жизнью был пожертвовать готов,
Чтоб слезы взгляд ее не омрачали.
По жестам,
По движенью губ,
Без слов
Влюбленные друг друга понимали.

Казалось им, что будет так всегда.
Но разве юность солнечная знает,
Когда и где неожиданная беда
Неопытность сердец подстерегает?

И ведает она ль, где суждено
Негаданно во тьме сойти с дороги?
У женщины от слез в глазах темно,
Душа полна печали и тревоги.

Неужто ей страдать теперь весь век?
Неужто ей всю жизнь не знать покоя?
Ушел, непростившись, Джолдошбек,
Не оглянувшись,
Не махнув рукою.

О, как ей стыдно!
Как обидно ей!
И совесть сердце жжет немим укором.
Ну, как ей жить одной среди людей
С такой бедою и с таким позором?

О, сколько раз Шекер себя кляла,
Порой убить себя была готова
За то, что честь свою не сберегла,
Что, оступившись, не сдержала слова.

«О боже! — шепчет женщина.
И вновь
Клянет себя. —
О, как я виновата!
Как тяжела,
Как непосильна плата
За преданную первую любовь!

И как я ошибиться так могла?
Как на дороге яму проглядела?
Сама дитя, ребенка родила
И траур по самой себе надела...»

Да, видно впрямь, она в большом долгу
Пред Джолдошбеком,
Пред самой собою...
И вот стоит в слезах на берегу
У самой кромки тихого прибоя.

И в землю устремив потухший взгляд,
По той, знакомой с детства тропке тряской
Идет, не торопясь, она назад.
Толкая дребезжащую коляску.

* * *

А в этот самый ранний, светлый час,
В час, о котором я веду рассказ,
На холм прибрежный путники всходили —
Я с ними познакомлю вас сейчас.

Один был юн, другой постарше был
И ак-калпак на голове носил.
И хоть шагал, как гусь он, вперевалку,
Но был молодцеват и полон сил.

И смуглолиц он был и черноус,
И нес легко большого тела груз.
Достоинство, спокойствие и мудрость
В нем обрели согласие и союз.

Другой был с серой шляпою в руке,
В красивом, ладно сшитом пиджаке.
Не трудно догадаться, что давненько
Он не бывал в родимом кыштаке.

И хоть держался бодро он пока,
Расстроен чем-то был наверняка.
В глазах его спокойных и пытливых
Угадывалась скрытая тоска.

Джакием звали старшего... А тот
(Скажу о нем, чуть забежав вперед)
Был Джолдошбеком, — тем джигитом славным,
О ком Шекер так горько слезы льет.

На холм поспешно поднялись они,
И тут сказал Джакий: — Ты извини,
Что вспоминать тебя я заставляю
Те давние, безрадостные дни...

Не тягой к перемене мест влеком,
Ты, Джолдошбек, покинул отчий дом.
Еще вчера ты был совсем мальчишкой,
А нынче, — это ж надо, — агроном!

И помнится: грустить ты не любил,
Хоть был ты скромн и застенчив был.

Чего ж теперь вздыхаешь и томишься —
Иль все еще Шекер не разлюбил?

Джигит молчал — стеснялся, может быть,
Пред старшим другом душу он излить,
А может быть, ему сейчас о прошлом
И вовсе не хотелось говорить.

Да что он мог Джакию рассказать?
Что порвано — того уж не связать.
И стоит ли, и надо ли сегодня
Былую рану бередить опять?

— Ну что ж, браток... — Джакий нахмурил взгляд. —
Былое трудно воротить назад.
Но я хочу, чтоб наконец узнал ты
Того, кто пред тобою виноват.

Он близкой мне доводится родней,
Он — брат жены... Ну, словом, — шурин мой.
Я от родства с ним наотрез отрезался,
Хоть и неловко мне перед женой.

Как мог я дать кому-то с корнем рвать
То деревце, что мне пришлось сажать?
Как мог я, Джолдошбек, быку позволить
Птенца копытом грязным растоптать?

Еще хочу, чтоб понял ты, браток:
Обидчик твой коварен и жесток,
Ну, а Шекер достойна состраданья —
Так пусть же ей судьбою будет бог!

— Нет, — отвечал Джакию Джолдошбек, —
Я ей обиды не прощу вовек.
И вам, Джакий, жалеть ее не надо,
Хоть вы и очень добрый человек.

Богатый муж ей нужен был... Так вот,
Пусть со своим богатством и живет!
Ах, он сбежал... Так надо было думать,
Что жадность до добра не доведет.

Джакый вздыхает: — Ты не прав джигит.
Сейчас в тебе обида говорит.
Ты не руби плеча, а лучше выжди,
Покуда злость в душе перегорит.

Ну, сбилась малость девушка с пути...
Ну, заплуталась девушка в пути...
Так лучше, чем злорадствовать жестоко,
Ты бы помог ей верный путь найти.

«Помог... Помог... А хочет ли она,
Не девушка теперь уж, а жена, —
Подумал Джолдошбек, — чтоб я помог ей?
И в тягость ли Шекер ее вина?»

И все же он немного поостыл,
И все же охладел в нем прежний пыл.
И старший друг его, заметив это,
О прошлом разговор возобновил.

— Я был сначала очень рад за них,
Не усомнившись даже и на миг
В том, что любовь высокая связала
Два бескорыстных сердца молодых.

И потому поверил я с трудом
Словам Шекер, услышанным потом,
Что нет, не по любви, — по принуждению
вошла она в постылый мужнин дом.

Хотел сказать я шурина: «Браток,
Держи в руках покрепче поводок

Семейных уз!..» Но, глядя на молодку,
Я понял: эта шутка здесь не впрок.

А тут еще и теща — Мистекан
Такой нагнала на меня туман.
Так зашипела, что открылся сразу
Притворством густо сдобренный обман.

Я сознаю: тебе не сладко, брат.
Но ведь не зря в народе говорят:
«Коль уж пошел дорогой каменистой,
Не дело поворачивать назад».

Джакый умолк и посмотрел вокруг,
И то ли удивленье, то ль испуг
В глазах его мелькнули... — Не Шекер ли
По той тропе бредет с коляской, друг?

Вот и узнай, что выкинет судьба?—
Джакый ладонью вытер пот со лба.
Но Джолдошбек лишь процедил сквозь зубы:
— Не будем говорить о ней, аба!*

— Не жалко?

— Нет.

— И это не шутя?

— Нет не шутя.

— Но у нее ж — дитя!..

— Что ж, есть отец законный у ребенка
И бабка есть... Пусть нянчат, коль хотят.

Так он сказал, как будто прорвалось
Все, что в нем было: боль, обида, злость,

* Аба — почтительное обращение к старшему.

Как будто все, что чуть держалось в сердце,
Прорвав заплоты, разом излилось.

— Аба, я долго думал — и не раз,
Что будет трудно убедить мне вас:
Ведь муж Шекер вам родственник, а значит,
Вы и его должны жалеть сейчас.

Мне одному нести свою беду.
И пусть я от печали пропаду,
Не позабуду своего позора,
До жалости к Шекер не снизойду!

— Что ж, — отвечал Джакый, — тебе видней.
Ты мне не брат, но брата был родней.
Пусть то, что ты сказал сейчас мне, парень,
Останется на совести твоей.

Так завершился этот разговор.
Всходило солнце из-за дальних гор,
И оттого еще светлей и ярче
Искрился синью озера простор.

2

Многое знает седой Иссык-Куль,
Все понимает родной Иссык-Куль,
Каждому слову,
Правдивому слову
Жадно внимает мой Иссык-Куль.

Славный читатель, давай-ка вдвоем
Здесьний колхоз «Кёль бою»* назовем.

* Кёль бою — берег озера.

Стал Джолдошбек в нем теперь агрономом.
Следом за ним мы с тобою пойдем.

Вот он с джайлоо спустился в аил,
Ходит по улице хмур и уныл.
Был бы сейчас здесь Джакий, так наверно
Душу б ему без остатка излил.

Странная все-таки штука — душа...
К дому идет Джолдошбек не спеша.
В старом саду, где постелена койка.
Листья развесистых яблонь шуршат.

Здесь же, в саду, где ночует джигит,
Чай в самоваре блестящем кипит.
За досторханом, что снедью уставлен,
Дружно семья Джолдошбека сидит.

Вот он вошел и садится к столу.
Мать подвигает ему пиалу,
Смотрит, как будто спросить его хочет:
Что ж он так долго бродил по селу?

Пусть Джолдошбек далеко не малец,
Сын для нее, как для птицы птенец.
— Еш-ка побольше, — твердит она сыну.
— Ешь, — повторяет за нею отец.

Видя, каким молчаливым он стал,
Думает мать: «Он, наверно, устал...»
Хочется с ним побеседовать старой,
Да понимает, что час не настал.

Вот и отец, чтоб ему не мешать,
Искоса глянув с укором на мать,
Встал и тихонько направился к дому:
Нам, мол, теперь молодых не понять.

Только сестренка, — уж вот егоза, —
Щурит смешно озорные глаза,
Бабочкой легкой вокруг брата порхает,
Козочкой скачет вперед и назад.

— Вы отдохните, байке*, — говорит. —
Вы, полежите, байке, — говорит.
Он ее по носу щелкает нежно,
Делая вид, будто очень сердит.

Да, он и вправду сегодня устал...
Встал Джолдошбек,
Папиросу достал,
Лег на кровать — и весь день этот долгий
В памяти словно бы перелистал.

Так и лежал он в постели без сна.
В небе далеком светилась луна.
И наплывая откуда-то сверху,
Вторила думам его тишина.

* * *

Нас никто, читатель, не осудит,
Если мы мешать ему не будем,
Если, как друзья, с тобой вдвоем
По ночному кыштаку пройдем.

Тот кыштак, конечно, не столица,
Он всего лишь точка на земле.
Но скажу, не думая хвалиться,
Что пока прогулка наша длится,
Мясо вряд ли сварится в котле.

* Байке — старший брат.

Улица, похожая на реку,
Сверху вниз медленно течет...
На одном конце — дом Джолдошбека,
На другом конце Шекер живет.

Джолдошбек в нежаркий час заката
На холме опять сегодня был.
Тягостным волнением объятый,
С кыштака он взгляда не сводил,

А верней, с той улицы известной,
Что всегда была ему мила,
А точнее, на то глядел он место,
Где она, любовь его, жила.

Подойти поближе не решаясь,
Гордостью сжигаем молодой,
Он стоял, жестоко надсмехаясь
Над своей неверною судьбой.

Был, как видно, он еще не волен
Эту злую гордость подавить,
Чтобы сердце, отдохнув от боли,
Хоть на миг, но перестало ныть.

Не было границ его обиде
И, как ночь, была глуха тоска.
Потому стоял он и не видел,
Как кружился сокол в облаках,

Как плескались лебеди, играя
В иссык-кульской голубой дали,
Как катилось солнце, догорая,
Огненным мячом на край земли.

Теплый сумрак наплывал на горы,
Над водою плыл, тягуч и сер...

А у Джолдошбека перед взором
Все стояла юная Шекер,

Та Шекер, что всех была дороже,
Что, наперекор лихой судьбе,
Все еще волнуя и тревожа,
И сейчас влекла его к себе.

Горькою обидою томимый,
Был он словно между двух огней:
Между ней, желанной и любимой,
И мужскою гордостью своей.

И не знал покоя,
И метался
В безысходной ярости шальной...
А поодаль Иссык-Куль плескался,
Набегая на берег полной.

И джигиту нашему казалось,
Что по всей озерной ширине
Розовое пламя растекалось,
Возникая в темной глубине,

Разгоралось, жаром полыхало,
Билось и клубилось на воде...
И оттуда тихо выплывала
Стая белоснежных лебедей.

И плыла спокойно и красиво
Вдоль косой черты береговой
К дальнему широкому заливу,
Что скрывался за туманной мглой.

И взлетела вдруг,
И в небе скрылась,

Вечной жажды высоты полна.
И вот тут от стаи отделилась
Белая лебедушка одна.

И о чем-то прокричав печально
Стае, что ушла за облака,
Сделав круг над озером прощальный,
Понеслась к холму у кыштака.

Приземлилась,
Крылья распластала
И, чаруя женственностью взгляд,
Юною красавицей предстала,
Облаченной в шелковый наряд.

И лишив джигита дара речи,
Не давая превозмочь испуг,
Голосом певучим, человеческим
С ним она заговорила вдруг:

— Я Шекер — любовь твоя былая...
Или ты меня не узнаешь?
Видишь, как я мучусь и страдаю...
Что ж ты мне на помощь не придешь?

Что ж мою ты не излечишь муку,
Не поможешь одолеть беду?
Коль сейчас мне не протянешь руку,
Камнем стану и на дно пойду!

Что он мог сказать ей,
Что ответить?
Разве то, что ждал ее давно...
Только мог ли думать он,
Что встретить
Здесь ее сегодня суждено?

Нет, минутной слабости в угоду
К ней в объятья он не побежит...
И спросил: — Уж не мою ль свободу
Ты решила, камнем канув в воду,
Взять с собою?.. И умолк джигит.

И хотел уйти...
Но что-то сжалось
В сердце Джолдошбека.
И она.
Вдруг такой прекрасной показалась,
Словно Иссык-Кулем рождена,

Словно нешией яблонею веткой,
Словно легким облачком была...
Бархатная алая жилетка
Стройную фигурку облегла.

В тюбетейке, в платье белоснежном,
С молодым румянцем на щеках
На него она глядела нежно
И держала яблоко в руках.

И какой-то колдовскою силой
В тот момент была она полна...
И, шагнув к нему,
Вдруг разломила
На две части яблоко она.

И одну джигиту протянула:
— Это, чтоб меня не разлюбил...
И с улыбкой на него изглянула:
— Чтоб со мной до смерти рядом был,

Чтоб делил со мной и боль, и счастье,
Грусть разлук и радость теплых встреч,

Чтоб раздор неожиданною напастью
Никогда не смог меж нами лечь.

И влекла, влекла его упорно
То ль на счастье,
То ли на беду...
— Я сейчас смородиною черной
Угощу тебя в своем саду.

Ты ведь помнишь,
Как когда-то было
В том саду с тобой нам хорошо?..
Ты к утру оттаешь сердцем, милый,
Отдохнешь и телом и душой.

Ласковыми, нежными руками
Обниму тебя я, Джолдошбек.
Ты ведь знаешь:
Крошится и камень,
Ну, а я — всего лишь человек.

Да, ошиблась я и оступилась,
И упала,
И расшиблась в кровь,
И душа от боли надломилась,
Но осталась чистою любовью.

И все та же солнечная нежность
Теплотою полнит сердце мне.
Видно, я живуча, как подснежник,
Что цветет на скалах по весне.

Тяжкою виной своей томима.
Совестью сжигается дотла,
Я на этот холм к тебе, любимый,
Попросить прощения пришла.

Можешь ты прогнать меня, конечно,
Оттолкнуть, унизить, оскорбить,
В грязь втоптать безжалостно...
Но вечно
Буду я любовь к тебе хранить.

Что джигит с собою мог поделать,
Коли сердце жгли ее слова,
Коль душа от радости немела
И кружилась сладко голова?

— Милая! — шептал он ей. — Родная!
Сколько дней тебя не видел я!
Как земля, которой нету края,
Велика к тебе любовь моя.

Сколько прошагал я километров,
Чтоб тебя, любимая, найти!
Негасимой звездочкою светлой
Ты мне в дальнем виделась пути.

Виделась ручьем, в котором жажду
Утолял не раз я в летний зной,
И цветком, что мне в горах однажды
Среди снега встретился зимой.

И не жить мне без любви на свете,
Ветром Иссык-Куля не дышать...
О, как рад тебя я снова встретить!
О, как счастлив вновь тебя обнять!

Ты мне всех желанней и дороже!
И какая б ни стряслась беда,
Разлучить она уже не сможет
Нас, Шекер, с тобою никогда!

* * *

Вот и зарею забрезжил восток,
Свежестью с гор потянул холодок.
Яблоко с ветки на землю упало,
Пролив в траву золотистую сок.

Дивным виденьем ночным потрясен,
Встал Джолдошбек и задумался он:
Может, и вправду Шекер приходила
Или то был лишь несбыточный сон?

Значит, счастливым не быть без нее,
Значит, на свете не жить без нее,
Значит, и впрямь до последнего вздоха
Не разлюбить Джолдошбеку ее.

Нет, он возьмет себя в руки сейчас,
Нет, он себя одурачить не даст.
Кто поручится сумеет, что снова,
Снова Шекер их любовь не предаст?

3

Ночью выпал снег на гребнях гор,
Стал свинцовым озера простор,
Дунул ветер — и, туман стеля,
Задышала холодом земля.

Третий день уже Шекер больна,
Не выходит из дому она.
Горькая тоска ей сердце рвет,
Ни на час забыться не дает.

Гложет горечь женщину, как зверь:
С кем он, Джолдошбек ее, теперь,

В чьем дворе он расседлал коня,
В чью сейчас он постучался дверь,
У какого греется огня?

Изболелась женщина душой:
С кем джигит по улице прошел,
С кем заговорил он и о чем,
В ком отраду сердцу он нашел,
И в любви признался горячо?

Снова плачет женщина тайком:
Долго ль будет он холостяком?
Мать за ним приглядывать стара,
Значит, и жену хозяйкой в дом
Привести давно ему пора.

Или, может, он уже женат,
И в семье его любовь да лад,
И, милюясь с молодой женой,
Он в душе смеется надо мной.

Льет бедняжка слезы без конца...
Хорошо, что дома нет отца.
Хоть и добрый он,
Но только мать
Может горе дочери понять.

Как она страдает за Шекер,
Как переживает за Шекер,
Как томится у нее душа
За Шекер, за внука-малыша!

Но крепится, гонит слезы прочь,
Чтобы не терзать,
Не мучить дочь.
Да и много проку ли в слезах,

Если, даже выплакав глаза,
Дочери слезами не помочь.

...Вот и снова утро настает,
Пасмурное утро. И опять
Женщина на озеро идет
Ветром Иссык-Куля подышать.

По траве, что от росы свежа,
Катится коляска дребезжа.
И хоть нет живой души вокруг,
В сердце, словно лезвие ножа,
Холодком вонзается испуг.

Что влечет Шекер сюда опять?
Здесь ее никто не может ждать.
Джолдошбека здесь ей не найти,
Ибо, как ни тяжело сознавать,
Разошлись навечно их пути.

Может Иссык-Куль ей даст ответ,
Если в глубь озерную взглянуть?
Может Иссык-Куль ей даст совет,
Как любовь ушедшую вернуть?
Может тихий иссык-кульский свет
К счастью ей укажет верный путь?

Вот и берег...
Зла и холодна,
Набегает на песок волна.
Что ж, вода, она и есть вода —
То спокойна в меру,
То шальна,
Что ей чья-то боль или беда?

На воду глядит Шекер в тоске,
А потом, видать, устав стоять,

Расстелив газету на песке,
Села на нее, держа в руке
Толстую зеленую тетрадь.

Та тетрадь была ей дневником.
От домашних в нем она тайком
Жизни быстрым дням за годом год
Вечерами подводила счет.
Вот она страничкой шелестнула —
Видно, что-то в нем сейчас прочтет...

«...Джолдошбек письмо прислал опять...
Ну, зачем он должен мне писать?
То письмо у сердца я ношу,
От позора и стыда дрожу.
Что ему ответить я могла,
Коль его любовь не сберегла?
Порвала письмо, не став читать...
Ну, зачем он должен мне писать?
Не жена, не девка, не вдова,
Я хожу, от горя чуть жива,
Сторонюсь отца,
Стесняюсь мать...
Ну, зачем он должен мне писать?
Бессердечен, злобен и спесив,
Испоганил жизнь мне хищный гриф.
С маленьким ребенком на руках
Я к своим вернулась старикам.
И сижу я, словно взаперти,
И боюсь по улице пройти,
Ни друзей не вижу, ни подруг...
Сыро, пусто, холодно вокруг.
Чудится, что все меня кланя,
Дружно тычут пальцами в меня.
Разве людям боль мою понять?
Ну, зачем он должен мне писать?»

Вновь Шекер задумалась на миг,
Отложила в сторону дневник,
Слезы мокрым вытерла платком,
Огляделась — ни души кругом.
Вроде б легче стало на душе,
Только в горле стыл соленый ком.

А потом пальто она сняла,
Не забыв песок с него стряхнуть,
И к воде тихонечно пошла
Жаркое лицо ополоснуть.
А тем часом ветер стал крепчать:
Подхватил он и унес тетрадь.

Джолдошбек в то утро тоже был
Весь во власти горя и тоски.
По пустому берегу ходил
Джолдошбек, сжимая кулаки.
И казалось парню: у него
Сердце разорвется на куски.

И в ушах стоял щемящий звон,
Словно исходящий от земли,
И, терзаясь, вдруг увидел он
Женщину с коляскою вдали.

И узнал Шекер он, и ему
Будто током тело обожгло.
И дышать вдруг стало тяжело,
Словно задохнулся он в дыму.
И с трудом он смог себя сдержать,
Чтобы тотчас к ней не побежать.

«Нет, — твердил он, — женщины хитры,
А печаль их — плод большой игры.
Как мужчина ни был бы умен,

Женщину понять не сможет он.
Да к тому ж и не моя вина,
В том, что так страдать должна она».

Он стоял, вздыхая тяжело,
Сам не зная, что же предпринять?
В это время ветром поднесло
К Джолдошбеку толстую тетрадь.

Поднял Джолдошбек ее с земли,
И, хоть вся она была в пыли,
Несколько страниц перелистал
И Шекер по почерку узнал.
Чуть сдержав в груди невольный крик,
К дневнику глазами он приник.

Он читал дневник и хмурил лоб,
И колючий бил его озноб,
И по телу, острая, как нож,
Растекалась, расплывалась дрожь.

И простить Шекер он был готов,
Видя, как болит ее душа,
Но не находил заветных слов,
Чтобы к примиренью сделать шаг.

И за гордость клял себя джигит,
И за черствость клял себя джигит,
И ему казалось, что давно
Позабыл он боль былых обид,
Что печаль, как легкое вино,
Перебродит и перегорит.

Загорелся он и снова сник,
И, мгновенно расстегнув пальто,

Положил за пазуху дневник,
Чтоб не увидал его никто.
Хорошо, что нету здесь сейчас
Любопытных посторонних глаз.

И в кыштак он поспешил скорей
Дальней тропкой, сторонясь людей.
И никто не мог Шекер сказать,
Что унес джигит ее тетрадь.

Тут еще малыш заголосил:
То ли пить он,
То ли есть просил.
И забыв о дневнике, она
Накормить дитя была должна.
Да еще вдобавок, как на грех,
С неба мелкий дождь заморосил.

Сразу стало холодно, да так,
Что Шекер вдруг начало знобить.
Надо было двигаться в кыштак,
Чтобы малыша не застудить.
Хоть была невыносимой жизнь,
Все же как-то надо было жить.

4

Так случилось, что лишь в кыштак
Вспомнила Шекер о дневнике.
Что с ним стало?
Где он может быть?
Как она могла о нем забыть?

Вот и дом...
И возле дома мать...

Поскорей ребенка ей отдать.
Зонтик в руку...
И бегом, бегом
К озеру под ветром и дождем.

Смотрят люди искоса — ну что ж,
Только бы унять ей в теле дрожь,
К озеру скорее добежать,
Отыскать зеленую тетрадь.

Ох, как сердце бьется у нее!
Ох, как градом льется пот с нее!
Что как кто-то вдруг дневник найдет,
Исповедь больной души прочтет?

Что о ней подумают тогда?
Засмеют, затравят навсегда,
Скажут: бросил молодуху муж —
Вот и извивается, как уж.

Состраданья ищет, мол, себе,
Оправданья ищет, мол, себе.
Нет, уж лучше в омут головой,
Чем дожить до участи такой!

Мечется по берегу она:
Хорошо б, коль крепкая волна
В озеро тетрадку унесла,
Чтобы всплыть тетрадка не смогла,

Чтоб осталась там,
На черном дне,
В темной иссык-кульской глубине,
Схоронив в глухой, как ночь, тиши
Исповедь измученной души.

Кружит ветром в озере листок,
С дерева опавший... И листок
Кажется бедняжке дневником,
По волне плывущим на восток.

Влагою омыта дождевой,
Кукуруза шелестит листвою.
Может это, — как тут угадать, —
Шелестит страницами тетрадь.

Душит хмарь ненастная Шекер,
Слезы льет несчастная Шекер.
Синяя озерная волна,
Как застывший камень, холодна.

Не слышать ей бедную келин*,
Не понять ей бедную келин,
Слез с ее лица не утереть,
Ласковым теплом не отогреть.

Может час, а может два часа
Пролетели, словно миг один,
В кукурузе чьи-то голоса
Услыхала издали келин.
Там стояли, споря горячо,
Четверо знакомых ей мужчин.

Говорил один: — Косить пора...
Говорил другой: — Начнем с утра...
Третий сомневался: — Обождем:
Не вести ж нам жатву под дождем.
Словом, пусть решает Джолдошбек:
Он у нас в колхозе агроном.

* Келин — молодая женщина.

Джолдошбек!.. Конечно, это он!
Хорошо, что спором увлечен,
Не взглянул он на берег пока,
А не то бы там свою Шекер
Увидал джигит наверняка.

Замирает сердце у Шекер.
Негде деться, спрятаться Шекер.
Ведь она же со стыда сгорит,
Коль увидит здесь ее джигит.

Скажет: нет у женщины стыда —
Вот и рыщет по моим следам,
Вот и пялит на меня глаза,
Словно сгозливая коза.

Значит, надо поскорей уйти,
Убежать, пока не грянул гром...
Все равно дневник ей не найти,
Да и бог с ним, с этим дневником.

А найдут его случайно здесь —
Пусть находят... Что теперь ей честь,
Коль и так давно уже она
На позор и стыд обречена.

Шла Шекер и плакала навзрыд,
И огнем сжигал бедняжку стыд,
И казалось: никогда теперь
Счастье к ней не постучится в дверь.

Вся в слезах пришла она домой
и ничком упала на кровать,
Так и не узнав, читатель мой,
Кто и где нашел ее тетрадь.

В июне ли иль в солнечном июле
 Недолги холода на Иссык-Куле.
 Дождь отшумел, и тут же из-за туч
 Вершины Ала-Тоо проглянули.

И сразу стала теплою земля,
 И свежестью весенней тополя
 Зазеленели. И запели птицы,
 И в марево окуталась земля.

И ночь на горы медленно сошла,
 От ярких звезд и от луны светла,
 Напоминая людям, что пора им
 На утро отложить свои дела.

Прохладен старый яблоневый сад,
 Он, словно дремлет, тишиной объят,
 И словно бы зовет он Джолдошбека
 Под сень деревьев, что листвою шумят.

Вот и настало время полистать
 Ему теперь ту самую тетрадь,
 Тетрадь Шекер, которая, наверно,
 Должна ему о многом рассказать.

Неведомых джигиту тайн полна,
 Сейчас заговорить она должна.
 Что думала Шекер?
 О чем мечтала
 Ночами у раскрытого окна?

Какой недуг любимую томил?
 Что ей в невзгодах придавало сил?
 Больной души смятение и тревогу
 Запечатлел здесь даже цвет чернил.

Как горькие, как радостные дни,
То черные, то красные они.
И строки — то, как злая хмарь ненастны,
То вспыхивают, как в ночи огни.

Склонился Джолдошбек над дневником —
Здесь, что ни слово, — все о нем, о нем.
Давай и мы с тобою, мой читатель,
Не торопясь дневник Шекер прочтем...

* * *

«...От Джолдошбека нынче вновь
Письмо я получила...
Он пишет, что моя любовь
В него вселяет силы,
Что был бы счастлив он вполне
И в радости купался,
Когда б ни чуточки во мне,
Глупыш, не сомневался,
Как объяснить ему, что срок
И у любви бывает,
Что вянет чувство, как цветок
Когда он высыхает,
Что может кто-нибудь сорвать
Цветок, растущий в поле...
Мне б это все ему сказать,
Да гордость не позволит».

* * *

Дневник читает бедный Джолдошбек.
Грустит, вздыхает бедный Джолдошбек.
Все, что с ним было, и, как сон, уплыло,
Переживает бедный Джолдошбек.

Глазам не хочет верить он своим.
Ушам не хочет верить он своим.
И прошлое так зыбко и так смутно,
Как будто взору видится сквозь дым.

* * *

«...К экзаменам готовлюсь я,
Сил не жалея и труда.
Но робость вечная моя
Томит мне сердце, как беда.
Лишь стоит чуть закрыть глаза,
Как предо мною в тот же миг
Встает суровый, как гроза,
Профессор наш — крутой старик.
Твердит Лалила мне: — Кончай
Зубрить учебник, Шекержан,
Ты стал желтой, как свеча,
Ты стала серой, как туман.
Корпишь над книгою с утра
И не даешь себе вздохнуть.
Уж скоро ночь — вот и пора
Хоть чуточку передохнуть.
Есть у меня отличный план
На этот вечер...
Мы сейчас
Пойдем с тобою в ресторан —
Там к ужину заждались нас.
— Заждались?
Кто?
— Потом скажу...
А впрочем ждет нас там джигит,
С которым с детства я дружу...
Так что душа твоя решит?

— А повод?
— Есть и повод тут.
Иначе и не может быть.
Окончил парень институт —
И это следует обмыть.
Тебе он будет очень рад!
— Но я не пью...
— Какой пустяк...
Пей пиво или лимонад,
А можешь посидеть и так
Там очень вкусная еда:
Салаты, отбивные, плов...
И есть в наличии всегда
Мороженое всех сортов,
И мармелад,
И шоколад...
Так мы идем иль не идем?
Поверь: он будет очень рад
Тому, что мы пришли вдвоем!
А после можно заодно,
Коль взять билеты повезет,
Сходить с тобою нам в кино —
Там заграничный фильм идет.
Так что, кончай зубрить, Шекер.
И вот что я тебе скажу:
Бери-ка ты с меня пример —
Уж я над книгой не сижу.
А вот учусь.
Не отстаю —
Тебе об этом ли не знать, —
И в срок экзамены сдаю,
И успеваю погулять.
И нравлюсь парням потому,
Что не летаю высоко,
Что отношусь я ко всему
Довольно просто и легко.

И мы с Лалилою пошли,
Хоть было тяжело на душе.
Ночные сумерки уже
Над летним городом ползли.
И веяло прохладой с гор,
И гасла неба синева,
И, где ни глянь,
Лаская взор,
Искрилась сочная листва.
Одета скромно я была,
Не выделялась среди людей,
Но не заметить не могла
К себе внимание парней.
Их взгляды чувствовала я,
Прилипчатые, точно зуд...
А однокурсница моя
На «высоте» была и тут.
Была Лалила весела
И беззаботности полна,
И, словно бы кого ждала,
Шагала, не спеша, она.
И было мне спокойно с ней,
Вполне пристойно было с ней,
Пока не увидала я
У ресторана двух парней.
Возникнув, как из-под земли,
Они глазами ели нас,
А вот уже и к нам пошли,
Все так же не сводя с нас глаз.
И тут я только поняла
Подружкин хитроумный план...
Нет, не напрасно завлекла
Меня Лалила в ресторан.
Уйти! Бежать от них сейчас!..
Но парни рядом...
И она,

Она уже знакомит нас,
Сияя, словно бы луна,
И шепчет мне: — Шекер, держись!
Теперь не время отступать.
Да надо и когда-то жизнь
Тебе хоть чуточку познать.
И шепчет мне: — Шекер, поверь:
Я думала, он здесь один...
Не гнать второго же теперь...
Что ж, вчетвером и посидим.
Вот мой джигит...
А тот, другой, —
Давнишний, лучший друг его.
Ты вся дрожишь...
Да что с тобой?
Ведь не случилось ничего.
А я действительно дрожу,
Но не от страха,
А со зла.
Нет, нет, я тотчас уйду!
Напрасно я сюда пришла.
Плету, в душе себя кляня.
Какой-то бред,
Какой-то вздор.
А парни выются вокруг меня:
— Шекер, ну, что за разговор?
Мы вас в обиду не дадим,
Никто, Шекер, не тронет вас.
Ну, выпьем пива,
Посидим
И разойдемся через час.
Ну, а Лалила, так совсем
Со мной не хочет говорить.
— Чем настроенье портить всем,
Уж лучше бы не приходить.
Как видно, я считала зря

Тебя сестренкою родной.
Не стоит, честно говоря,
Дружить с гордячкою такой.
Ну что ж, ступай...
Тебе видней.
Ступай домой, коль так горда...
Жаль только обижать парней,
Что пригласили нас сюда.
И уступила я,
Сдалась,
Сдалась, как жалкий трус в бою,
Лалиле отдала во власть
Судьбу свою
И честь свою.
Но разве знать могла тогда
Я, выросшая среди гор,
Какая ждет меня беда,
Какой мне предстоит позор?
Не помню, где и как взялись
Еще джигиты...
И гурьбой
Мы к ресторану поплелись,
Где ожидал нас шумный той.
И хоть мне резал стыд глаза
И был не в радость белый свет,
Я понимала, что назад
Отсюда мне дороги нет.
Вот жирный увалень-джигит
Дверь распахнул передо мной.
А вот уже и стол накрыт
Хрустящей скатертью льняной.
Уже несут мясной салат,
Севрюгу, сыр и колбасу,
И заливное, и цыплят,
И плов, и манты, и самсу.
И водку ставят,

И коньяк —
Не выпить все и за три дня!
Лалила шепчет: — Как-никак,
А нынче свадьба у меня!
Напиться вдосталь я хочу,
Чтоб вечно длился счастья миг!
— Ты шутишь?
— Нет, я не шучу:
Вот этот, толстый, — мой жених.
Так что не скромничай, а пей,
Пей, если ты подруга мне!
И чтоб ни капельки на дне!..
Как не поверить было ей?
И парни тоже «пей» кричат
И лезут чокаться со мной,
И вилками о стол стучат
В шальной веселости хмельной.
Ну, я и выпила стакан...
Всего лишь пива, не вина.
И хоть не стала я пьяна,
Но в голове поплыл туман.
А тут еще и духота
Такая, что не продохнуть,
И шум, и гам, и суета,
И гвалт такой — что просто жуть.
— Домой! Домой! И поскорей!
Нет, нет, Лалила, не проси...
И мы выходим...
У дверей
Стоят два новеньких такси.
И кто-то помогает мне
В кабину сесть.
И мчимся мы
Сквозь россыпь уличных огней,
Сквозь пластные наплывы тьмы.
Лалила гладит мне плечо:

— Шекер, голубка, не сердись.
Лалила дышит горячо:
— Все в мире муть,
Лишь это жизнь!
Твердит: — Мы только раз живем —
Чего ж бояться нам греха.
Сейчас мы за город махнем —
Там дача есть у жениха.
— Нет, нет!
О господи, спаси!
Лалила, милая, прошу:
Сейчас же поверни такси!
Ты ж видишь, я едва дышу.
Все это выдержать, поверь,
Лалила, мне не по плечу.
Останови!
Открой мне дверь!
Я дальше ехать не хочу!
— Шекер, ты обижаешь нас, —
Лалила тон меняет свой. —
Клянусь, что ровно через час
Тебя доставлю я домой!
Жених мой болен — и ему
Прохладой нужно подышать.
Да и скажи-ка мне, к чему
Себя над всеми возвышать?
Ведь мы с тобою две сестры,
Твоя удача — мой успех...
И эти парни так добры,
Что обижать их просто грех.
Тебя никто и пальцем тут
Не тронет — ты уж мне поверь.
Да нам и ехать пять минут —
Что ж поворачивать теперь.
Иль вправду так ты занеслась,
Что мне сестрой не хочешь быть?

Не устояла я,
Сдалась,
Дала себя уговорить.
Да и куда бы мне во тьме
Одной идти или бежать?
Да и могла ль тогда я знать,
Что у Лалилы на уме?
Куда они меня везли —
Соображала я с трудом.
Мелькали огоньки вдали,
Клубился ветер за стеклом.
Казалось, будто мы летим,
Скользим по льду в сплошном дыму.
И не было назад пути,
И не было конца ему.
И жег огнем мне душу стыд,
И в сердце закипало зло.
И толстый увалень-джигит
Дышал над ухом тяжело.
— Шекер,— шептал он жарко мне.—
Послушай, девочка, меня:
Отныне ты моя джене,*
Отныне мы с тобой родня...
Сегодня ночью ты войдешь
В дом к брату старшему женой...
Чего ж молчишь?
Иль не поймешь,
Что я теперь братишка твой.
Да не молчи ты, как доска,
Спешి судьбу благодарить!
Тебя он вырядит в шелка,
Ты будешь павою ходить.
Узнаешь ты,
В чем счастья суть,

* Джене — жена старшего брата.

Печаль развеется, как дым.
Ты только с ним помягче будь,
Ты только будь добрее с ним.
Он говорил, а я была
Уже как вроде б не жива.
И хоть вина я не пила,
Плыла, кружилась голова.
И опалял мне щеки жар,
А сердце леденил испуг,
Как будто бы приснился вдруг
Какой-то бред или кошмар.
— Нет! — крикнула ему я. — Нет!
Шофер, останови такси!
А тот ни да, ни нет в ответ —
Язык он что ли откусил?
Воды набрал он что ли в рот?
Оглох иль отроду глухой?
И головы не повернет,
Чтобы позор увидеть мой.
Сейчас бы выпрыгнуть...
Но так
Зажата я своей «родней»,
Что ни ногою, ни рукой
Не шевельнуть уже никак.
А тут еще и впереди,
Скрестив ладони на груди,
Сидит верзила — глянуть страх...
Да и куда пойдешь в горах?
Ну был бы день,
А то ведь ночь...
Куда тут денешься одна?
К тому же, так я голодна,
Что на ногах стоять невмочь.
И плачу, жизнь свою кляня,
И то ль кричу я,
То ль шепчу:

О боже, что же ждет меня?
За что такой ценой плачу?
А может, это только сон?
Сейчас проснусь — и все пройдет.
Но давит мгла со всех сторон,
Глаза слепит холодный пот.
И ненависти не тая,
Рвусь что есть сил из цепких рук,
Грызу зубами их...
И вдруг
Сознание теряю я...»

6

Взволнован Джолдошбек,
Встревожен он:
Что ни страница в дневнике, то стон,
Что ни строка,
То крик души скорбящей...
О, как обидой был он ослеплен!

О, если б мог с Шекер в ту ночь он быть,
Любимую б сумел он защитить.
Но знать бы, где споткнуться доведется,
Так можно б и соломы подстелить.

Вновь шелестят страницы дневника,
Вновь за строкой вослед бежит строка.
И слышатся джигиту в каждом слове
Отчаянье, раскаянье, тоска.

* * *

«Давным-давно вдали остался город.
Куда ни глянешь — всюду только горы.

Как разъяренных хищников оскал,
Расщелины зияют в толще скал.

Скрип тормозов пронзителен и резок.
Мы въехали в какой-то перелесок.
В тени деревьев,
Вытянувшись в ряд,
Приземистые мазанки стоят.

Откуда б здесь им ночью появиться?
Должно быть, это мне лишь только снится.
Не верится, чтоб в этих дебрях был
Какой-нибудь кыштак или аил.

Но нет, это не сон и не виденье.
Такси остановилось — и джигит,
Сгорая и дрожа от нетерпенья,
Мне дверцу настежь распахнуть спешит

И приглашает выйти.
И Лалила
(Откуда только в ней такая сила?)
Меня толкает в спину: «Выходи!»
И злей собаки на меня глядит.

Я выхожу.
И в страхе и тревоге
Бреду, едва переставляя ноги.
Точнее, не бреду,
Меня ведут
Туда, где нас уже, должно быть, ждут.

О, как невыносима эта мука!
Такси ушло.
Я средь врагов одна.
Ни огонька,

Ни шороха,
Ни звука...
Лишь тишина.
Глухая тишина.

А может быть, не на земле все это
Творится?
Может, это под землей,
Где не бывает солнечного света,
Куда не проникает шум земной?

Эх, если бы сейчас ударить грому
Да так, чтоб хлынул ливень с ветерком!..
Но вот меня уже подводят к дому
И вталкивают на порог силком.

И женщина с седыми волосами,
Холодное молчание храня,
Усталыми, поблекшими глазами
Разглядывает пристально меня.

И кажется, она чуть-чуть добрее —
И оттого немного молодеет
Ее лицо.
И вот уже оно
Улыбкой неземной озарено.

Она идет ко мне, раскрыв объятия:
На ней жакет и городское платье,
И так она радушна и мила,
Как будто целый век меня ждала.

И льстит мне,
Будто мы давно знакомы,
Но в каждом слове слышу я обман...
Та женщина была хозяйкой дома,
Ее здесь называли — Мистекан.

Она свекровью стать мне собиралась,
Сорвать меня задумав, как цветок.
Я лишь тогда об этом догадалась,
Когда мелькнул в руках ее платок.

Его, обряду древнему согласно,
(О том и ныне вспоминать ужасно)
Хотела на меня она надеть,
О, лучше бы мне было умереть!

Но помнится: я увернулась ловко
От рук моей непрощенной свекровки
И, словно тряпку сжав его в комок,
С размаху на пол бросила платок.

— Разбойники! — кричала я джигитам. —
Не люди вы, а подлые бандиты!
Да, да, я знаю все о вас теперь...
А ну-ка, поживей откройте дверь!

Откройте, коль скандала не хотите,
И тотчас, чтоб не грянула беда,
Меня обратно в город отвезите —
Не то, клянусь, дойдет и до суда!

Но словно вопль заблудшего в пустыне,
Мой слабый крик теряется в ночи.
И кровь моя от страха в жилах стынет,
Как пепел отгорающей свечи.

И на душе так тяжело и так скверно...
Все заодно здесь действуют, наверно.
И мысли их черны, как эта ночь.
И некому, как видно, мне помочь.

Зловеще в этом доме все и хмуро,
И лживо все: поступки и слова.

И лампочка под желтым абажуром
Высвечивает комнату едва.

Что ждет меня под этой низкой крышей?
Что в этих молчаливых стенах ждет?
Вот голос Мистекан я снова слышу —
То вкрадчивый,
То приторный, как мед.

Послушать — так она жалеет слезно
Меня,
Хоть я еще ей не сноха...
— Дитя мое, ведь рано или поздно
Родня тебе подыщет жениха.

Мы женщины с тобою...
И не нам уж
Джигитов выбирать себе в мужья.
Ведь все киргизки так выходят замуж...
Ну, как, к примеру, вышла замуж я...

— Вас, значит, тоже по ночной дороге,
Скрутив волосняным арканом ноги,
Как будто вы невольница,
Силком
Приволокли в машине к мужу в дом?

И вы, как вижу, целы и здоровы!
Хорошая жена, хозяйка, мать...
Но разве лошадь я или корова,
Чтобы арканом ноги мне вязать?

Вы же отстали начисто от века
Иль вытряхнули ум из головы...
Достойно ли, скажите, человека
То, что со мной хотите сделать вы?

Нет, вам меня не убедить, поверьте.
Я без раздумий брошусь в когти смерти,
Скорей сама себя решусь убить,
Чем под одною крышей с вами жить.

Подумайте, — ведь вы же тоже люди, —
Какой вы на себя берете грех!
Ведь вас же арестуют и осудят,
Ведь вас же за решетку спрячут всех.

И осмеют,
И предадут позору.
Зачем же чести вам себя лишать?
Откройте клетку —
Я хочу простора!
Откройте дверь —
Мне нечем здесь дышать!

Быть может, Мистекан я пристыдила,
А может, совесть пробудилась в ней.
Но вдруг она со мной заговорила
Так ласково, как с дочерью своей.

— Да, ты права, Шекер, мы тоже люди,
И ты уж за обиду нас прости.
Тебя неволить больше мы не будем,
Стоять не станем на твоём пути.

Живи, Шекер, как знаешь...
Бог с тобою!
Ведь все равно не видеть мне покоя,
Коль ты, браня и проклиная нас,
Невесткой в этот дом войдешь сейчас.

Ну, а теперь смени-ка гнев на милость.
Я вижу: ты изрядно утомилась.

Попей чайку,
Побалуйся джармой*.
Мы утром отвезем тебя домой.

Мне вроде б легче сделалось немножко,
Все показалось вдруг пустой игрой...
На досторхане** свежие лепешки
И боорсаки высились горой.

И сыр,
И масла полные пиалы,
И свежий мед в избытке были здесь.
Но так я измоталась,
Так устала,
Что мне нисколько не хотелось есть.

Но я старалась есть,
Пусть через силу,
Но есть, махнув рукой на аппетит.
Вот рядышком пристроилась Лалила...
А вот подсел тот увалень-джигит.

Потом пришла чернявая молодка
С насупленным от важности лицом.
Откуда-то взялась внезапно водка,
Возник салат из свежих огурцов.

Лалила молчалива и угрюма,
Пьет крепкий чай, не поднимая глаз.
Ее,— как видно, так и надо думать,—
Затронул за живое мой отказ.

Ее, кто сплошь жестокость и коварность,
Обидела моя неблагодарность.

* Джарма — квас.

** Досторхан — скатерть.

Но мне плевать на это, видит бог!
Меня вконец усталость валит с ног.

И мне теперь совсем не до вопросов,
И не браню ее я,
Не кляню.
И кажется, уже клюю я носом,
И кажется, вот-вот сейчас засну.

Но стряхиваю сон усилием воли
И вспоминаю, что со мной стряслось...
И вновь горячей, нестерпимой болью
Насквозь меня пронизывает злость.

И хочется ударить мне Лалилу,
И спрашиваю я ее в упор:
— А как бы ты, подружка, поступила,
Как вынесла бы ты такой позор?

Как выдержала ты бы этот ужас?
Неужто согласилась жить ты с мужем,
Которого не знала,
Не ждала,
Которого и видеть не могла?

Что стала делать ты, коль разлучили
Тебя с любимым
И вот так, силком,
Обманом и коварством заманили
К совсем чужому человеку в дом?

Но нет, Лалилу не пронять укором,
Она глядит почти невинным взором.
— Я, — говорит, — не стала б возражать,
Коль предложили б мне невесткой стать.

Поверь, Шекер, порой не в нашей власти
Знать, где оно зарыто, наше счастье.
Возможно, ты нашла бы счастье здесь,
Когда б сумела поубавить спесь.

— Ну нет, такого счастья мне не нужно,
Мне страшно слышать этот дикий бред.
И нет отныне между нами дружбы,
И пониманья между нами нет.

Ты гнусная обманщица, Лалила:
Лишь хитростью,
Лишь подлостью живешь.
И что б ты тут сейчас ни говорила,
Все это вздор,
Все это только ложь.

Ты видишь, как мне тяжело здесь,
Как душно!
А ну-ка, дверь скорее мне открой!
И я встаю,
И, словно пес послушный,
К дверям Лалила тащится за мной.

И вот она, спасительная темень...
Бежать!
Бежать, куда глядят глаза!
Но впереди мелькают чьи-то тени
И раздаются чьи-то голоса.

Я взаперти.
И мне теперь отсюда
Живой уже, как видно, не уйти.
О боже! Если б смог ты сделать чудо,
О, если б ты сумел меня спасти!

Но знаю: никто мне не сможет помочь,
 Никто не спасет,
 Не избавит от плена.
 Висит над ущельем безлунная ночь,
 И скалы мертвы,
 Как тюремные стены.

Как подло судьба поступила со мной,
 В какую ловушку меня заманила!
 Как бдительный страж,
 За моею спиной
 Зловещею тенью маячит Лалила.

И шагу теперь без нее не шагнуть,
 И в черной ночи от нее не укрыться.
 О, если б могла хоть на час я заснуть!
 О, если б могла хоть на время забыться!

И в дом этот страшный опять я вхожу,
 Насытившись вдоволь прогулкой короткой,
 И, встав у порога,
 Со злостью гляжу,
 Как стелит проворно постель мне молодка.

Да, дом этот, видно, и вправду богат:
 Повсюду ковры,
 Туш-кийизы,
 Ширдаки,
 Горою в углу одеяла лежат...
 Но пусть тут не люди живут, а собаки!

Я лживую эту мораль не приму,
 Решетки на окнах мне мир не закроют!

Стою, как преступник, попавший в тюрьму,
Избита, исхлестана злою тоскою.

Молодка строчит и строчит языком,
Снохой называет меня она вроде.
Но смысл ее слов почему-то с трудом,
Как будто сквозь вату, до слуха доходит.

— Напрасно ершишься,— бубнит мне она.—
Придумано так в этом мире не нами,
Что девушка в пору цветенья должна
К семейному счастью идти со слезами.

Я, сношенька, тоже была молода
И счастье свое представляла иначе.
Но вот привезли меня как-то сюда —
И видишь: живу,
Не горюю,
Не плачу.

Вот станешь хозяйкою в доме —
И ты
С подобною участью свыкнешься скоро,
И все твои думы, надежды, мечты
Тебе же самой вдруг покажутся вздором.

Мне было противно,
Как будто бы в клей,
Как будто в смолу невзначай я ступила,
И гадкое что-то хотелось мне ей
Ответить,
Чтоб болью ее опалило.

Бросаю с издевкой словцо за словцом:
— Ах, вы философствовать можете даже...
Но вымыть бы вам не мешало лицо,
А то ведь оно почернело от сажи.

Лицом молодуха и вправду черна,
К тому ж и губа у нее отвисает,
И, видно, глупа, словно пробка, она,
Поскольку меня поучать продолжает.

Бубнит:— Ты, милашка, живешь под луной,
Тебе в небесах не парить, словно птице,
И женщиной стать все равно суждено,
Коль не дал бог счастья мужчиной родиться.

И если ты на ночь останешься тут,
То будь хоть сто раз непорочной и честной,
Но женщиной утром тебя назовут
Во всех кыштакках и аилах окрестных.

И станешь смиренней овцы ты, сноха,
И быстро научишься ладить со всеми.
Поверь мне: такого, как брат, жениха
Не очень-то просто найти в наше время.

Вон сколько баранов зарезал — не счесть!
И даже забил молодую кобылу,
И все, дорогая Шекер, в твою честь,
Чтоб свадебный той ты вовек не забыла.

Держись за такого мужчину, пока
Богатство само тебе в руки дается,
И жизнь твоя будет, как сахар, сладка,
И горестных дней испытать не придется...

О боже! Уймется она или нет?
Но, видно, молчать ей охота не очень.
Бубнит:— Я дала тебе добрый совет,
А ты поступай, дорогая, как хочешь.

И вышла, похлопав меня по спине...
Да что тут все здравого смысла лишились?

Твердят и твердят об одном они мне:
Как видно, заранее все сговорились.

Всем домом решили меня уломать,
Прижать всей родней посильнее решили.
О боже! Как все-таки хочется спать!
О боже! Хоть больше бы не приходили!

Вздремнуть бы часочек — и то б хорошо!
Глядишь, отлегла бы от сердца кручина...
Но скрипнула в комнате дверь — и вошел,
Расплывшись в улыбке, обрюзглый мужчина.

И две молодухи с ним вместе вошли,
Держа его под руки, точно он пьяный.
И снова огнем меня страх опалил,
И застило взгляд мне завесой туманной.

Стою, отвращения к нему не тая,
И кажется, снова сейчас я заплачу.
Так вот кому в жены назначена я!
Так вот кто судьбой мне в мужья предназначен!

Лет тридцать, не меньше, наверно, ему
И выглядит вроде бы даже прилично,
Но, кажется, глуп
И, видать по всему,
Отпетый пьянчуга
И хлюст закадычный.

Он что-то невнятно бубнит себе в нос,
Трет руки —
И пот с него катится градом.
И я ему камнем бросаю вопрос:
— Скажите-ка честно: а что вам здесь надо?

И как в этот час оказались вы тут?
Мы вроде бы с вами совсем не знакомы...
Он мямлит: — Меня Калмамбетом зовут...
Я числюсь хозяином этого дома...

Лалилу своей я считаю сестрой...
Но новым его прерываю вопросом:
— А кто, извините, ночью порой
Являться сюда вам позволил без спроса?

Ведь я же не видела вас никогда
И фактом встревожена этим не очень...
— Ну, это, Шекер, не большая беда...
Я видел вас несколько раз, между прочим.

Но мы потолкуем об этом потом...
И он засмеялся ехидно и грубо.
И вдруг потянулся ощеренным ртом
Ко мне, растопырив мясистые губы.

И обе молодки по знаку его
Стащили силком с меня кофту и платье.
И толком понять не успев ничего,
Я вдруг оказалась лежащей в кровати.

И свет погасили они,
И за дверь
Смотались, как словно бы ветром их сдуло.
А он на меня навалился, как зверь,
Сдавил что есть силы ладонью мне скулы.

И я потеряла сознание на миг,
Не вскрикнув,
Не двинув в бессилье рукою.
Да кто бы, скажите, услышал мой крик
В глухом этом доме,
Что стал мне тюрьмою?

Прощай, Джолдошбек!
Я тебя предала.
Одна я за все, что случилось в ответе.
Считай, что Шекер навсегда умерла,
Что нет меня больше отныне на свете.

8

Как тяжело мне было!
Как страшно мне было!
Казалось, середь лета зима наступила.
Свекровка недели уж две или три
Висячий замок не снимает с двери.

И та молодуха с отвислой губою
Следит, как ценная собака, за мною.
И шагу ступить без нее не могу,
Как будто пред нею я в вечном долгу.

У пьяницы-мужа медвежьи повадки,
Вцепился в меня он железною хваткой.
С той ночи постылой
Не вспомню я дня,
Чтоб он не терзал
И не мучал меня.

И стыд за себя не даст мне покоя:
Я думала даже покончить с собою.
И ныне еще не могу я решить:
А надо ли,
Надо ли,
Надо ли жить?

Не трогают здесь никого мои слезы,
Все ходят, тупое молчанье храня.

А муж — то швыряет в лицо мне угрозы,
То ласкою хочет умаслить меня.

То сахар, то соль он мне сыплет на рану,
Твердит:—Для тебя я что хочешь достану!
Ты только хоть чуточку норов смири,
Хоть краешек сердца чуть-чуть отвори!

А я и не слышу мольбы его вроде,
В душе изможденной, как в склепе, темно.
Я даже не вижу, как солнце восходит.
Не вижу, как вечером гаснет оно.

Брожу взад-вперед, спотыкаясь, и горбясь,
И слова не вымолвлю мужу в ответ.
А я ведь была недоступной и гордой,
Живой и веселой была с малых лет.

Неужто согнусь я?
Неужто сломаюсь?
«Ну нет уж!— себя убедить я стараюсь.—
Суровой и сильною быть я должна,
Чтоб понял наглец: я ему не жена».

А может быть, в нем человечность проглянет,
Поймет он меня и неволить не станет.
Ведь ежели он не матерый подлец,
То должен же совесть иметь наконец.

А может, задобрить его мне для виду,
Запрятать поглубже тоску и обиду,
В саду его птицей беспечною петь,
Сжать зубы до боли во рту и терпеть.

Да, видно, судьба меня крепко прижала,
Коль я на такое готова была.

О, будь у меня смертоносное жало,
Себя я б убить без раздумья могла.

Но как же на волю мне выйти иначе,
Когда я не властна уже над судьбой?
Я утро встречаю мольбою горячей
И день провожаю горячей мольбой.

Мне солнце не в радость
И ветер не в радость,
И самая вкусная пища не в сладость,
И кажется мне,
Что вода родника,
Как слезы мои, солона и горька.

И нет от губастой молодки спасенья,
Что ходит за мной,
Карауля, как пес,
И каждый мой шаг,
И любое движение,
И всюду сует свой приплюснутый нос.

И всюду глухую вражду я встречаю,
Не вижу ни в ком ни добра, ни тепла...
Был день на исходе,
Когда вдруг за чаем
Лалила со мной разговор завела.

— Джене, золотая, — она мне сказала, —
Я нынче приятную новость слыхала. —
И встала, чтоб дверь поплотнее прикрыть —
Ребеночка скоро должна ты родить!

Неужто и вправду, моя дорогая,
Такая сошла на тебя благодать?
Свекровка от радости сахаром тает,
А муж твой готов от восторга плясать.

Ну что ты молчишь, как немая ворона?
Иль счастье свое не осмыслишь вполне?
Роди им батыра — и станет законом
Любое желанье твое здесь, джене.

Будь умницей, слышишь!..
А я уезжаю.
К учебе давно возвращаться пора...
Да ты не гляди на меня, как чужая:
Ведь я не чужая тебе, а сестра.

Как кошка, она предо мною юлила,
В глазах ее вспыхивал радужный свет.
Наверно, мою благодарность Лалила
Хотела немедля услышать в ответ.

А я, — будто ныла в груди моей рана, —
Стонала, Лалилину подлость кляня.
Казалось, связала меня без аркана
Навеки моя «дорогая родня».

И было мне в пору в реке утопиться,
Грызть землю зубами
И волосы рвать.
Лалила опять уезжает учиться,
А мне в этой затхлой тюрьме прозябать.

Ни совести нет в ней,
Ни долга,
Ни чести,
В подружке моей,
Хоть она молода.
Да будь я сейчас
На Лалилином месте,
Не знала, куда бы сбежать от стыда.

Что дорого ей в этом мире?
Что свято?
Ведь в жертву меня принесла она брату,
Сыграла жестоко со мною она,
Как с легкою щепкой — крутая волна.

А мы ведь не год и не два с ней дружили
И вместе учились,
И рядышком жили.
Но, видно, слепа как сова я была.
Коль эту лису распознать не смогла.

Лалила в раздумье у двери стояла,
Ответа ждала терпеливо...
Но нет,
И слова в тот вечер я ей не сказала,
И глазом я ей не моргнула в ответ.

Вот руку она мне свою протянула
И снова, как видно, чего-то ждала.
Но я и теперь на нее не взглянула,
Руки и теперь ей в ответ не дала.

Обидой такой поперхнувшись, как костью,
Шагнула она за порог, на крыльцо.
И тут-то с какой-то отчаянной злостью
Я плюнула подлой гадюке в лицо.

И этим поступком довольная очень,
Дала я ей несколько звонких пощечин,
Чтоб помнила долгие годы она,
Какою бывает за подлость цена.

Позор свой снесла молчаливо Лалила,
Не вскрикнула, гадина,
Не завопила,

И даже лицо не закрыла рукой...
А ведь не ждала она платы такой.

Видать с перепугу Лалила решила,
Что я от волненья рассудка лишилась,
Что бурные чувства сдержать мне невмочь,
Что с глаз моих надо убраться ей прочь.

И сникла Лалила,
Притихла Лалила,
И плечи понуро она опустила,
И в глуби души мою гордость кляня,
В наплывшую ночь побрела от меня.

9

В такую вот душную летнюю ночь,
Когда уже в доме закончили ужин,
Молва пронеслась,
Что приехала с мужем
К нам в гости свекровкина старшая дочь.

Все вышли на улицу встретить гостей,
Что здесь, как слыхала я, редко бывали,
Шумели,
Галдели
И, видимо, ждали
Каких-то желанных и добрых вестей.

Я только одна их не вышла встречать,
Сидела, нахохленная, будто ежик,
Растоптанных с ног не сняла босоножек
И старого платья не стала менять.

И слышно мне было, как дочь Закию
Свекровь на весь двор, не стыдясь, распекала

За то, что приехать она опоздала
С супругом Джакием на свадьбу мою.

Та что-то пыталась в ответ говорить,
На вечную занятость мужа ссылаясь,
Однако свекровь все сильнее распалялась—
И было ее не легко убедить.

И я уж чуть было в постель не легла,
Как скрипнула дверь — и одетая просто,
Немного полна,
Невысокого роста,
Ко мне эта женщина тихо вошла.

Светилось лицо у нее добротой,
И вся она светлой и доброй казалась,
Но было заметно,
Как прячет усталость
Она в задушевной улыбке простой.

Тоску мою сразу она поняла,
Хоть я ей ни слова еще не сказала,
И будто веревкой меня привязала
К себе, и со мной разговор повела.

Звучал в тишине ее голос глухой,
Брал за душу искренним, добрым участием:
— Отцы говорили: достаток и счастье
Приходят обычно в наш дом со снохой...

И сказано, видно, недаром, сестра,
Отцами известная истина эта...
Ну что же, желаю я вам с Қалмамбетом
Согласья и счастья,
Любви и добра!

Надеюсь, мы сможем друг друга понять,
Помехой нам разность в годах не послужит.
И если, Шекер, мы с тобою подружим,
Ты матерью можешь меня называть.

Вот жаль, не была я на свадьбе у вас:
Дела не пускали собраться в дорогу...
Но что это?..
Вроде тоску и тревогу
Я вижу, сестра, в глубине твоих глаз.

Скажи-ка мне, что у тебя на душе,
Что горло сдавило нетающим комом?
И мне показалось,
Что будто знакомы
Мы с женщиной этой лет двадцать уже.

И я к ней доверьем прониклась тотчас,
К ее доброте потянулась невольно.
И снова так тяжело мне стало и больно,
Так горько, что брызнули слезы из глаз.

И я ей, обиды своей не тая,
Как старшей сестре, обо всем рассказала:
И то, что я мужа до свадьбы не знала,
И то, как страдаю и мучаюсь я.

И слушала молча она мой рассказ,
И сердце ей жгли и досада, и жалость,
И так волновалась она, что казалось,
Расплачется вместе со мною сейчас.

И гладила волосы ласково мне,
И что-то шептала душевно и кротко...
Но бдительным стражем возникла молодка,
Прилипла губами к решетке в окне.

— Скажите хоть вы этой дуре, сестра,
Что нету причины печалью томиться,
Что с женскою долей своей примириться
И гордость отбросить давно уж пора.

Смотрите, как плохо одета она,
В какие дешевые туфли обута...
Ведь можно подумать: живется ей круто,
Поверить, что впрямь она очень бедна.

А в доме шикарных нарядов полно:
Есть платья и туфли — какие угодно!..
Другая мечтала бы выглядеть модно,
А этой гордячке, видать, все равно.

И вновь оглядела меня Закия:
— И вправду, Шекер, на кого ты похожа?
Нет, женщине так опускаться негоже:
Ведь ты не старуха, голубка моя.

Вот зеркало, милая...
Ну-ка взгляни...
И в зеркало я на себя поглядела...
И новое платье и туфли надела
Впервые за все эти долгие дни.

И на сердце стало впервые легко,
И вроде бы даже на миг показалось,
Что горе мое вместе с ветром умчалось,
Как призрачный сон, далеко-далеко.

* * *

А в это время молодуха
(Что за настырная душа)

К свекровке мчалась что есть духу,
Ее порадовать спеша.

Бежала, словно одичала,
Не чуя под собою ног.
— Апа, апа! — она кричала. —
Есть все-таки на небе бог!..

Недаром мне сегодня снилась
Лиса, попавшая в капкан...
— Ты, может скажешь, что случилось? —
Поджала губы Мистекан

Ох, я от счастья прямо млею...
Спасли, спасли мы нашу честь!..
Несите суюнчи* скорее
Вы мне за радостную весть!

— Но что же все-таки случилось?
Чем хочешь мать ты удивить?
— Сноха-то наша нарядилась...
Смирилась пташка, стало быть!

Одежду новую надела,
Ту, что дарили вы, апа.
И даже чуть повеселела —
Видать, не так уж и глупа.

С небес надумала спуститься,
С крутой тропы свернуть коня...
Так что придется разориться
Вам на подарок для меня.

Свекровь от радости сияла,
Как вешний мак, свекровь цвела

* Суюнчи — подарок за радостное известие.

И тут же сто рублей достала
И молодойке отдала.

И от избытка чувств в объятья
Молодку крепко заключив,
Преподнесла ей шаль и платье:
«Мол, вот тебе и суюнчи!»

А вскоре и сама решила
Удостовериться во всем,
Засуетилась,
Заспешила
И тут же чуть ли не бегом
Ко мне она засеменила
И распахнула дверь рывком.

И встала молча на пороге,
Не в силах в комнату ступить.
Как видно, от волненья ноги
Вдруг отказались ей служить.

И долго с моего наряда
Глаз не могла она свести
И так светилась, будто рада
Была строптивость мне простить.

Но вот она передохнула,
Ко мне неспешно подошла,
В глаза сердечно заглянула,
За шею нежно обняла.

И трижды в лоб поцеловала,
Как в детстве целовала мать,
И ласково, как мать, сказала:
— Есть все же божья благодать!
Дитя мое, я так устала
Минуты этой светлой ждать!

Обиду долго ты таила,
Держала долго в сердце зло.
Давай забудем все, что было!
Что было — то давно прошло,

Умчалось вместе с летним громом,
С водою полой унеслось...
Стань, наконец, хозяйкой дома,
Забудь тоску, обиду, злость.

Ведь ты же умница — я вижу,
Хотя еще и молода.
Клянусь, тебя я не обижу,
Не трону пальцем никогда.

А коль обижу, пусть я сгину!
Коль вру, пусть жизнью заплачу!
Роди-ка Калмамбету сына —
И я тебя озолочу.

Да обойдут тебя напасти!
Да снизойдет к тебе любовь!
И со словами: «Дай бог счастья!»,
Бодрясь, к себе ушла свекровь.

* * *

А Закия, — как я потом узнала, —
Все без утайки мужу рассказала
О том, какие муки я терплю,
Как в этом доме молодость гублю.

И то ли сам,
То ль по ее совету,
От яростного гнева весь в поту,

Пришел Джакий в тот вечер к Калмамбету,
Чтоб с ним поговорить начистоту.

Он задыхался и дрожал от злости
И, хоть не подобало это гостю,
Как на мальчишку на него кричал,
Стыдил его, бранил и поучал:

— Ты не мужчина, Калмамбет, а баба,
Нет гордости мужской в тебе ничуть.
Уж коль рожден ты немощным и слабым,
О девушках и думать позабуди!

Иль думаешь, что умыкнув девчонку,
Любить себя ей можешь приказать,
Что будет сапоги, как собачонка,
Она тебе до старости лизать?

Что не джигит ты — это знал давно я,
Не знал лишь, что не нажил ты ума.
Да разве станет девушка женою,
Коль не сумеет полюбить сама!

Прошу: не обрекай Шекер на муки,
Открой ей двери,
Развяжи ей руки,
Пусть едет и кончает институт,
Ей все равно не быть счастливой тут.

Послушай Калмамбет!..
Послушай брата:
Любовь, она, как жизнь, светла и свята.
Да и пойми же ты в конце концов:
Негоже жить на свете подлецом.

И Закия (она была тут тоже)
Сказала брату: — Да, так жить негоже.

Коль хочешь быть ты у людей в чести,
Бедняжку тотчас в город отпусти.

Считай, ты эту глупость сделал сдуру,
Так хоть сейчас послушай наш совет...
Как вор, склонивши голову понуро,
Переживал слова их Калмамбет.

И может быть, свободно б я стала
И обрела любовь и счастье вновь,
Когда бы в это время не стояла
За дверью разъяренная свекровь.

Она услышать кое-что успела
И, как тигрица, в комнату влетела,
В один момент излив всю злость свою
На зятя и на дочку Закию.

Кричала Мистекан: — Как вам не стыдно!
Зачем суетесь не в свои дела!
Иль, может быть, вам попросту завидно,
Что я такую девушку нашла?

Я столько с ней намучилась, покуда
Свершилось, наконец, большое чудо:
Надумала Шекер остаться здесь,
Решила не позорить нашу честь.

Едва-едва привыкла к дому птаха —
И что ж, опять должно пойти все прахом.
Ну нет, покуда буду я дышать,
Клянусь вам, что такому не бывать!

Не думала я, чтоб вот так могли мне
Вы досадить присутствием своим.
Я что, просила вас, чтоб помогли мне
Отцу невесты уплатить калым?

Сама нажить богатство я сумела,
Мне к вам в карман за помощью не лезть.
Лишь об одном прошу:
Не рушьте дело,
Которое сейчас вершится здесь !

— Позвольте, мама, мне сказать два слова!..—
Воскликнула в волненьи Закия. —
Шекер еще ребенок и другого
Она всем сердцем любит — знаю я.

Зачем же на глаза ей пялить шоры,
Судьбу ее,
Мечту ее ломать?
Уйдет она однажды —
И позора
Тогда уж нам никак не избежать.

— О, боже! От кого я слышу это?—
Взъярилась Мистекан еще сильнее. —
Выходит, не сестра ты Калмамбету.
Выходит, что Шекер тебе родней.

Тогда иди! Тебя я больше видеть
И часа в этом доме не могу.
А Калмамбета я не дам обидеть
И честь семьи сама я сберегу.

И каждому, кто словом неприличным
Осмелится обмолвиться о нас,
Вот этими руками самолично
Дурной язык я вырву в тот же час.

И ты, Джакий, не лезь в дела чужие,
Раздора не вбивай меж нами клин.
Ну, что молчишь?

Иль не права, скажи, я,
Иль, может быть, мне Калмамбет не сын?

И не дождавшись от детей ответа,
От ярости слепой не видя света,
Ступила, смачно сплюнув, за порог,
Всем спорам разом подведя итог.

Напрасно Закия кричала: «Мама!»—
Злопамятна свекровь была, упряма,
Не оглянулась,
Словно дочкин крик
Ушей ее и вправду не достиг.

— Да, женушка, обидел я свекровку...—
Вздыхнул Джакый. — Я не хотел, поверь.
Как сгладить эту глупую размолвку,
Как помириться с матерью теперь?

Беда, коль нету меж роднею лада.
Быть может, мне пойти с повинной к ней?
— Нет, — возразила Закия, — не надо,
Ты обозлишь ее еще сильнеей.

Ведь ты же знаешь, как она строптива:
Вовек теперь не сможет нас простить.
Но как такой поступок некрасивый
Мог Калмамбет, скажи мне, совершить?

Ведь он рожден и вырос в наше время,
Где есть простор и мыслям и делам.
Ну кто, скажи, ему, балбесу, в темя
Вдолбил дремучих пережитков хлам?

Я больше оставаться здесь не в силах,
Мне опостылел этот дом унылый.

Я тут, Джакий, не чай пила, а яд.
Сегодня же покинем этот ад!

И в путь-дорогу наскоро собравшись,
Ни слова, не сказав,
Не попрощавшись,
Тайком от многочисленной родни
Домой чуть свет уехали они.

* * *

«А все ж благородный Джакий человек, —
Подумал, дневник отложив, Джолдошбек. —
Такого кривить не принудишь душою,
С дороги свернуть не заставишь вовек.

Жаль только, что рядом сейчас его нет:
Он дал бы толковый и мудрый совет,
Помог бы во всем разобраться без спешки —
Он все-таки старше на несколько лет.

Конечно, Джакий его смог бы понять,
Сумел бы тоске и беде его внять...»
И вновь Джолдошбек над тетрадью склонился,
Листает ее он опять и опять.

10

«Итак, я судьбу превозмочь не смогла,
С жестоким проклятьем смириться решила...
Чуть свет во дворе самовар растопила,
Дрова принесла и очаг разожгла.

Не вечно ж оплакивать злую беду,
Не вечно по дому слоняться без дела.

К тому же, была я привычна к труду —
И стряпать, и гладить, и штопать умела.

Старалась я мужу во всем угодить,
Старалась стать доброй и верной женою.
А что было делать,
Коль выпало жить
Ни день и не два нам под крышей одною.

О, как он старался задобрить меня,
Как клялся в любви мне и страстно и жарко!
Наверно, не вспомню такого я дня,
Когда б он домой приходил без подарка.

Стараясь меня рассмешить, он острил,
Хоть это ему и не очень давалось,
И счастлив, как малый ребенок, он был,
Когда я на шутку его отзывалась.

И я к нему тоже терпима была,
Но знала, что вечно так длиться не может,
И смутно какого-то счастья ждала,
Мечтою туманною сердце тревожа.

Быть может, и свыклась с судьбой я — как знать,
И лучшего ждать бы с годами устала...
Но стала свекровка меня донимать
Да так, что житья мне на свете не стало.

Сначала взялась Калмамбета корить
За то, что он, дескать, характером слабый.
— Негоже, — кричала, — мужчине ходить
В прислугах у вздорной и взбалмошной бабы!

Шипела, как будто за горло брала:
— До ручки ты с нею, джигит, докатился:

Забыл о работе,
Забросил дела —
Уж лучше б ты вовсе на ней не женился!

Разделавшись с ним, за меня принялась,
Как злая волчица, ко мне подступилась:
— Откуда ты только такая взялась?
С какого такого аила явилась?

Как видно, отец твой начальник большой?..
Наверно, деньгу загребает прилично?..
— Отец, — отвечаю, — живет хорошо,
Хотя он всего лишь колхозник обычный.

— Выходит, на нем и стоит ваш колхоз?
— Да нет, я ведь этого не говорила.
— С чего же тогда задираешь ты нос?
Как смела, паршивка, обидеть Лалилу?

Я силой себя заставляю молчать,
Поскольку ответ мой свекрови не нужен.
— Когда, наконец, ты возьмешься стирать?
Когда, наконец, приготовишь нам ужин?

И так час за часом,
И так день за днем
Сжимала меня она мертвою хваткой
И дверь запирала амбарным замком,
Чтоб из дому я не сбежала украдкой.

И что-то еще говорила она,
И выла,
И злыми глазами косила,
И капала с губ ее наземь слюна,
Как будто собака ее укусила.

И пот мутной струйкой стекал с ее лба,
И было глядеть на нее жутковато.
Я сунула деньги ей в руки: — Апа!
Вот вся — до последней копейки — зарплата!

Берите ее и не надо кричать:
Здесь люди, и мне перед ними неловко.
— Ах, ты еще смеешь меня поучать! —
Сильнее, чем прежде, взъярилась свекровка. —

Сначала ты мужа к рукам прибрала,
А нынче, видать, затаила желанье,
Чтоб по миру я перед смертью пошла
С клюкою просить у людей подаянье.

А может, чтоб руки себе развязать,
Чтоб здесь покуражиться в полную силу,
Решила ты, милочка, мужнину мать
Своим отношеньем упрятать в могилу?!

Но я, как ты знаешь, не так уж проста,
Не так безответна, как кажется с виду!..
Ну, разве могла я закрыть ей уста!
И хоть и была моя совесть чиста,
Я вновь зарыдала от горькой обиды.

Все желчней свекровь становилась, все злей,
Глумилась она надо мной, как хотела,
И видя, что я трепещу перед ней
Однажды совсем Мистекан обнаглела.

Зарплату в тот день Калмамбет получил
(А он зарабатывал, видно, немало)
И всю до копейки ее мне вручил,
Не зная, что рядом свекровка стояла.

О, боже, какой она крик подняла,
Каким нелюдским она воем завывала!..
Как будто вдруг молния дом подожгла,
Как будто водою вдруг двор затопило.

— Послушайте, люди!— кричала она. —
Глядите, какая у сношеньки хватка!..
Да где ж это видано, чтобы жена
Здорового мужа держала под пяткой?

Смогу ли я этот позор пережить?
Сумею ли внука дожидаться хотя бы?
Уж лучше б мне сына совсем не родить,
Чем видеть его не мужчиной, а бабой!

Я, кажется, ахнуть и то не смогла,
Как эта бесовка хозяйкой здесь стала...
А ведь поначалу тихоней была,
Ведь рта не решалась раскрыть поначалу.

Я уши руками зажала, чтоб крик,
Чтоб рык ее яростный больше не слышать.
А муж мой молчал, будто был безъязык,
А муж мой в сторонке стоял тише мыши.

Пред матерью он, как ребенок, робел,
Дрожал, как птенец, не имеющий крыльев,
И пикнуть не смел,
И вступиться не смел;
Лишь пухлые губы кривил от бессилья.

И в комнату я побрела, как во сне,
Ни в ком даже малой поддержки не встретив.
И так сиротливо вдруг сделалось мне,
Как будто одна я на всем белом свете.

Весь день сегодня ветер завывал
И тучи пыли в небо поднимал;
Лишь к вечеру утих, уйдя за горы,
Как будто выть и буйствовать устал.

И вот уж наземь сумерки легли,
Дохнуло тихой негой от земли,
И в тишине вечерней стало слышно,
Как по шоссе машины мчат вдали.

Намаяв глотку дремлет Мистекан,
Упившись водкой, дремлет Мистекан.
От выкуренной длинной папиросы
В мозгу у Мистекан сплошной туман.

За мной она следила целый день,
Ходила по пятам за мной, как тень.
Любой мой шаг стеречь и караулить
Весь день, казалось, было ей не лень.

Все думала: а что как на беду
Любовника себе я заведу.
Все думала: а что как вдруг от мужа
К соседу потихонечку уйду.

Ведь впрямь ни для кого здесь не секрет,
Что очень уж доверчив Калмамбет.
К тому же, ежедневно на работу
Он уезжает из дому чуть свет.

Ну, как не согрешить молодке здесь?
Как сохранить приличия и честь?
Как устоять, коль кто-то перед нею
Обильно расточать вдруг станет лезть?

От этих дум свекровь изнемогла,
Хлебнула водки и в постель легла,
И, было, уж совсем она заснула,
Как в комнату к ней девушка вошла.

Вошла в пальто и в шелковом платке,
Держа тяжелый чемодан в руке,
Согнувшись в три погибели от груза,
Что был в ее заплечном рюкзаке.

— Да это же Лалила, видит бог!.. —
Свекровь едва сдержала тяжкий вздох. —
Что привело тебя, скажи мне, дочка,
В такую пору на родной порог?

Весь хмель в один момент с нее слетел.
— Тут вроде б нет особо срочных дел.
Да что с тобой, Лалила, приключилось,
С чего лицом бела ты, точно мел?

А та в ответ ей: — Я едва дышу..
Не мучьте вы меня, апа, — прошу,
Не лезьте мне в оплеванную душу —
Я все потом сама вам расскажу.

— Но все-таки, Лалила, как же так?..
Ведь ты еще вчера цвела, как мак.
А нынче на тебя глядеть мне страшно..
— Вы лучше помогите снять рюкзак...

И дайте стул, чтоб можно было сесть..
И приготовьте что-нибудь поесть..
Крепитесь, мама, ибо ваша дочка
Вам привезла безрадостную весть...

Сняла Лалила туфли и платок,
Хлебнула чаю крепкого глоток

И по лицу размазывая слезы,
Сказала: — Видно, есть на свете бог...

Я им за все грехи осуждена,
Из института я исключена...
— О боже, что за вздор ты мелешь, дочка?
Скажи хотя бы, в чем твоя вина?

— А в том, что завлекла сюда Шекер,
Женою брата нарекла Шекер,
В том, что обманом, хитростью и лестью
Я на бесчестье обрекла Шекер.

И в комсомоле выговор мне дан
За подлость, за бессовестный обман...
— Выходит, кто-то выдал нас, Лалила...
Выходит, кто-то нас завлек в капкан...

Накапала Шекер на нас, видать...
Неужто не могла ты разузнать
О том, кто наклепал на нас с тобою?
— Нет, нет, Шекер не надо обвинять!

Она тут вовсе непричем, апа,
Да и в таких делах еще глупа.
Нас предал тот, кого в зятя когда-то
Дала тебе коварная судьба.

— Джакий? Мой зять? Нет, нет, не может быть!
Как смеешь ты Джакия обвинить
В таком грехе, в таком поступке страшном?
Джакий не мог так подло поступить.

— Но он же сам об этом мне сказал,
Сказал, что в институт он написал

Письмо, в котором требовал, чтоб ректор
Меня за мой проступок наказал.

Сказал он мне:— Мол, ты должна понять:
Я — коммунист, я не могу молчать.
А промолчу, так сам себя, Лалила,
Отныне перестану уважать.

Ты б поглядела, что творилось там,
Какой вокруг меня поднялся гам...
Ну, думала ли я, что из-за зятя
Придется мне терпеть подобный срам?

Не зря он мне противен был всегда,
Я знала: с ним в наш дом пришла беда.
Ведь если делу ход дадут законный,
Недолго докатиться до суда.

— А я во всем виню сестру твою,
Мою родную дочку Закию.
Зачем она такого душегуба,
Такого злыдня привела в семью?

Я этого вовек ей не прощу,
Я на порог ее к нам не пущу.
А муженьку ее, клянусь аллахом,
За все обиды разом отомщу!

Как мне, Лалила, все это понять:
Сестра сестру не хочет уважать,
Зять подличает, а дитя родное
Артачится и в грош не ставит мать?

Кто напустил на нас такое зло —
Ведь вроде бы нам до сих пор везло;
Как проглядела я тот миг проклятый,
Тот день, когда все кувырком пошло?

Но я сумею отвести беду,
Из крепких рук не выпущу узду,
И что б там обо мне ни говорили,
Порядок крепкий в доме наведу!

Шекер пусть отправляется домой,
Она нам сроду не была родной.
А Калмамбета, чтоб не убивался,
Мы через месяц женим на другой.

В колхозе мы жену ему найдем
Такую, чтоб не хвасталась умом,
Чтоб никакой работы не чуралась
И свято почитала мужнин дом.

Да и тебе, Лалила, мужа тут
Достойного подыщем в пять минут.
Ты все равно профессором не станешь —
Так что наплюй, дитя, на институт!..

И с этими словами Мистекан
Хмельным вином наполнила стакан
И протянула дочке:— На-ка выпей:
Лекарства нету лучшего от ран.

12

Встало яркое солнце
Над снежной грядой.
Закипел самовар.
Стол уставлен едой.
И прибрать во дворе
Я успела чуть свет,
Чтоб не злилась свекровь,
Не ворчал Калмамбет.

И присела, чтоб чуть отдохнуть,
На крыльцо,
И, заплакав,
Уткнула в ладони лицо,
Потому как
Припомнился мне институт,
Общежитий веселых
Нехитрый уют

И скамейка в саду,
Где с утра допоздна
Я, бывало,
Над книгой сидела одна,
И беседка в сени
Вековых тополей,
Где подружки мои
Поджидали парней.

А потом заскрипела калитка —
И вот
Молодой почтальон
Мне письмо подает.
Я беру его,
Смутной тревоги полна, —
На конверте
Печать института видна.

Разрываю конверт
И на строчки гляжу,
А сама от волненья
Всем телом дрожу
И понять не могу,
Что написано тут...
А потом догадалась:
Зовут в институт.

Значит, помнят меня,
Не забыли меня...
О, как радостен свет
Наступившего дня!
Как сияют цветы!
Как искрится трава!
Как чиста и безбрежна
Небес синева!

Значит, можно хоть завтра
Вернуться туда,
Про невзгоды свои
Позабыв навсегда,
Снова влиться
В большую родную семью,
Снова встать
На прямую дорогу свою.

Я читаю письмо
И ликую душой,
И не вижу,
Как муж мой ко мне подошел,
Как глядит на меня он,
Не в силах понять
Почему перестала
Я вдруг горевать.

Почему на душе моей
Стало легко,
Почему улыбаюсь
Я так широко,
Почему не туманит
Печаль мне глаза
И не стынет, как прежде,
Во взоре слеза.

Говорит он:

— Ты так весела, Шекентай!

Говорит он:

— Ты нынче мила, Шекентай!

Отчего изменилась

Ты так, Шекентай?

Что за радость явилась

К тебе, Шекентай?

Говорит он:

— Сумел, наконец, я понять,

Как заставил тебя,

Шекентай, горевать.

Говорит:

— Солнце красное ты, Шекентай!

Я несчастною сделал

Тебя, Шекентай.

И мне жалко глядеть на него,

И уже

Прежней злости к нему

Не таю я в душе,

И от ярости

Лютым огнем не горю,

И спокойно в ответ

Я ему говорю:

— Что печалью томиться

Теперь, Калмамбет?

Что виною казниться

Теперь, Калмамбет?

Коль случилось

Твоею женою мне стать,

Так зачем же всю жизнь

Мне тебя упрекать?

Говорю, а сама
На распутье стою
И себя проклиная
За слабость свою.
Ну, куда я уйду?
Ну, куда я пойду?
Разве люди поймут
Боль мою и беду?

И ребеночка в чреве
Ношу я своим —
Значит, надо подумать
Теперь и о нем.
Кто заменит малютке
Родного отца?
Нет тревогам конца.
Нет терзаньям конца.

Видно, вечно мне
Горькую ношу нести.
Джолдошбек,
Ты меня за измену прости!
Я — чужая жена,
Я теперь не твоя,
Обесчещена я,
Опозорена я.

И проникнувшись мыслью
Такою сполна,
Говорю Калмамбету:
— Тебе я жена.
Значит, честной должна я
И преданной быть
И семейное счастье
До гроба хранить,

Быть пред честью в долгу,
Пред родными в долгу.
Не уйду я теперь от тебя,
Не сбегу.
Но коль хочешь
Хоть капельку счастья мне дать,
Должен ты, Калмамбет,
Верным другом мне стать.

Я решение свое
Выношу на твой суд:
Разреши мне вернуться
В родной институт.
Вот письмо...
Ты его прочитай, Калмамбет,
И позволь мне уехать
На несколько лет.

Я диплом получу
И обратно вернусь.
Хочешь, жизнью своею
Я в том поклянусь?
Не могу недоучкою быть,
Не хочу!
Видишь, я не хитрю,
Видишь, я не шучу.

Отпусти,
Если ценишь меня, Калмамбет!
Отпусти,
Если веришь в меня, Калмамбет!
Отпусти,
Если хочешь меня сохранить
И любовь и доверье
Мое заслужить!

На мгновенье задумался он,
А потом,
Для ответа слова
Подбирая с трудом,
Произнес: —
Если так уж угодно судьбе,
Я и в мыслях не стану
Перечить тебе.

Ни минуты тебя
Я не стану держать,
Но откуда мне знать,
Что надумает мать;
Без нее не ступлю я
И шагу, жена, —
Ведь всему голова
В нашем доме она.

Так что должен ее я
Сначала спросить —
Разрешит ли она
Мне тебя отпустить?
Разрешит — поезжай.
Запретит — не сердись.
Что ни скажет — стерпи,
Промолчи и смирись.

Я подумала: это
Почти что отказ...
И вот тут Мистекан
Появилась как раз;
Шла,
Соседками пьяными окружена,
И сама была вроде бы
В стельку пьяна.

Я хотела подальше
Уйти от греха,
Но она зашипела:
Куда ж ты, сноха?
Погоди!
Дай взглянуть на тебя хоть глазком!..
И мня за рукав
Потянула рывком.

— Вот, соседки,
Какая пошла молодежь:
Уважения к старшим
В ней нет ни на грош;
Жены властвуют в доме
И прут на рожон,
А мужья, как щенки,
Лижут пятки у жен.

Сын, и тот не желает
Меня признавать.
Сын, и тот не решится
Вступить за мать;
Вон стоит он,
Как будто ослеп и оглох —
Видно, накрепко
К жинкиной юбке присох.

Я заметила,
Как помрачнел Калмамбет,
Как погас на мгновенье
В глазах его свет,
Как прильнула к лицу
Его бледному кровь,
Как сурово и зло
Он взглянул на свекровь.

И подумалось:
Вот и проснулся джигит,
И подумалось:
Вот и очнулся джигит,
Настоящим мужчиною
Сделался враз,
И отныне ему
Даже мать не указ.

Он обиды такой
Не сумеет забыть,
Униженья такого
Не сможет простить.
И в душе моей,
Ввергнутой в стылую тьму,
Шевельнулась на миг
Благодарность к нему.

13

Вот так я страдала,
Вот так я жила,
И жизнь мне казалась
Задаром пропащей.
Я третьей снохой в этом доме была.
И всем им жилось здесь нисколько не слаще.

Едва на учебу отправив сына,
Вдовой горемычной прикинувшись ловко,
Соседскую дочь поспешила к рукам
Прибрать поскорей дорогая свекровка.

Как мог Калмамбет не послушаться мать —
Она бы сжила его мигом со света...
Пришлось нелюбимую девушку брать
Женой и хозяйкою в дом Калмамбету.

Но в дом не хозяйка вошла, а раба,
Поскольку несчастную эту молодку
С младенческих лет наделила судьба
Характером больно уж тихим и кротким.

Уколят иголкой — не вздрогнет она,
Не вскрикнет, хоть палкою тыкай ей в спину;
Трудилась бедняжка с зари дотемна,
Как будто была бессловесной скотиной.

Терпела она и насмешки, и брань,
Сносила безропотно злые угрозы,
Ходила, одетая в жалкую рвань,
Глотая безропотно горькие слезы.

И не было подлинной меры беде,
Что зыбкую волю ее спеленала;
Без спросу притронуться даже к еде
От страха она не решалась, бывало.

И как-то простыв в несусветный мороз,
Поскольку слаба была духом и телом.
Тихоня-сноха заболела всерьез,
Хвороба тихоню-сноху одолела.

Ей лечь бы в больницу...
Но вставши чуть свет,
Трудиться, как прежде, она продолжала:
Кормила скотину,
Варила обед,
Утожила, штопала, шила, стирала.

И так бедолага себя извела,
Боясь показаться лентяйкой свекрови,
Что к раннему вечеру напрочь слегла,
Сгорая от жара и харкая кровью.

Тут только, лихой испугавшись беды,
За знахарем сбегать свекровка решила.
И тот посоветовал: «Больше воды
Давайте больной, чтоб вернулись к ней силы...»

И стали водой молодуху поить,
Однако всем в доме уже было ясно,
Что, видимо, ей и трех дней не прожить,
Что поздние хлопоты эти напрасны.

А вскоре и вправду сноха умерла,
Двух слов перед смертью и то не сказала.
Свекровь, хоть расстроена с виду была,
Сама-то не очень по ней горевала.

«Ну что, мол, поделать, коль жизнь коротка, —
Твердила она и вздыхала притворно. —
Мы все у судьбы и у бога в руках
И тяжкое бремя несем мы покорно...»

И слезы роняла, а где-то в душе,
Чтоб мысли ее не подслушали люди,
О новой снохе помышляла уже,
О той, кто ей новой прислужницей будет.

В ту пору как раз был направлен в совхоз
Мой будущий муж, отучившись в столице,
И занял там вскоре ответственный пост,
Став сразу солидной и важною птицей.

Вот тут и решила свекровь, что нужна
(И некому было ее урезонить)
Теперь ее сыну такая жена,
Которой бы не было равных в районе.

И стала весной Мистекан разъезжать
По ближним и дальним поселкам и селам.

И в доме сноха появилась опять —
Девчонка, что только окончила школу.

Была председательской дочкой она,
Была, как на диво, стройна и красива,
Но, словно дикарка, в поступках шальна
И нравом весьма горяча и строптива.

Свекрови и мужу собой помыкать
Она не дала, а однажды решила
И вовсе во Фрунзе от них убежать,
Поскольку обрыдло ей все и постыло.

И там, как озерная чайка вольна,
Привыкнув ценить выше жизни свободу,
Со временем стала артисткой она,
Известной и очень любимой народом.

Ее я видала на сцене не раз
И помню отлично ее и поныне,
Но стало понятно мне только сейчас,
Что женщина эта была героиней.

Ведь против традиций не просто восстать,
Не просто порвать вековые устои:
Тут надо отважной душой обладать,
А иначе пробовать даже не стоит.

Ей было на первых порах нелегко...
И я ей от чистого сердца желаю
Лететь высоко и шагать далеко,
Сограждан талантом своим покоряя!

А третьей снохой оказалась здесь я,
И чуда еще не случилось покуда...
Надломлена слабая воля моя,
Нет сил, чтоб бежать без оглядки отсюда,

И муж мой к тому же — безвольный джигит,
И хоть называет меня он любимой,
Свекровь Мистекан перед нами стоит
Недвижной и твердой скалой нерушимой.

Ах, если б была она малость добрей,
Ах, если бы чуточку искренней стала,
Обиды вовек я не вспомнила б ей
И зла бы в душе на нее не держала,

И тяжелой ее не корила б виной,
И в мыслях ее не кляла бы, наперно.
Смирилась бы,
Стала хорошей женой,
Снохою и дочерью стала примерной.

На прошлой недели меня она вновь
Вконец извела,
Что я чуть не сомлела...
На зорьке вскочила с постели свекровь,
Воды принесла,
Самовар разогрела.

Я тоже в то утро чуть свет поднялась,
Гляжу: Мистекан выбивает ширдаки...
Я к ней...
А она злобным криком зашлась,
Завыла, залаяла хуже собаки.

И чтоб мне обиду больней нанести.
Чтоб люди увидели, что я за пташка,
Полы в нашей спальне взялась вдруг мести,
Вздыхая и охая горько и тяжело.

Ну, словом, такой подняла она вой.
Как будто бы в доме кого-то убили,

Как будто бы сын с недотепой-снохой
Вчистую хозяйство ее разорили.

И пыль, мол, повсюду,
И мусор,
И грязь,
И в спальне не мыты полы две недели,
А эта лентяйка Шекер, не стыдась,
Все утро милуется с мужем в постели.

И сын Қалмамбет, он, мол, тоже хорош...
Глядите, как спелся с женой-лежебокой...
Мол, радости нет от детей ни на грош...
Мол, лучше бы быть ей весь век одинокой.

Не выдержал крика и встал Қалмамбет,
К свекрови шагнул, что насупилась тучей.
— С чего это, милая мама, чуть свет
Вы в доме такую устроили бучу?

Уж лучше б он этого не говорил,
Глядишь — и свекровь бы хоть малость
остыла.

А тут, так, чтоб слышал ее весь аил,
Опять во весь голос она завопила.

Кричала:— Побойся, негодник, греха!..
Спроси у людей — и любой тебе скажет:
С тех пор, как вошла сюда третья сноха,
И думать забыл ты о матери даже.

Не хочешь ты видеть, как мне тяжело,
Как я от бессилья дышу еле-еле...
Конечно, уютно тебе и тепло
С ней целыми днями валяться в постели.

Ты даже характером стал не таков,
Жена тобой вертит,
Хоть ты и немолод.
Не мил тебе больше родительский кров,
Мечтаешь сбежать потихонечку в город.

Ну что ж, поворачивай, сын мой, арбу,
Я вижу: тебя уже враз не стреножишь.
Но помни, коль напрочь сломаешь судьбу
Обратно ее и до смерти не сложишь!

Гляди, как тебя окрутила жена,
Как зренья лишили тебя ее ласки...
Ты думаешь, будет учиться она,
Но это же, милый мой, сущие сказки.

Опомнись, покуда не поздно, сынок,
Задумайся крепче над этим вопросом,
Одерни Шекер, а не то, видит бог,
Оставит тебя она вскорости с носом!

И вся затряслась, задрожала от слез,
Забилась в истерике, словно больная.
А муж мой стоял, будто к полу прирос,
По-детски от страха глазами моргая.

А мне и противно, и малость смешно,
Стою, притулившись легонечко к двери.
Я этой притворе не верю давно,
Словам и слезам ее лживым не верю.

Смешно-то — смешно, но в то утро уже
Притронуться я ни к чему не хотела.
И мучительно было весь день на душе,
И сердце весь день нестерпимо болело.

А как-то под вечер, когда Калмамбет
Был должен с работы домой возвратиться,
Готовя ему, как обычно, обед,
Ждала я, покуда вода вскипятится.

Сухие поленья трещали в печи,
Калеными искрами брызгали ярко,
И солнце бросало в окошко лучи
По-летнему весело, радужно, жарко.

Ничто в этот день не терзало души,
Все вроде бы ладилось к сроку и к месту;
Нарезала мясо,
Потом для лапши
Из белой муки замесила я тесто.

Но вот на стене фотографий набор,
Истершимся глянец мерцающий тускло,
Привлек пестротой неожиданно взор —
И стало мне снова тревожно и грустно.

Смотрел со стены на меня Калмамбет,
Насупив густые, мохнатые брови.
А рядышком, в рамке — огромный портрет
Надменно-суровой и важной свекрови.

И день как-то сразу померк и погас,
И стылая горечь сдавила мне горло.
И снова подумалось: видно, сейчас
Слезами зальюсь безутешно и горько.

И стало тоскливо и холодно мне,
Как будто морозом ожгло мое тело..
Взглянула я в зеркало, что на стене
В соседстве с портретом свекрови висело.

Взглянула и вздрогнула...
Нет, не такой
Сама я все время себя представляла.
Нет, это не я...
Это кто-то другой...
Неужто таким я страшилищем стала?

Запали глаза, и румянец со щек
Когда и неведомо как испарился,
И тонких, глубоких морщин веерок
У рта и бровей, словно дождь, заструился.

И будто на шелке, что мок под дождем
И вылинял (так мне тогда показалось),
На бледном, на выцветшем лице моем
Кровинки, искринки живой не осталось.

Гляжу на себя и дышу тяжело,
И снова мне больно,
И снова обидно.
Вспотело,
Покрылось туманом стекло —
И вот уже в нем ничего мне не видно.

Будь проклята ты навсегда Мистекан,
Коварство твое и притворная жалость!..
Я сунула руку невольно в карман:
Там, помнится, зеркальце тоже лежало.

Его Джолдошбек мне в тот день подарил,
Когда я окончила школу в аиле.
Мы берегом озера,
Полные сил,
Бродили и так баззаботно шутили.

Я в зеркальце это взглянула — и вновь
Румянец на бледном лице увидала:

Наверно, совсем уж остывшая кровь
При мысли о нем в моих жилах взыграла.

И с зеркальца тонкий картон я сняла,
Под ним фотокарточка наша лежала.
И я осторожно ее извлекла
И, плача от радости, к сердцу прижала.

Глядели открыто друг другу в глаза
На карточке той мы
И счастливы были,
И солнце сияло для нас в небесах,
И звезды, казалось, для нас лишь светили.

И мысленно с ним я была в этот час,
И так хорошо на душе моей стало,
Как будто судьба неожиданно нас,
Назло всем невзгодам, навечно связала.

Я спрятала карточку, чтоб, не дай бог,
Свекрови она на глаза не попала.
И тут (ну, и выпал сегодня денек...)
Лалила в проеме дверном показалась.

Вошла и застыла, и молча ждала,
Ждала, чтобы я ей хоть слово сказала.
А я со стены полотенце сняла
И накрепко голову им обвязала.

Затем расстелила постель не спеша
И гостью свою обойдя стороною,
Вздыхая, чихая и тяжело дыша,
Тихонько легла, притворившись больною.

Лалиле лишь так отомстить я могла
За подлость ее,

За поступок позорный...
А вскоре я вновь уже в мыслях была
В родимом аиле своем приозерном.

Да так невзначай и заснула...
И мне
Привиделся сон, будто шли мы куда-то
Вдвоем с Джолдошбеком по свежей стерне,
Огромной любовью друг к другу объаты.

И веяло негой от теплой земли,
От отчей земли, на которой мы жили.
И озеро синью искрилось вдали,
И белые чайки над синью кружили.»

14

Был Джолдошбек от горя сам не свой,
Сон потерял он, позабыл покой.
Взгляд устремив в глухую тьму ночную,
Сидел джигит, поникнув головой.

Был возмущен он, был он разъярен,
И кулаки сжимал в бессилье он:
Неужто все, что здесь Шекер писала, —
Не злая шутка, не кошмарный сон?

О, как жалел он бедную Шекер!
Как сердцем млел в тревоге за Шекер!
Как проклинал себя за то, что сразу
Не захотел в беде помочь Шекер!

И сам себе он показался мал,
И сам себя нещадно проклинал,
И говорил себе: «Хоть стал ты взрослым,
Да, видно, мало в жизни повидал».

Горели звезды в темной вышине,
Сверчки перекликались в тишине.
И раненное сердце Джолдошбека
Болело и горело, как в огне.

И он не знал, как эту боль унять.
Окурок бросил, закурил опять.
И снова вслед за девушкой любимой
Ведет его раскрытая тетрадь.

* * *

«Земля под мягким снегом дремлет,
Что выпал нынче в первый раз,
И белым инеем деревья,
Куда ни глянь, ласкают глаз.

И солнце светит ярко, ярко,
И нету белизны конца.
Толкутся на аллее парни
У институтского крыльца.

Толкутся, ждут подружек милых,
Что в общежитии живут...
Сегодня утром из аила
Мой муж приехал в институт.

Приехал, чтоб меня проведать,
Чтоб о здоровье расспросить.
И вот мы с ним ведем беседу —
Нам есть о чем поговорить.

Я все же своего добилась,
Осуществила давний план.

И на учебу отпросилась,
Назло сварливой Мистекан.

Стоим, беседуем в сторонке,
Но на душе покоя нет.
Неужто снова о ребенке
Меня не спросит Калмамбет?

Иль от волненья не решится,
Иль позабыл он, что жена,
Хотя и девушкой глядится,
Вот-вот родить уже должна?

Ну что ж, сама ему об этом
Сейчас скажу в конце концов.
Ведь надо знать же Калмамбету,
Что скоро станет он отцом.

И говорю, и жду ответа,
Жду, что мне скажет Калмамбет.
Но радости у Калмамбета
В глазах, я вижу, вроде б нет.

Он что-то мямлит,
Что-то тянет:
Вопрос, мол важный и большой...
Он говорит: — А кто же станет
Возиться с нашим малышом?

На мать надежды мало очень,
Черства, глуха ее душа.
А впрочем, поступай как хочешь:
Ты — женщина, ты и решай.

Я б возражать не стал, пожалуй,
Против аборта... Как-никак,

Ты здесь надолго прописалась,
А город — это не кыштак.

Пойми, Шекер, ты не девчонка,
Нет ни родных, ни близких тут.
Кто будет нянчиться с ребенком,
Когда пойдешь ты в институт?

Но коли уж рожать приспело,
Рожай и возвращайся в дом...
О, как все вдруг похолодело
Во мне! Как все покрылось льдом!

Казалось, я его ударю...
Ишь заюлил, как скользкий уж.
Но он же мне не просто парень,
Ведь он же мой законный муж.

Неужто в нем не шевельнется
Мужская совесть хоть на миг?
Но он молчит... Молчит и мнется,
Как будто проглотил язык.

И в землю смотрит, словно что-то
Там собирается найти...
— Шекер, мне надо на работу...
Прости, но мне пора идти.

И он уходит... Боже, боже!
И все. Лишь только след в снегу.
А я-то думала, что все же
Вдруг полюбить его смогу.

Нет, нет, теперь я вижу ясно
Его нутро,
Его лицо.

О боже, как это ужасно
Жить в доме вместе с подлецом,

В постель с ним общую ложиться,
Ласкать его и обнимать!
О боже, лучше удавиться,
Чем в дом к нему войти опять!

Так я твердила, так шептала,
Дрожа от горечи и зла,
Но постепенно утихала
Боль, что огнем мне сердце жгла.

И я решила: будь что будет,
Но с прошлым я навечно рву.
В конце концов, ведь рядом люди,
Ведь не в лесу же я живу.

А там малыш родится к лету —
Частичка моего тепла.
И с мыслью трепетною этой
Я в общежитье побрела.

С тех пор я мужа не видала:
Меня он, видно, избегал,
Хотя, как позже я узнала,
Он часто в городе бывал.

Забыл и думать он, как видно,
О том, что я дитя ждала.
Мне было больно и обидно,
Но я держалась как могла,

Крепилась, чтоб никто не видел,
Что я живу, едва дыша,

Чтоб о моей тоске-обиде
Не знала ни одна душа.

И в институте все считают,
Что я, мол, счастлива вполне,
Что муж во мне души не чает,
Что, дескать, помогает мне,

Что, мол, красавицу такую
Нельзя всем сердцем не любить...
И вру я,
Вру напропалую
О том, как радостно мне жить.

Стараюсь сильной быть и стойкой,
Не гнущаясь пред бедой в дугу.
Лишь вечером, валясь на койку,
Слезам я волю дать могу.

И так я изведу слезами
Себя к утру,
Что целый день
Хожу с опухшими глазами,
Слепа, как собственная тень.

Я написала Калмамбету
Письмо, где все — сплошной укор.
Однако от него ответа
Не получила до сих пор.

Как видно, чтобы мне нагадить,
Хоть не было за мной вины,
Решила Мистекан отвадить
Навечно сына от жены.

Как видно, зная дело тонко,
Нашла подход к нему она...

Так и осталась я с ребенком —
И не вдова, и не жена.

А тут еще хворать я стала,
Горю, как будто от огня.
Наверно, все же доконала
Судьба-насмешница меня.

Наверно, горе иссушило,
Спалило сердце мне дотла.
И нету в теле прежней силы,
И нету прежнего тепла.

И как пришибленная колом,
Я ноги волочу едва.
Не знаю, если б не уколы,
Была ли я еще б жива.

Ни лечь, ни встать, ни шевельнуться
Порою не хватает сил.
Вот и решила я вернуться
К родителям в родной аил.

Они, конечно, были рады,
Смогли беду мою понять.
Да кто из нас родному чаду
В поддержке смог бы отказать?!

И малыша пригрели нежно,
Он здесь обрел семью и дом.
Вот спит он в люльке безмятежно,
А я сижу над дневником...»

Джоке в волнение дочитал тетрадь.
Казалось, что теперь бы можно спать.
Но нету сна, и в сердце боль такая,
Что впору во весь голос закричать.

Кого винить в случившемся ему?
Скорей бы новый день развеял тьму,
Чтоб можно было к озеру спуститься
И там побыть немного одному.

Нет, нет, рассвета ждать не в силах он.
Пусть ночь черна и темен небосклон,
Он и в ночи найдет к холму дорогу,
К холму, где был любим и был влюблен.

И он взошел на холм, горяч и скор,
Вдохнул всей грудью свежий ветер гор,
И взгляду словно изнова открылся
В сияньи лунном озера простор.

И так спокойна гладь воды была,
И так она манила и влекла,
Что вспыхнула надежда в Джолдошбеке
И боль-тоска от сердца отлегла.

15

Мечтою о встрече с любимой согрет,
Готовый схлестнуться с судьбою,
У озера встретил он теплый рассвет,
У кромки седого прибоя.

Все было знакомо и радостно здесь —
И море, и небо, и суша.
И снова раскрыл он тетрадь,
Чтоб прочесть
Страничку, запавшую в душу.

Была та страничка грустна, как укор,
Горька, как жестокое горе:
Вела с Иссык-Кулем Шекер разговор,
Просила совета у моря.

Писала, вернее, кричала она
В слезами наполненных фразах:
«О, мой Иссык-Куль, — голубая волна,
Мой искренний друг синеглазый!..

Ты видишь и знаешь,
Что жить мне невмочь,
Что горе рвет сердце на части.
Родной Иссык-Куль,
Ты мне должен помочь
Найти улетевшее счастье!

И крылья мне дай,
Чтоб взлететь в высоту
Могла я навстречу надежде,
Верни мне любовь
И верни мне мечту,
И песни, что пела я прежде!

Родной Иссык-Куль,
Я сгораю в тоске,
Устала страдать и томиться.
Согрей меня лаской,
А сердцу Джоке
Ты в камень не дай превратиться!»

Читал Джолдошбек эти строки, и был
Их болью пронзен он, как пулей.
А ветер рассветный, играя, рябил
Безбрежную даль Иссык-Куля.

А ветер шептал бедолаге: «Очнись!
Не медли, Джоке, ни минуты!
Навстречу любимой своей устремись,
Сорви с нее тяжкие путы!»

И солнце ему говорило: «Спеши!»
И словно б толкало джигита:
«Ты в девушке этой не чаешь души —
Так надо ли нежиться в сонной тиши,
Когда она горем убита?!»

«И вправду, чего я застыл, словно пень? —
Подумал джигит. — Или может
Меня этот солнцем наполненный день
Тоской о Шекер не тревожит?

Иль нет во мне прежней отваги и сил,
Иль мужества нет во мне боле?»
И с этою мыслью тетрадь он закрыл,
И чуть не бегом поспешил в свой аил
Тропинкой, идущей по полю.

А в поле полно молодых и девчат,
Без боя от них не отбиться.
Средь белого мака косынки пестрят,
Мелькают задорные лица.

Здесь все до единой остры на язык,
В карман не полезут за шуткой...
Напрасно пошел Джолдошбек напрямик
В надежде сберечь хоть минутку.

В округе известно, что он холостяк...
И вот, заступая дорогу,
Кричат молодухи: — Эй, сбавил бы шаг!
— Э, друг, подсобил бы немного!

Смеются: — Уж ты, черноглазый, прости,
Уж больно ты парень пригожий...
— И куревом, коли богат, угости...
— И дай огоньку, если можешь...

Джигита кидает и в холод и в жар,
Как курица, взмок он от пота.
— Курите, девчата, вот мой портсигар,
Дымите, коль так уж охота.

А те не смолкают: — Да он же влюблен...
— Да ну? И в кого ж, интересно?
— Глядите-ка, бабы, смущается он...
— В кого, говорите, Джоке наш влюблен?
Так это ж, подружки, известно.

— У парня характер, я слышала, — твердь...
Такой хоть кого приголубит.
— Но любит красавиц, длиннющих, как
жердь,
И глупых, по-моему, любит.

А если девчонка стройна и умна,
И ростом, как прочие люди,
Такая и даром ему не нужна,
С такой он встречаться не будет.

— Ну ладно, ты, парень, на нас не серчай:
Настырны мы только лишь с виду.
— Коль очень торопишься, значит ступай.
— И выкинь из сердца обиду.

— А хочешь, так с нами присядь на меже—
Вон день-то как ясен и светел!

— Мы знаем, о ком ты тоскуешь в душе,
Кого ты, дружок, заметил...

И впрямь, кто в аиле не знает о том
(Такого вовек не бывает),
Кем грезит джигит по ночам и о ком
Томится, грустит и вздыхает.

А шутки, они ведь, конечно, не в счет.
Чуток пошутили — и хватит.
Всему свое время,
Всему свой черед.
И вновь Джолдошбек по тропинке идет.
Пойдем за ним следом, читатель.

16

Небо звездное,
Словно расшитый ширдак...
Свет луны расплескался
Над ширью морскою...
Стих, намаявшись за день,
Зеленый кыштак,
Спит,
Объятый ночной тишиной и покоем.

Над садами
Чуть слышно шумит ветерок.
Все блаженно
В такие минуты в природе.
Счастлив тот,
Кто усталость и сон превозмог,
Кто по пляжам пустынным
С любимой бродит.

Но несчастна Шекер,
Так несчастна она,
Что не в радость ей ночь эта,
Полная ласки.
Вновь бредет
По знакомой тропинке одна,
Вновь толкает она
Пред собою коляску.

Смотрит вслед ей с крыльца
Седовласая мать
С неизбывной тоской
И печалью во взоре.
Только мать
Может знать
И всем сердцем понять
Глубину и жестокость
Дочернего горя.

Мать не будет корить
И не будет винить,
И судить за ошибки
Не станет сурово,
И сумеет
От хвори любой исцелить,
И найдет в трудный час
Задушевное слово.

Дочь в беде —
И покоя у матери нет,
Трудно дочери —
Матери в сто раз труднее,
И не греет ее
Солнца жаркого свет,
И от боли
Душа у нее цепенеет.

Но Шекер не оглянется.
В лунную даль
Устремлен ее взор,
Полный слез и страданья.
А во взоре тоска,
А во взоре печаль,
И надежда,
И трепетный свет ожидания.

А коляска бежит,
Дребезжит,
Дребезжит
По тропинке,
Ведущей на берег озерный.
И на сердце у женщины
Камень лежит,
Давит сердце ей камень
Горячий и черный.

Этот камень ей, видно,
Не сбросить вовек
И вовек никуда
От печали не деться...
Вдруг навстречу из тьмы
К ней шагнул человек —
И подбитою птицею
Обмерло сердце.

Здесь, на тропке,
Скрестятся сейчас их пути —
Эта встреча ночная,
Как рок, неотвратна.
Слава богу,
Что есть еще время уйти,
Есть возможность еще
Возвратиться обратно!

Эта встреча сейчас ей
Совсем не нужна —
Ведь и так от всего,
Что пережито, тошно.
И назад повернула
Коляску она,
И домой
Покатила ее осторожно.

Только тот человек
Не ушел,
Не отстал.
Что ему от нее, —
Не поймет она, — надо?
Может, пьян он?
А может быть, просто нахал?
Боже, боже,
Ведь он же совсем уже рядом!

Кто ее защитит, —
Разве только что мать, —
Если вдруг он надумает
В дом к ней ворваться,
Если станет по пьянке
Он к ней приставать
Или, хуже того,
Вдруг начнет измываться.

Вот и дом, наконец...
И ворота...
И двор...
Слава богу, дошла!
Слава богу, успела!
Вот уже на калитку
Наброшен запор...
О, как сердце стучит!
Как дрожит ее тело!

Сколько там еще —
Шаг или два до дверей,
За которыми можно
Укрыться надежно?
А теперь на щеколду
Окошко скорей!..
Боже, боже, как страшно
И как ей тревожно!

И взглянула в окно,
И прильнула к окну,
И задернула шторы,
И свет погасила,
И подумала:
«Я ведь теперь не засну
И дожить до утра
Мне теперь не под силу».

— Может, все-таки скажешь, дитя,
Что с тобой?—
Мать спросила Шекер,
Но она лишь упрямо
Отвернулась к стене
И махнула рукой:
Мол, сейчас ни о чем
Ты не спрашивай, мама.

— Но ведь ты же, родная,
Дрожишь, как овца.
Я ведь вижу,
Что ты не найдешь себе места.
Тут еще, как на грех,
Нету в доме отца,
А когда он вернется,
Лишь богу известно.

Но ни слова Шекер,
Ни полслова в ответ,
А ведь с матерью раньше
Была откровенна,
И молчит,
И дрожит,
Будто тысяча бед
Ей на голову
Рухнула с неба мгновенно.

Ну, а тот человек,
Он уже у ворот,
Перед носом забор
У него появился.
«Что ж, выходит, мне дан
От ворот поворот
Или, может быть, я
В темноте заблудился?

Вроде б только что свет здесь горел,
Но погас...
Видно, все же уйти
Мне отсюда придется...
Ну, а что, коль окликну
Шекер я сейчас —
Вдруг на оклик она
Невзначай отзовется?

Нет, бедняжку я криком
Могу напугать
Так, что пальца
Не высунет даже наружу.
И к тому же
Там с ней еще старая мать,
И дитя несмышленное
В доме к тому же...»

Что же делать ему?
На калитке запор.
И ворота,
Они на запоре ведь тоже.
Как же все же
Проникнуть джигиту во двор,
Коль высоким забором
Весь двор огорожен?

Подтянулся Джоке на руках и повис
На заборе,
Как в детстве не раз это делал,
А потом оттолкнулся легонько
И вниз
Ловко сбросил проворное,
Крепкое тело.

Огляделся...
Тут вроде б собака была...
С нею в добрых друзьях
Они были когда-то.
Но она от него
И отвыкнуть могла —
Искусает,
Попробуй сыщи виноватых.

«Кабылан! Кабылан!» —
Он собаку позвал.
И на голос его,
До сих пор незабывай,
Пес примчался из тьмы
И хвостом завилял,
По-собачьи в любви
Объясняясь джигиту.

— Кабылан!
Да тебя ведь совсем не узнать:
Ишь, как стал ты, дружище,
Силен и огромен!..
Сколько ж времени мне
Не случилось бывать
В этом, некогда милом,
Приветливом доме?

Чья-то тень на мгновенье
Мелькнула в окне...
Это мать,
Увидав во дворе человека,
Отшатнулась
И молча прижалась к стене,
Ибо сразу узнала
Она Джолдошбека.

Как сказать,
Что творилось у старой в душе?
Чем измерить
Тревогу ее и волненье?
Да и ты, мой читатель,
Наверно, уже
Джолдошбека в джигите
Узнал без сомненья.

Мать стара.
Ее можно, читатель, понять.
Старость горя боится
И счастья боится.
Но когда ж, наконец,
Джолдошбек постучать
В дверь,
К которой так долго стремился,
Решится?

Эта крепкая дверь,
Как судьба,
Как черта
Разделила весь мир
На две равные части.
На одной стороне —
Пустота,
Маята,
На другой стороне —
Долгожданное счастье.

Что же медлишь ты, друг?
Что печалишься, друг?
Как понять до сих пор,
Джолдошбек, ты не можешь,
Что за дверью давно
Ожидают твой стук —
Отчего,
Почему же ты так осторожен?

И собрался он с духом,
И в дверь постучал,
И, чуть-чуть подождав,
Постучал в нее снова.
Только дом почему-то
Молчал и молчал,
Будто в нем никого
Не осталось живого.

«Видно, поздно уже.
Видно, все уже спят. —
Он вздохнул
И собаку погладил по холке. —
Что ж, придется, видать,
Возвращаться назад,
А не то по айлу
Пойдут кривотолки.

Значит, свидеться нынче
Мне с ней не дано.
Что ж напрасно стучать,
Старый дом сотрясая...»
А Шекер в это время
Смотрела в окно,
До крови от отчаянья
Губы кусая.

Он ушел, а Шекер
Дверь с крючка сорвала
И едва волоча
От усталости ноги,
Задыхаясь и плача,
За ним побрела
По колючке,
Что густо росла вдоль дороги.

Сколько б шла она так
С острой болью в груди
За судьбой,
За надеждой несбывшейся следом?
Но сверкнули
Два ярких луча впереди,
Тормознула, сигналив,
И встала «Победа».

И уехал Джоке,
Не узнав, что она,
От обиды и горя
Дрожа, как больная,
До утра простоит
У дороги одна,
Проклиная весь мир
И себя проклиная,

Что не слыша,
Не видя вокруг ничего,
Будет снова и снова
Губами сухими,
Как молитву,
Шептать она имя его,
Только имя одно,
Лишь одно толькó имя.

17

Как зелено вокруг и как пестро!
Тут зреет кукуруза,
Там — капуста...
Увлечена работой, как игрой,
Шекер с утра ведет полив искусно.

На ней спортивный вязанный костюм,
На голове — зеленая косынка.
И легок груз простых и ясных дум,
И нет во взгляде пасмурной грустинки.

Она довольна этим светлым днем,
Нежаркою безоблачной погодой.
Орудую проворно кетменем,
Шекер на грядки направляет воду.

И сердце добрых ждет с утра вестей
И в предвкушенье счастья замирает...
В беседке под деревьями гостей
Отец Бакаш беседой развлекает.

Их двое здесь — Джакий и Закия,
Он в пиджаке,
Она в нарядном платье.

Описывать их вновь не стану я:
Ты помнишь их, внимательный читатель.

Приход их поначалу напугал
Мою Шекер.
Она решила, было,
Что Калмамбет родню сюда прислал —
Вернуть жену в сёкровокин дом постылый.

И так ей стало тяжело в этот миг,
Такой она наполнилась печалью,
Что показалось, будто день поник,
Поблекло небо и цветы увяли.

И думала она: «Теперь и дня
Я в доме том прожить бы не сумела.
Пусть проклял бы родной отец меня,
Туда вернуться я б не захотела.

Стонать у Мистекан под сапогом
Я больше не желаю и минуты.
Уж лучше мне погибнуть смертью лютой,
Чем тлеть всю жизнь вонючим кизяком!»

Но поразмыслив, к выводу пришла
Шекер, что это не такие люди,
Что ей чинить Джакый не станет зла
И Закия ей пакостить не будет.

И снова стало на душе светло,
И снова солнце ярко засияло,
И от земли повеяло теплом,
И горечи в груди как ни бывало.

И перестал кетмень ладони жечь,
И в сердце не осталось места злости...

Прислушалась Шекер, о чем же речь
С ее отцом ведут так долго гости.

А речь о ней, о ней и о Джоке
Мудрец Джакий ведет витиевато:
— Не мне вам говорить, Бакаш-аке, —
То не огонь, что выгорел когда-то.

В нем нет тепла, в нем жара больше нет,
Он ни души, ни тела не согреет.
А уголь, даже если он и тлеет,
То все равно не излучает свет.

— Ты погоди, Джакий, ты не мудри,
Твои слова понятны мне не очень. —
Ворчит Бакаш. — Ты прямо говори
Все то, что старику сказать ты хочешь.

— Да я, Бакаш-аке, со всей душой...
Уж вы ко мне не будьте слишком строги.
Кто навсегда от прошлого ушел,
Не станет вновь искать туда дороги.

И речки вспять вовек не повернуть.
А человеку, коль он встать решиться
Однажды на прямой и верный путь,
Поверьте мне, с пути уже не сбиться.

И место в жизни он себе найдет,
Не устрасась метельной круговерти,
И, как цветок весенний, расцветет,
И у сограждан обретет почет
И уваженье обретет, поверьте.

— К чему ты клонишь все-таки, сынок?—
Вздыхнул Бакаш. — Ты говорил бы кратко.

А-то ведь, что ни слово, то намёк,
А-то ведь, что ни фраза, то загадка.

Но в общем-то в словах твоих резон
Улавливаю я, как говорится.
Ты речь ведешь о том, что распрямиться
Сумеет тот, кто жизнью искривлен.

Ты прав, Джакий. Мне нечем возразить.
Коль в человеке вера не уснула,
Он сможет силу духа сохранить,
Как тяжело бы судьба его ни гнула.

Но если сердце жиром обрастет
И помутнеет разум от бессилья,
Он рано или поздно упадет,
Как дерево, источенное гнилью.

— Вот-вот, Бакаш-аке, и я о том
Вам говорю... Но нам пора прощаться.
Да будет полон радости ваш дом!..
Эй, Закия, давай-ка собираться.

— А может, посидели бы часок,
Попили б чай, поговорили б снова...
Но все равно рахмат тебе, сынок,
За доброе, участливое слово!

Джакий смутился: — Что вы? Это я
Благодарить вас должен за беседу...
— Ты посиди, — шепнула Закия, —
Мне очень нужно Шекентай провести.

И в огород направилась она,
Легко ступая меж высоких грядок.
— Шекер, ты брату больше не жена...
Свободна ты... И я безмерно рада.

Мы все тут за тебя стоим горой.
И если ты мне в этом не откажешь,
Тебе я буду старшею сестрой,
Родней сестры тебе я буду даже.

И руку ей на дружбу подала,
И нежно в лоб ее поцеловала,
И, как сестру, душевно обняла,
И навестить еще раз обещала.

Ну, а Шекер не знала что гадать,
Сомнения бедняжку изводили.
— Зачем, апа, к нам гости приходили,
О чем отец с Джакием говорили?—
Она весь день расспрашивает мать.—

Надумали меня игрушкой вновь
Наверно, сделать люди, чтобы снова
Мной помыкала жадная свекровь,
Не знающая ничего святого.

Неужто ты, апа, мне хочешь зла?
Ведь о таком подумать даже жутко...
— Ты что, Шекер, совсем с ума сошла?
Опомнись, дочка, не теряй рассудка!

И так давненько не один джигит,
Будь глуп он, будь он пьяным до упаду,
И мельком на тебя не поглядит,
Когда проходит с домом нашим рядом.

Как только о Джакие ты могла
Так плохо думать?
Как могла забытьсся?
Ты вспомни, как тебя я привела
К нему, когда пришла пора учиться.

Как ласков он всегда с тобою был —
Так лишь отец свое дитя ласкает.
Недаром же, наверно, весь аил
За доброту Джакия почитает.

Шекер словами матери была
Пристыжена.

Ей вспомнилось вдруг ясно,
Как в школу шла девчонкой
В платье красном,
Вернее, мать туда ее вела.

О, этот сладкий незабвенный миг!
Ей даже было боязно немножко,
И спину жгла лежащая средь книг
В заплечной сумке свежая лепешка.

И вспомнилось, как мудро наставлял
Ее Джакий,
Как согревал заботой,
С каким терпеньем долгим окрылял
Для смелого, высокого полета.

Нет, нет, учитель злым не может быть,
И этот день печальным быть не может!
Шекер вздохнула: «Что ж это я, боже!..
Давно пора ребенка мне кормить».

— Да, да, апа, Джакий не виноват...
И к матери щекой прижалась нежно,
И тотчас же заторопилась в сад,
Где в люльке спал ребенок безмятежно.

Как все же эта ночь длинна...
Скорей бы наступил рассвет!

Какая в доме тишина,
А сна все нет, и нет, и нет.

Все передумано давно,
Все перемерено давно...
А за окном еще темно,
И не стучит заря в окно.

Наверно, лучше было б встать,
Чем так вот душу бередить.
Вот только бы не разбудить
Ей невзначай отца и мать.

И вот Шекер уже встает
(Не дождалась она зари).
И вот на цыпочках идет
Шекер к незапертой двери.

Порог... Крыльцо... И вот он двор...
Как все же эта ночь темна!
На белогривых кручах гор
Висит тумана пелена.

А где-то озеро шумит,
Ему покоя тоже нет.
Как сердце эта ночь томит...
Скорей бы наступил рассвет!

И вот он грянул из-за гор,
Веселый, яркий, молодой,
И крылья утра распростер
Над иссык-кульскою водой,

И высветил он ширь и даль,
И глубь земли,
И неба высь,

И разогнал тоску-печаль
Огнем, творящим свет и жизнь.

И сразу позабылся страх,
Что омрачал тревогой взгляд.
И ожил прямо на глазах,
Зашелестел листвою сад.

О, как там радостно сейчас!
Как все наполнено теплом!
В руках у женщины «Манас» —
Сказаний древних толстый том.

Дела давно минувших дней
Встают пред нею чередой...
Вот храбрецов-богатырей
Зовет Манас на правый бой.

Вот в латах Каныкей-джене,
Верна Манасу своему,
На резвом вороном коне
Летит на выручку ему.

Слеза Шекер туманит взор,
Понять ей трудно до конца,
Как эти песни люди гор
Доселе сберегли в сердцах,

Как пронесли их сквозь года
И сквозь века их пронесли
И сохранили навсегда
В бессонной памяти земли?

Те песни сквозь огонь прошли,
Буранной мгле наперекор,
И, словно сосны, проросли
Корнями в твердь тьянь-шань.

Народа дух и мощь его
Живут неугасимо в них.
Добра и правды торжество
Несет в себе свободный стих.

Течет он плавно, как река,
Все величавей и вольней
Через года,
Через века
От давних дней
До наших дней.

Поэзия, она, как жизнь,
Из мрака всходит день за днем,
Когда ее питает мысль
Могучим солнечным огнем.

Прочитанным увлечена,
Шекер взволнована душой.
Нет, не услышала она,
Как кто-то молча в сад вошел,

Как пес незлобно зарычал,
Как тихо хрустнула трава...
А тот, кто в сад вошел, молчал,
Все в мире позабыв слова.

Стоял он в тягостной тоске,
Печаль во взгляде хороня,
Держа шары в одной руке,
В другой — фанерного коня.

И был лицом вошедший сер.
Как будто ночь провел без сна.
Но вот он выдохнул: «Шекер!..»
И в страхе вздрогнула она.

И замерла, как будто ток
Через нее прошел насквозь
И так огнем ее ожег,
Что все внутри оборвалось.

Все это длилось только миг,
А показалось: длится час.
И вот скрестились взгляды их,
Как два сверкающих луча.

Как видно, в этот миг судьба
Лицом к ним повернулась вдруг.
В глазах у юноши — мольба,
В глазах у женщины — испуг.

Стоят, почти что не дыша,
Стоят, не зная, как им быть?
А между ними только шаг,
Шаг, чтоб черту переступить.

Как робость в сердце превозмочь,
Чтоб камнем не давила грудь,
Сомнений тяжесть сбросить прочь,
Чтоб легче стал друг к другу путь?

Ведь столько надо им сказать
Друг другу здесь наверняка...
И вот зеленую тетрадь
Достал Джоке из пиджака.

И будто преступил порог,
Что громоздился на пути...
— Вот твой дневник...
Он мне помог
Путь к сердцу твоему найти.

Возьми его, Шекер, и пусть
Не будет между нами зла,
Пускай печаль твоя и грусть
В огне любви сгорят дотла!

Шекер молчит, Шекер дрожит,
Шекер не знает, что сказать.
От слов, что произнес джигит,
Она готова зарыдать.

Ей сердце жгут его слова —
Так значит он простить готов...
И ходит кругом голова
У женщины от этих слов.

И камень плавится в груди,
Что было ей носить невмочь,
И боль, что сердце бередит,
Уходит постепенно прочь.

Так значит, вопреки судьбе,
Жизнь не окончена еще.
Вот он привлек ее к себе,
Взахлеб целует горячо.

Вот он к груди ее прижал,
Как солнце знойное, горяч.
— О, как я встречи этой ждал!
Шекер, любимая, не плачь!

Шекер, любимая, поверь:
С тобой я сердцем и душой!
Ты так страдала!.. Но теперь,
Теперь все будет хорошо!

Он шепчет, а она молчит,
Дрожит, боясь открыть глаза,

И по щеке ее бежит
Крутая, жгучая слеза.

И вся насквозь просветлена
Любовью своего Джоке,
Целует юношу она,
Ладонью гладит по щеке.

И так ей просто и легко,
Как будто только родилась,
Как будто выше облаков
Она лебедушкой взнеслась.

И тает в сердце горький ком.
— Джоке, я так тебя ждала!
Была я сорванным цветком,
Лучом погасшим я была.

И в тине вязла я по грудь,
В грязи тонула день за днем.
Ты счастье мне сумел вернуть,
Согрел меня своим теплом.

Была я при смерти, но вновь
Живу, сомнения гоня.
Джоке, родной, твоя любовь
Спасла от гибели меня!

Как мне тебя благодарить,
Чтоб пред тобой не быть в долгу?
Какой любовью оплатить
Твою любовь, Джоке, смогу?

Как жить на свете, чтобы был
Ты светлым счастьем озарен,
Чтоб все, что было, позабыл,

Как злой кошмар,
Как страшный сон?

Клянусь, что до последних дней
Я буду дорожить тобой!
Ты обними меня сильней,
Мой Джолдошбек,
Желанный мой!

И он ласкал свою Шекер,
И целовал свою Шекер,
И им казалось в этот миг,
Что нет людей счастливей их.

19

Промчались годы,
Схлынули тревоги,
И боль в душе с годами улеглась.
И снова привели меня дороги
На Иссык-Куль,
Где я бывал не раз.

По берегу бродил я на рассвете,
Обдумывая жизнь наедине,
И потому не сразу я заметил,
Как подступила женщина ко мне.

Она была стремительна, как птица,
Что в просинь неба может тотчас взмыть.
И я уже хотел остановиться,
Чтоб ей дорогу к морю уступить.

Но вдруг узнал Шекер,
И что-то сжало

Мне грудь воспоминаньем о былом.
А женщина «День добрый!» мне сказала,
— Вы что же в наш не заглянули дом?

Неужто время выбрать не смогли вы —
Ведь мы, агай, живем невдалеке.
Я оглянулся...
Светлый и счастливый
Чуть в стороне стоял ее Джок.

И было мне глядеть на них приятно,
На лица их, лучащие тепло.
И радовался я, что безвозвратно
Давно ушло давившее их зло,

Что тучи хмарью неба им не застыят,
Что, верою в любовь свою крепки,
Они смогли найти дорогу к счастью,
Всему, что с ними было, вопреки.

Что не смирилась с долею позорной
Моя Шекер и вырвалась из тьмы,
Не став рабыней жалкой и покорной
В том мрачном доме, что страшной тюрьмы.

И за Джок я радовался тоже,
Что он в себе гордыню превозмог,
Что, сердцем за любимую тревожась,
Ей веру в жизнь он вновь найти помог.

Мы к озеру спустились и застыли
В молчанье на пологом берегу.
А в вышине над нами горы плыли,
Вершины зябко кутая в снегу.

И летний день не предвещал ненастья,
И ветер к морю нес прохладу рек.
И думалось, и верилось: для счастья,
А не для горя создан человек,

Что как бы в жизни ни случалось туго,
Какой бы злою ни была беда,
Влюбленные сердца найдут друг друга
И обретут согласие навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

Муза, озаренная Октябрем

Стихотворения

Дорогой Ленина	7
У карты планеты	9
Во имя счастья	11
Ленин улыбается	12
Я партию мою благодарю	13
Говорит Москва	15
Моя родина	17
Пик Ленина	18
Родная земля	20
Ленинский уголок во Фрунзе	21

Из Казанской тетради

В Ленинском университете	23
У памятника Мусе Джалилю	25
Народный комиссар	27
С вершины времени	29
Золотая долина	32
Гостиница «Пишпек»	34
Рождение мелодии	41
Саадат Ногоевой	42
Семен-ага	44
Иду по жизни комсомольцем	46
Учитель	48
Люди в белых халатах	50
Козу-Баглан	53
Юноша, лежащий на траве	52
Тайна имени	56

Из Таджикской тетради

Цветы Таджикистана	57
Таджикскому народу	59
Ущелье Варзоб	60
Каратегин	63
В библиотеке Фирдоуси	65
Горы, где встанет Нурекская ГЭС	68
Ленинабад	70
Соловьиная песня	72
Высота	74
О славе	76
Душа человека	78
Преданность	79
Взлетают птицы на рассвете	80
Дом без матери	80

Из цикла «Поэзии неистребимый свет...»

Моя опора	82
Не торопись кричать, что ты поэт	84
Три поэта	85
Не пишите, женщины, стихов	86

Из иссык-кульской тетради

Голубой Иссык-Куль	88
Вопреки старости	90
Мудрость	91
Вспоминаю старых товарищей	92
О любви	94
Девушка в лунном свете	95
Откровение	97
Подснежники	98
Лунная ночь	99

Поэмы

Ленин у Иссык-куля	102
Зууракан	122
Встреча на берегу Иссык-Куля	151

Кубанычбек Маликов

**ВСТРЕЧИ НА БЕРЕГУ
ИССЫК-КУЛЯ**

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Редактор *В. М. Бобылев*
Худож. редактор *И. Ф. Бульба*
Техн. редактор *Р. Я. Ревенко*
Корректор *Л. Бондарева*

ИБ № 472

Сдано в набор 25/XI 1977 г. Подписано к печати 2/III-1978 г. Бумага типографская № 1. Формат бумаги 70×90^{1/32}, 8,875 физич. печатных листов, 10,38 условн. печатных листа, 12,19 учетно-издательских листа, Д—01693, Заказ № 518. Тираж 3000.
Цена 1 р. 50 к.

720737, ГСП, Фрунзе, Советская, 170,
Издательство «Кыргызстан»

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская,
102, Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия
Киргизской ССР Госкомиздата
Киргизской ССР